Ж.М. Баженова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РЮКЮСЦЕВ

Этническая история рюкюсцев

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East

J.M. Bajenova

ETHNIC HISTORY OF THE RYKYUAN PEOPLES

Vladivostok
Dalnauka
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Ж.М. Баженова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РЮКЮСЦЕВ

Владивосток
Дальнаука
2009

УДК: 390 (= 956)

Баженова Ж.М. Этническая история рюкюсцев. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 247 с. с цв. вкл.

ISBN 978-5-8044-1083-5

Монография посвящена исследованию одной из самых малоизученных и интересных проблем отечественного японоведения – этнической истории рюкюсцев. На широком временном отрезке освещается история формирования, трансформации и современного состояния этой своеобразной этнической группы современной Японии. Как свидетельства долгого исторического пути представлены самобытные культурные традиции рюкюсцев.

Издание представляет интерес для специалистов – этнографов, историков, а также для всех, кто интересуется историей и культурой Японии.

Ключевые слова: рюкюсцы, этническая история, Королевство Рюкю, ассимиляция, идентичность, культурные традиции.

Научный редактор *В.А. Тураев*, канд. ист. наук
Рецензенты: *З.Ф. Моргун*, канд. ист. наук,
Е.В. Рудникова, канд. ист. наук

Bajenova J.M. Ethnic History of the Ryukyuan Peoples. – Vladivostok: Dalnauka, 2009. – 247 p. + colour inserts.

The monograph explores the ethnic history of the Rykyuan peoples – one of the most interesting and poor-studied theme in Japanese studies in our country. On a wide time piece the history of formation, transformation and a current state of this original ethnic group of modern Japan is revealed. Ryukyuan distinctive cultural traditions are presented as the evidences of a long historical way.

The edition would be useful to anthropologists and historians working on ethnicity and to everybody, who shows interest in history and culture of Japan.

Key words: the Ryukyuan peoples, ethnic history, Ryukyu Kingdom, assimilation, identity, cultural traditions.

Chief editor Candidate of Historical Science *V.A. Turaev*
Reviewed by: Candidate of Historical Science *Z.F. Morgun*,
Candidate of Historical Science *E.V. Rudnikova*

Recommended to printing by Academic Council of the Institute of History,
Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East;
Far Eastern Branch of Russian Academy of Science

Утверждено к печати ученым советом Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ISBN 978-5-8044-1083-5

© Ж.М. Баженова, 2009
© Институт истории ДВО РАН, 2009
© Оформление. Дальнаука, 2009

Введение

Традиционно Япония считается одной из самых гомогенных стран в мире. Согласно официальной статистике 99% населения страны – японцы и говорят на японском языке. Активным проводником этой идеи на протяжении долгого времени было токийское правительство, что во многом и обусловило ее широкое распространение среди японских ученых. Большинством отечественных исследователей этническая гомогенность также признается как одна из уникальных характеристик Японии.

Однако, по мере того как Япония превращалась во все более открытую страну, такая точка зрения становилась далеко не бесспорной. В рамках концепции гомогенности Японии существует много несоответствий. Этот факт в последние годы вынуждены признавать и сами японские исследователи. В частности, директор Международного института изучения Японии (International Japan-Studies Institute) при университете Хосэй Хидэо Накано полагает: «То, что мы сегодня называем «Япония» и «японцы», является просто пространством и населением в рамках границ, управляемых современным японским государством. С течением времени, по мере изменения масштабов и силы японского государства, различные неяпонские этнические группы были включены в состав «Японии» и превращены в «японцев»[1]. Одну из таких этнических групп представляют рюкюсцы (окинавцы) – коренное население архипелага Рюкю.

Родина рюкюсцев – цепь островов Нансэй (географическое название островов Рюкю), протянувшихся от южной

[1] Taira Koji. A new approach to Japanese studies at Hosei University: Kokusai Nihongaku (International Japan-Studies) //The Ryukyuanist. A Newsletter on Ryukyu/Okinawa studies. Autumn 2004. № 65. P. 1.

мнению М.Г. Левина, сближают рюкюсцев с айнами. Проблема этногенеза рюкюсцев частично затрагивается и в монографии В.В. Кожевникова «Откуда пришли японцы?»[6] Анализу языка Рюкю посвящено исследование С.А Быковой. Отмечая совпадение ряда элементов в грамматике, фонетике и лексике японского языка и языка архипелага Рюкю, она приходит к выводу об их восхождении к единому праязыку[7]. Сравнительному анализу особенностей традиционного рюкюского погребального обряда посвящены исследования Е.С. Бакшеева[8]. В целом материалы отечественных исследователей достаточно фрагментарны и не дают полного представления об этнической истории островного народа.

Более широко вопросы происхождения, истории и традиционной культуры рюкюсцев освещаются в трудах зарубежных ученых. Одним из первых к теме истории и культуры Окинавы обратился знаменитый ученый, выходец с Окинавы Иха Фую. За огромные заслуги его часто называют в Японии «отцом изучения Окинавы». Свою главную идею об общих предках японцев и рюкюсцев он выразил в таких трудах, как «Нихон бункано нандзэн» («Продвижение японской культуры на юг»), «Рюкюдзин сюрон» («Теория о предках рюкюсцев»), «Онари-гамино сима» («Остров сестры-богини»). Иха Фую полагал, что предки рюкюсцев «спустились на юг» с территории Кюсю[9].

Родоначальник японской этнографии Янагида Кунио выдвигает противоположную версию, полагая, что истоки японской культуры, связанной с культурой рисосеяния, надо искать на Окинаве. В своих «Записках о южных морях» («Кайнан сё:ки», 1925) Янагида отмечает, что впервые рис и технология его возделывания в Японии появились с переселенцами с континента. Они вначале достигли Окинавы, откуда и проникли на Японские острова.

---

[6] *Кожевников В.В.* Откуда пришли японцы? Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.

[7] *Быкова С.А.* Окинаваго: диалект или язык? // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 13, Востоковедение. 2002. №3. С. 56–60.

[8] *Бакшеев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. М.: ИВ РАН – КРАФТ, 2001. С. 7–25.

[9] Иха Фую дзэнсю: дайдзюиккан // Полн. собр. соч. Иха Фую, т. 11. Токио: Тоё: инсю, 1976. С. 506.

Необходимо отметить, что большинство японских ученых начального периода изучения Окинавы интересовала не Окинава сама по себе, а сходные моменты ее культуры с культурой Японии. В рамках теории об «общих предках» Окинава позиционировалась как «музей древних японских традиций». Такой подход был продиктован требованиями японской ассимиляционной политики. С совершенно иной точки зрения предлагает взглянуть на историю и культуру Рюкю известный ученый, выходец с Окинавы, Хокама Сюдзэн. Он считает, поскольку Окинава является частью огромного Тихоокеанского региона, включающего страны Восточной и Юго-Восточной Азии, было бы неправильным ограничиваться в ее изучении только сравнениями с культурой Японии. Отправной точкой в исследовании происхождения окинавской культуры Хокама Сюдзэн полагает признание ее сложного многослойного характера. Данные лингвистики, археологии, истории, этнографии, по его мнению, показывают, что культура Рюкю включает в себя как элементы материковой культуры, прошедшей через Кюсю, так и элементы собственно китайской и японской культур, а также культур «южных» островов[10].

Ранним этапам этнической истории рюкюсцев посвящены труды японского историка Митани Масао. Рассматривая династическую историю рюкюских королей, он подчеркивал, что Окинава в начале своей политической истории не была частью Японии. На Рюкю существовало отдельное от «основной территории» государство с собственной королевской династией. По мнению Митани, острова Рюкю, находясь под двойным вассалитетом Китая и Японии, прошли свой особый исторический путь[11].

---

[10] *Хокама Сюдзэн.* Окинава-но рэкиси то бунка = История и культура Окинавы. Токио : Тю:о:ко:ронся, 1986.

[11] *Митани Масао.* Харан но Рю:кю: О:тё: = Величие и падение королевской династии Рюкю. Токио : Ко:сайдо сюппан, 1992.

оконечности о-ва Кюсю до о-ва Тайвань примерно на полторы тысячи километров. Наименование Рюкю дали островам китайцы в VII в. н.э. Изначальная этимология слова не совсем ясна. Чаще всего название связывалось с внешней формой островов. По представлениям древних китайцев, острова выглядели как плавающий дракон (сочетание иероглифов *рю* – течь, плыть по течению и *кю* – дракон). Сочетание иероглифов в современном названии архипелага переводится как «изумрудный шар».

Острова Нансэй состоят из трех крупных архипелагов и более мелких островных групп. Северный архипелаг Амамиосима в настоящее время входит в состав префектуры Кагосима. Архипелаги Окинава и Сакисима (последний в свою очередь состоит из архипелагов Мияко и Яэяма) составляют префектуру Окинава, столица – г. Наха. Всего префектура включает 120 островов, из них населены 44, общая площадь префектуры 2267 кв. км.

Название «Окинава» дано центральному острову архипелага японцами в VIII в. Этимология слова двояка, с одной стороны, она связана с хозяйственно-географической характеристикой островов: *оки* – открытое море, *на* – рыбная ловля, *ва* – место; с другой, продиктована их пространственным очертанием: «веревка на взморье». Сами островитяне называют свою родину Утина, а себя *утинантю*, что значит «люди родины», а жителей основной территории Японии – *яматонтю* (люди Ямато).

Окинава – единственная японская префектура, расположенная в субтропической зоне примерно на широте Гавайских островов. Благодаря теплому течению Куросио на Окинаве влажный субтропический климат, длинное лето и короткая зима с малыми различиями между сезонами, что отличает острова от собственно Японии, где четкая смена времен года стала важнейшим фактором традиционной культуры.

В нашей стране рюкюсцы никогда не были объектом комплексного этнографического изучения. Эпизодические упоминания о них в путевых заметках путешественников, общие сведения в немногочисленных работах отдельных исследователей – практически все, что накопила к сегодняшнему дню

отечественная историография об этой своеобразной этнической группе.

Наиболее известным российским исследователем рюкюского народа остается Н.А. Невский (1892–1937). Особая заслуга принадлежит ему в изучении диалектов и этнографии архипелага Рюкю, главным образом южной его части – островов Мияко. Ему удалось зафиксировать особенности родильных, брачных, религиозных обычаев, различного рода табу, способы лечения болезней, записать множество легенд и мифов. К сожалению, большинство материалов ученого до сих пор не опубликовано, они хранятся в его рукописном архиве. Единственной публикацией материалов Невского, касающихся Рюкю, в нашей стране стал сборник «Фольклор островов Мияко» (составитель Л.Л. Громковская)[2], в котором представлены песни, сказки, загадки, пословицы, записанные Н.А. Невским в 20-х гг. XX в.

Среди других работ отечественных исследователей следует упомянуть историко-этнографический очерк Ю.В. Ионовой «Рюкюсцы», которая определяет рюкюсцев как особую «этнографическую группу, в прошлом представлявшую близко родственную японцам народность»[3], приводит краткие сведения об особенностях их культуры, хозяйства и быта. Проблеме происхождения рюкюсцев на материалах песенно-танцевального искусства посвящена содержательная статья Р.Ш. Джарылгасиновой[4]. Антропологические материалы, проливающие свет на некоторые аспекты этногенеза рюкюсцев, содержатся в фундаментальной монографии М.Г. Левина «Этническая антропология Японии»[5]. Автор среди разных локальных вариантов антропологического типа японцев особенно выделяет тип жителей архипелага Рюкю. Его основные признаки, по

---

[2] *Невский Н.А.* Фольклор островов Мияко. М. : Наука, 1978.

[3] Рюкюсцы // Народы Восточной Азии / ред. Н.Н. Чебоксаров. М; Л. : Наука, 1965. С.936.

[4] *Джарылгасинова Р.Ш.* Танцы Окинавы и...происхождение рюкюсцев // СЭ. 1971. №5. С.143.

[5] *Левин М.Г.* Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971.

Среди работ по истории Окинавы особое место занимает монография Джорджа Керра «Окинава. История островного народа»[12], впервые вышедшая в свет в 1958 г. и выдержавшая несколько переизданий. По отзывам японских и американских специалистов, эта монография является самым полным англоязычным трудом, содержащим огромный пласт фактографического материала.

Безусловный интерес представляют работы зарубежных исследователей, касающиеся антропологических характеристик рюкюсцев, поскольку общность элементов культуры может быть результатом культурного взаимодействия, а о генетическом родстве говорят антропологические данные. Именно с таких позиций рассматривает проблему происхождения рюкюсцев в рамках образования японского этноса профессор Ханихара Кадзуро[13]. Выдвинутая им в начале 90-х гг. XX в. теория получила название «модель двойной структуры». Ханихара К. предполагает, что наследниками палеолитического человека Окинавы *минатогавадзин* являются люди дзёмон – выходцы из Юго-Восточной Азии. Именно они и стали базовой группой для современного японца (окинавца).

«Модель двойной структуры» Ханихара К. положил в основу своего исследования по этногенезу японцев и американский антрополог Марк Хадсон. В орбиту его исследования включены не только японцы «основной» территории, но также айны и рюкюсцы. Хадсон полагает, что этническая идентичность не возникает в чистом и полностью сформированном виде, она постоянно воссоздается через взаимодействия во внутренних и внешних границах рассматриваемого сообщества. Поэтому

[12] *Kerr George H.* Okinawa. The history of an island people. Boston, Rutland, Vermont, Tokyo : Tuttle publishing, 2000.

[13] *Hanihara Kazuro.* Dual structure model for the formation of the Japanese population // International symposium «Japanese as a member of the Asian and Pacific populations», September 25–29, 1992, Kyoto. Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 1992. P. 245251; Его же. Утинантю ва доко кара кита ка? =Откуда пришли «утинантю»? // Рюкю симбун. 1993. 7 янв.– 4 февр.

этногенез следует охарактеризовать скорее как «процесс», а не «событие»[14].

О сложном характере этногенеза рюкюсцев свидетельствуют работы японских археологов Хироэ Такамия[15], Асато Сусуму и Дои Наоми[16], Хирото Такамия. Археологическим исследованиям на островах Рюкю посвящены труды канадского археолога Ричарда Пирсона, среди которых особое внимание привлекают работы, освещающие особенности процесса становления государственности на Окинаве[17]. Определенный вклад в рассматриваемую проблему вносят работы лингвистов (Е.Д. Поливанов, Хаттори Сиро, Ёсимицу Нарита, Юкио Уэмура, Серафим Леон), которые анализируют особенности диалектов Рюкю, их происхождение, характер взаимоотношений с японским языком[18].

Характеризуя итоги зарубежных исследований в области этнической истории рюкюской общности, необходимо упомянуть и работы, посвященные тем или иным аспектам материальной и духовной культуры рюкюсцев. Изучение окинавской религии было проведено американским этнографом Уильямом Лебра в 60-х гг. XX в. [19] Тема шаманства на Окинаве

[14] *Hudson Mark J.* Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands. Honolulu: University of Hawaii press, 1999. P. 6.

[15] *Хироэ Такамия.* Окинава но сэнси исэки то бунка. Токио: Дайитисё:бо, 1994.

[16] *Асато Сусуми, Дои Наоми.* Окинавадзин ва доко кара кита ка? Наха: Бо:тосшику, 1999.

[17] *Pearson Richard.* Archaeological perspectives on the rise of the Okinawan State //Journal of Archaeological Research. 2001. Vol. 9, № 3. P. 243–285.

[18] *Поливанов Е.Д.* Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. СПб., 1914; *Narita Yoshimitsu.* Dialect areas //Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 31–33; *Uemura Yukio.* Ryukyuan and Japanese dialects //Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 35–38; *Serafim Leon A.* When and from where did the Japonic language enter the Ryukyus? – A critical comparison of language, archaeology, and history // Perspectives on the origins of the Japanese language. Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 2003. P. 463–475.

[19] *Lebra William P.* Okinawan religion. - Relief, ritual and social structure. Honolulu: Hawaii press, 1966; Его же. The Okinawan shaman //Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 93–98.

отражена в работах японского ученого Ёсимаса Икэгами[20]. С гендерных позиций попыталась взглянуть на особенности жреческого культа Окинавы антрополог Сьюзан Сирид[21]. Типологии социальной организации и особенностям семейно-родственных отношений рюкюсцев посвящено исследование Уэйна Саттлиса[22]. Жизнь окинавской деревни представлена в работах американских этнографов К. Глакена, Т. и Х. Марецки. Авторы уделяют внимание сельской экономике, социальной структуре, особенностям быта, семейно-брачным отношениям, различным обрядам, составляющим основу сельской жизни Окинавы[23]. Все вышеперечисленные работы представляют особую ценность, поскольку выполнены на основе полевых исследований.

В историографии проблемы выделяется раздел, в котором представлены работы, посвященные этническим процессам после аннексии Рюкю Японией. Особенности японской ассимиляционной политики, отношение окинавцев к проводимым токийским правительством реформам, проблемы государственной и социальной дискриминации окинавцев освещаются в трудах Стива Рэбсона, Кодзай Амэмия, Охама Икуко и других ученых[24].

---

[20] *Ikegami Yoshimasa*. Local newspaper coverage of folk shamans in Aomori Prefecture //Folk beliefs in modern Japan. Tokyo: Kokugakuin University, 1994. P. 9-91; Его же. Миндзоку сю: кё: то сукуи — цугару, Окинава но минкан мико =Народные шаманы Окинавы и Цугару в свете традиционных верований. Киото: Танко:ся, 1992.

[21] *Sered Susan*. Women of the sacred groves. Divine Priestesses of Okinawa. New York, Oxford: Oxford University press, 1999.

[22] *Suttles Wayne*. Problems of cultural history // Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 57–75.

[23] *Maretski T. & H.* Taira: an Okinawan village. New York – London – Sydney: John Willy and sons, inc., 1966.

[24] *Охама Икуко*. Колонизация Окинавы Японией в эпоху Мэйдзи и колониальный Тайвань // Материалы конференции: «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур». 16–17 сент. 2003 г. Южно-Сахалинск, 2003. С.93; *Rabson Steve*. Assimilation policy in Okinawa: promotion, resistance, and "reconstruction" [Электронный ресурс] : JPRI Occasional paper № 8, 1996. URL : http://www.jpri.org; *Amemia Kozy K.* Being "japanese" in Brazil and Okinawa. [Электронный ресурс]: JPRI Occasional paper № 13, 1998. URL : http://www.jpri.org

Тема виктимизации окинавцев во время битвы за Окинаву нашла свое отражение в книге бывшего губернатора префектуры Окинава Масахидэ Ота, в которой он расценил действия японских военных по отношению к местным жителям как геноцид[25]. Политика американских оккупационных властей, масштабное Движение за возвращение в состав Японии, развернувшееся на островах под эгидой представлений об Окинаве как неотъемлемой части Японии, стали темой исследований Кёси Накати и Миюмэ Тандзи[26].

Проблемам окинавской идентичности на современном этапе посвящены работы многих американских ученых (Кодзи Тайра, Мэтью Аллен, Лаура Хэйн, Марк Сэлден и др.)[27]. В их трудах четко просматривается основная идея последних десятилетий о возрождении окинавской идентичности. Политика идентичности, по мнению Линды Ангст, представляет «имплицитно один из видов сопротивления». Применительно к Рюкю и рюкюсцам – это политика «против японского государства и могущественного мифа о японской культурной гомогенности, против военной власти Соединенных Штатов»[28]. Расцвет современной окинавской культуры, основанной на традиционных элементах, а также небывалый интерес к ней в Японии

---

[25] *Ота Масахидэ*. Нингэн га нингэн дэ наку нару токи. Genocide =Время, когда люди уничтожают людей. Геноцид. Наха : Окинава таймуся, 1991.

[26] *Nakachi Kiyoshi*. Ryukyu – U.S. – Japan Relations 1945-1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Philippines, Quezon-city: Abiva Publishing House, inc. 1989. Miyume Tanji. The second – wave "Okinawan struggle": towards reversion [Электронный ресурс]: 2003. URL : http://www.lib.murdoch.edu.au.

[27] *Taira Koji*. A new approach to Japanese studies at Hosei University: Kokusai Nihongaku (International Japan-Studies) //The Ryukyuanist. A Newsletter on Ryukyu/Okinawa studies. Autumn 2004. № 65. P.1–2; Его же. Troubled national identity //Japan minorities: the illusion of homogeneity. London and New York: Routledge, 1997. P. 140–177; *Allen Matthew*. Identity and resistance in Okinawa. Lanham, Boulder, New York : Oxford. Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003; Islands of discontent. Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Laura Hein & Mark Selden. New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003.

[28] Cit. in: Hein Laura, Selden Mark. Culture, power and identity in contemporary Okinawa // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 2.

и за ее пределами трактуются американскими антропологами как индикатор трансформации социальных отношений между японцами и окинавцами. Всплеск культурной креативности окинавцев связан с переоценкой ими собственного места в контексте японского общества, попытками утвердить свою отличительность, завоевать более уважительное отношение к ценностям каждодневной жизни.

Настоящая работа, написанная на основе опубликованных[29] и неопубликованных[30] архивных документов, фольклорных материалов[31], дневников и заметок путешественников, писателей[32], сообщений в периодической печати Японии, предлагает знакомство с малоизученным в отечественной историографии народом. Широко представлены материалы японских, американских и европейских исследователей, труды которых практически не известны в нашей стране. История рюкюсцев прослежена на огромном временном отрезке, начиная с доисторической эпохи и заканчивая сегодняшним днем. Хочется надеяться, что предлагаемая монография найдет своего заинтересованного читателя.

---

[29] *Fisch Arnold G.* Military government in the Ryukyu islands 1945-1950. Washington. D.C. : Center of military history United States Army, 1988.

[30] Фонд Н.А. Невского // Архив ИВ РАН. СПб. филиал. Ф. № 69. Оп. 2.

[31] Folktales of Okinawa. Japanese version by Shoji Endo. English translation by Terunobu Tamamori and Jayne A. Hitchcock. Naha: Bank of the Ryukyuan International Foundation, 1995; Сказки и легенды островов Рюкю: пер. с яп. / сост. и вступ. коммент. А. Р. Садоковой // Знакомьтесь – Япония. 1997. №17. С. 121-133.

[32] *Basil Hall.* Account of a voyage of discovery to the west coast of Corea and the Great Loo-Choo island, with an appendix, containing charts, and various hydrographical and scientific notices and a vocabulary of the Loo-Choo language by H.J. Clifford London, 1818; *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. В 2 т. М. Советская Россия, 1976; *Горбатов Б.М.* Человек из сословия «эта». М. : Воен. изд-во, 1953.

Глава 1 АРХАИЧНЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ РЮКЮ: проблемы происхождения и этнокультурных связей

§ 1. Основные концепции этногенеза и этапы ранней этнической истории рюкюсцев

Одним из наиболее перспективных путей знакомства с любым народом представляется изучение его этнической истории. Обращаясь к проблемам методологии исторической науки, Н.А. Томилов писал: «Этническая история изучает динамику систем историко-культурных общностей, т.е. формирование компонентов этих систем и их этнических свойств, изменения в компонентах, в первую очередь, в этнических свойствах этих компонентов, в их функционировании. Эта динамика историко-культурных общностей исследуется во взаимодействии их друг с другом во всей исторической конкретности, во взаимосвязи с социально-экономической и политической историей». Ученый подчеркивал, что «важно изучить не только сложение и развитие историко-культурных общностей, но и их трансформацию, выявить ее причину, ход, закономерности, и конкретные исторические особенности»[1].

Возникновение, развитие, трансформация этнических общностей – единый общеисторический процесс, начавшийся в глубокой древности и продолжающийся в наши дни. Но непрерывность этнической истории народов мира отнюдь не

---

[1] *Томилов Н.А.* К проблемам методологии некоторых частных исторических и смежных с ними наук // V конгресс этнографов и антропологов России, 8–12 июня 2003 г. Омск: сб. докл. М., 2003. С.27.

исключает, а, напротив, предполагает необходимость различать в развитии каждого этноса ряд критических точек, «перерывов постепенности», составляющих основу для типологической периодизации этнической истории[2]. Отсюда возникает необходимость разделить этническую историю народа на период этногенеза, включающего происхождение и формирование конкретной исторической общности, и последующую этническую историю, когда уже сформировавшийся народ развивается под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов.

Проблема формирования рюкюской этнической общности остается во многом открытой. Существует несколько концепций, пытающихся решить данный вопрос. У истоков изучения происхождения рюкюсцев стоит известный ученый начала прошлого столетия, окинавец по происхождению Иха Фую. Свою научную деятельность он начинал с филологического анализа текстов окинавской антологии *Оморо — соси*, являющейся собранием 1553 ритуальных песнопений архипелагов Амами и Окинавы XII–XVII вв. «Оморо» (*умуру, умуи, омои*) по одной из версии означает «дума, думка», по другой «о-моро» (*о-мори*) – «священная роща»; «со:си» – «записки».

Согласно одному из рюкюских мифов о сотворении мира, содержащихся в антологии, Бог Солнца *Оонуси* (Великий Хозяин), взглянув с неба вниз, приказал женскому божеству *Амамикё* создать острова и на одном из них поселить ее небесных потомков. Обращает на себя внимание этимология имени божества. *Ама* в современном языке означает «небо», а в древнем имело еще и значение «море», *кё* – «человек», т.е. род Амамикё – это либо «божественные потомки», либо морской народ[3].

Иха Фую, анализируя Оморо-соси, отмечал сходство части слова *ама* в имени японской богини Аматэрасу, богини Амами-

[2] *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблема этногенеза. М.: Наука, 1978. С. 5.

[3] *Митани Масао.* Харан-но Рю:кю: о:тё: =Величие и падение королевской династии Рюкю. Токио : Ко:сайдо сюппан, 1992. С. 45–46.

кё и названии архипелага Амами. Он предполагал, что в III в. до н.э. на Кюсю, на берегу залива Токай жило племя *Амабэ* (*морские люди*), которое переселилось сюда с острова Амами, а позднее добралось и до Окинавы[4]. К моменту переселения Амабэ на острова Рюкю там жил другой народ, в результате их смешения возник сложный культурный комплекс. Позднее, в периоды Инсэй (1069 – 1185) и Камакура (1185–1336), жители Рюкю были покорены новыми переселенцами с Кюсю и образовали основу культуры островов Нансэй[5].

В большинстве случаев проблема происхождения рюкюсцев как западными, так и японскими учеными рассматривается в качестве составной части этногенеза японцев. Одной из наиболее популярных теорий в этом отношении является гипотеза профессора Ханихара Кадзуро, получившая название «модель двойной структуры». Согласно этой гипотезе японцы появились в результате смешения двух популяционных типов: автохтонного (дзёмонского) и «иммигрантского». Эта гипотеза представляет интерес, поскольку в ней уделяется достаточно внимания рюкюсцам. Профессор Ханихара предположил, что современные окинавцы являются потомками дзёмонцев, населявших острова Японского архипелага, включая Рюкю, в период неолита. Дзёмонцы, в свою очередь, ведут происхождение от палеолитического «человека Минатогава», останки которого были найдены на Окинаве в 1967 г.

Эпоха палеолита приходится на конец последнего ледникового периода в геологической истории Земли. Уровень моря в этот период был ниже современного на 120–140 метров, Япония через Хоккайдо на севере была связана с Сахалином и материком, а почти все острова Рюкю – сухопутными мостами с

[4] *Хокама Сюдзэн.* Иха Фую но какумон то сисо: =Учение и концепции Иха Фую. Иха Фую Дзэнсю: (Полн. собр. соч. Иха Фую). Т.11. Токио : Го:ё:инсацу кабусики кайся, 1976. С. 506.

[5] *Хокама Сюдзэн.* Иха Фую но какумон то сисо: =Учение и концепции Иха Фую. С. 509.

Тайванем и Филиппинами. Оконечность материкового шельфа достигала Индонезии и Филиппин. Этот участок суши, названный американским антропологом К.Тернером Сундалендом, и был центром того района, где, по мнению профессора Ханихара, жили непосредственные предки современных азиатов. Отсюда одна часть мигрантов продвигалась на север вдоль береговой линии, другая – в глубь материка до северо-восточных районов Китая, монгольского плоскогорья и озера Байкал.

В результате приспособления к новым природным условиям у палеоазиатов, оказавшихся в северо-восточных районах, сложился особый антропологический северо-монголоидный тип. Произошло удлинение и увеличение объема туловища, конечности стали короче, лицо более плоским. Задняя полость носа (каверна) увеличилась, что повлекло за собой и укрупнение верхней челюстной кости. В высшей степени вытянутыми в обе стороны оказались и скулы. Для защиты глазного яблока на веках образовалась так называемая «монгольская складка», а разрезы глаз сузились. Из-за низкой инсоляции кожа посветлела.

По мнению Н. Эгами, «изменения внешнего облика монголоидов стали заметными с вюрмского ледникового периода» (примерно 25000 – 17000 лет назад)[6]. Таким образом, образовалось два типа монголоидов: южный, сохранивший древние черты и характерный для «старых» монголоидов, и северный, представители которого получили название «новых» монголоидов.

Известняковые почвы архипелага Рюкю хорошо сохраняют костные останки. К настоящему времени обнаружены человеческие останки в восьми археологических памятниках. Самыми древними (ок. 32 тыс. лет) считаются кости бедра и шейные позвонки ребенка из Ямасита близ Наха. На острове

[6] *Эгами Н.* Японская нация и культура Японии // Япония о себе и о мире. Дайджест. 1994. №10. С. 59.

Мияко, около деревни Уэно (1979 г.) был найден осколок черепа и зуб (26 тыс. лет). В пещере Оояма близ г. Гиннован – челюсть взрослого мужчины (ок. 18 тыс. лет).

Одно из самых важных палеоантропологических открытий Японии было сделано в 1967 г. На Окинаве, в местечке Минатогава найдены кости скелета мужчин (рост около 155 см) и женщин (144 см). Согласно радиоуглеродному анализу их возраст составляет ок. 18 тыс. лет. Череп человека Минатогава, по мнению антропологов, напоминает череп человека из Люцзяо в Южном Китае, имеет сходство с останками, найденными в пещере Ниа на Борнео, и в целом принадлежит к южному типу.

Сравнивая людей периода дзёмон (12 тыс. – 300 лет до н.э.), распространившихся из Юго-Восточной Азии по всей Японии, включая Хоккайдо и Рюкю, с человеком Минатогава Ханихара обнаруживает как сходные черты, так и определенные отличия. Отсюда он делает вывод, что дзёмонцы – в большей степени потомки обитателей палеолита, представителем которых является человек Минатогава, нежели прямые потомки человека Минатогава[7].

В конце палеолита (ок. 10 тыс. лет) произошло таяние ледника, уровень моря поднялся, Японские острова приняли современные очертания, и дзёмонцы надолго сохранили первоначальный облик на всей территории современной Японии[8]. К концу периода дзёмон – началу яёй (500 – 300 лет до н.э.) начались массовые миграции с материка, с Корейского полуострова. Северные монголоиды проникли вначале на север Кюсю, откуда быстро распространились в центральные районы Японии. Вместе с мигрантами появились культура заливного рисосеяния, бронзовые орудия и домашние животные. Миграционные волны по территории Японии прокатывались вплоть до VII в. н.э. Физический облик современных японцев

[7] *Ханихара Кадзуро.* Утинантю доко кара кита ка? Откуда пришли «утинанцы»? // Рюкю симбун. 1993. 7 янв. С. 4.

[8] Там же. С. 5.

сложился в результате смешения двух типов: дзёмонского и «иммигрантского», со значительным преобладанием последнего.

Миграции, однако, практически не затронули географически изолированные районы Японии (Хоккайдо и Окинаву), что и обусловило сохранение их собственного генетического пула, у местного населения этих островов в значительной мере сохранились дзёмонские черты. Ханихара убежден, что его «модель двойной структуры» объясняет не только физические, но и культурные отличия, встречающиеся на территории Японии[9].

Антропологические данные, включая краниологические, одонтологические, антропометрические, генетические характеристики, позволили ряду других исследователей указывать на отличия рюкюсцев от японцев, сближая их с айнами и «людьми дзёмон». Специалисты выделяют два крупных кластера: первый составляют дзёмонцы, айны и современные окинавцы; второй кластер объединяет японцев периодов яёй – кофун и современных японцев. Скелеты дзёмонского типа имеют признаки «старых» монголоидов, их отличают небольшой рост (157–159 см для мужчин и 148 см для женщин), низкое, широкое, четырехугольное лицо, глубокие глазные впадины. В скелетах типа яёй присутствуют особенности «новых» монголоидов, они более высокого роста (163 см), имеют более «хрупкое» телосложение, длинное и узкое лицо с выдающимися скулами, меньшую ширину носа и узкие глаза.

Еще Зибольд и Бельц указывали на сходство физического облика айнов и рюкюсцев. М.Г. Левин в работе «Этническая антропология Японии» отмечает, что при относительной однородности антропологического типа японцев у них вы-

[9] *Hanihara Kazuro.* Dual structure model for the formation of the Japanese population // Symposium "Japanese as a member of the Asian and Pacific populations", September 25–29, 1992, Kyoto. Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 1992. P. 247–248.

деляются несколько локальных вариантов, особенно отчетливо – тип жителей островов Рюкю. «На наш взгляд, вопрос о происхождении комплекса признаков, который был выявлен среди уроженцев Рюкю, может быть решен достаточно определенно: этот комплекс обнаруживает явный сдвиг в сторону антропологического типа айнов. Почти все особенности, отличающие антропологический тип уроженцев Рюкю от суммарного типа японцев (значительное усиление третичного волосяного покрова, более темная пигментация, ослабление монголоидных особенностей глазной области, увеличение носового указателя, меньшая высота лица и соответственно более низкий лицевой указатель, меньшая длина тела), сближают рюкюсцев с айнами. Речь идет, однако, не об айноидном типе у рюкюсцев, а лишь о некотором сближении их типа с типом айнов»[10].

А.Г. Козинцев, исследовав краниоскопические особенности скелетов разных групп, также выделяет изолированное положение рюкюской группы. Ее черты отличаются от остального населения Японии. Отличия в синхроническом аспекте ставят рюкюсцев в один ряд с айнами, а в диахроническом – с населением дзёмон. Эта тенденция может интерпретироваться и как факт, подтверждающий гипотезу южного происхождения айнов, и как результат менее значительного влияния северомонголоидных иммигрантов в изолированных районах юга и севера Японии[11].

Отличительные особенности антропологического типа рюкюсцев подтверждаются одонтологическими характеристиками (К.Тернер, К. Ханихара, Х. Мацумура, Ц. Ханихара, Д. Оямада и др.). Одонтологические особенности населения Азии и Пацифики Тернер делит на две большие группы:

[10] *Левин М.Г.* Этническая антропология Японии. М. : Наука, 1971. С. 165–166.

[11] *Kozintsev Alexander.* Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: cranioscopic data // Journal of the Anthropological society of Nippon. 1990.Vol.98, №3. P. 261.

«сундадонтные» и «синодонтные». Первый паттерн более древний, центром его развития является Сундалэнд, второй – более поздний, развился из сундадонтного паттерна в районе Северо-Восточной Азии. Серии метрических и неметрических анализов одонтологических характеристик населения Восточной, Юго-Восточной Азии и Океании позволили заключить, что по данным особенностям жители островов Рюкю вместе с дзёмонцами и айну составляют одну группу, обнаруживающую сходство с филиппинцами, полинезийцами и микронезийцами, у всех превалируют сундадонтные черты. Одонтологические особенности современных японцев сходны с яёйскими экземплярами, с корейскими и китайскими (северо-восточных районов) и характеризуются как синодонтные.

К концу XX в. приоритеты в палеоантропологических исследованиях сместились в сторону генетики. Ученые привлекают для анализа различные данные. Достоверным свидетельством общего происхождения айнов и окинавцев является частотность гаплотипа r" или cdE резуса группы крови. Он чрезвычайно редко встречается в мире, его высокий показатель зафиксирован у айнов на Хоккайдо (12,4 %) и жителей Рюкю (7 %), в то время как на Хонсю он составляет только 3 %[12].

Майкл Хаммер из университета Аризона и Сатоси Хорай из Национального Института генетики в Мисима проводили исследования Y хромосомы, точнее ее полиморфического элемента Y Alu (Y Alu polymorphic element – YAP). Все население Японии является носителями данного генетического маркера, но особенно высока его частотность на Хоккайдо и Рюкю. Напротив, нет никаких данных о носителях данного маркера среди корейцев. Хаммер и Хорай полагают, что элемент YAP был присущ дзёмонскому населению Японии, ближайшими потомками которого являются айны и рюкюсцы. Снижение частоты проявления данного элемента на других японских островах произошло в результате смешения аборигенного населения с иммигрантами яёй, у которых YAP отсутствовал[13].

[12] *Hudson Mark J.* Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands. Honolulu : University of Hawaii press, 1999. P. 70.

Работы по выделению зрелых клеток вируса лейкемии, известного как HTLV-I, также показали высокую пропорцию их носителей среди айнов и рюкюсцев (40 и 33,9 %), в то время как в центральной Японии такие носители редки (на Хонсю 0,3– 1,2 %, на южном Кюсю – 7,8 %), а в континентальной Азии их почти нет. На этом основании можно предположить, что носители высокого показателя HTLV-I заселили Японские острова в период палеолита или дзёмон, в период яёй их смешили переселенцы из Китая и Кореи, у которых этот вирус не зафиксирован. Они расселились по всей территории Японии, за исключением ее северной и южной периферии[14]. Схожая картина с распространением вируса гепатита В. Его общий тип был выделен на Хоккайдо, Тохоку и Рюкю, он характерен также для Тайваня, Филиппин и Южного Китая. Редко встречающийся тип зафиксирован в западной Японии, северном Китае, Маньчжурии, Корее.

Относительная генетическая «чистота», сохранившиеся на протяжении тысячелетий антропологические особенности рюкюсцев могут свидетельствовать, что этногенетические процессы на Рюкю протекали в эволюционном русле, изменения исходного антропологического типа и этнических признаков происходили без участия или с малым участием иноэтничных элементов.

Один из сторонников идеи происхождения рюкюсцев как закрытого этнического образования Тайра Кодзи предполагает, что «палеолитические охотники-собиратели Минатогава эволюционировали в неолитических рюкюсцев периода раковинных куч, а те, в свою очередь, – в современных

[13] *Travis John.* Jomon genes : Using DNA, researchers probe the genetic origins of modern Japanese [Электронный ресурс] : Science News, Feb. 15, 1997. URL: http://www.findarticles.com

[14] *Hudson Mark* J. Ruins of identity ... P. 71.

рюкюсцев»[15]. По его мнению, дзёмонцы и яёйцы – физически, культурно, а, следовательно, и этнически – различные группы.

В конце периода дзёмон отмечаются значительные культурные отличия Японии от Рюкю. Активные торговые отношения между Кюсю и Окинавой начинают развиваться лишь в период яёй. С этого времени на Рюкю происходит и интенсивное распространение языка южного Кюсю. Иммигранты из Пэкче – создатели государства Ямато, принесли язык, который стал предком современного японского и во многом заменил существующие здесь языки.

Для выяснения пути формирования этнических общностей чрезвычайно важны лингвистические данные. Родственные связи языков, лингвистические контакты позволяют судить об истории межэтнических отношений в глубокой древности. Лингвисты отмечают значительное влияние на диалекты Рюкю китайского, индонезийского, полинезийских языков, языков таи, монкхмерских, тибето-бирманских, аннамского, а также языков аборигенов Австралии. В целом язык Рюкю характеризуется большим количеством совпадений с языками южных островов в отличие от японского, где больше совпадений с алтайскими языками[16]. Тем не менее у специалистов нет сомнений в том, что японский и рюкюский языки родственные, ведущие свою генеалогию от общего протояпонского языка. Формирование протояпонского языка происходит в период яёй. Среди переселенцев с Корейского полуострова были и представители племен тунгусского происхождения, принадлежащих к алтайской языковой семье. Язык этих переселенцев являлся ближайшим родственником корейского. Протояпонский язык возник на основе наложения протокорейского язы-

[15] *Taira Koji.* Troubled national identity. The Ryukyuans/Okinawans // Japan's minorities: the illusion of homogeneity /ed. by Michael Weiner. London and New York: Routladge, 1997. P. 144.

[16] *Быкова С.А.* Окинаваго: диалект или язык? // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 13, Востоковедение. 2002. №3. С.57.

ка на местный языковой субстрат, скорее всего, аустронезийского происхождения.

Несмотря на то, что в языке Рюкю существует ряд диалектов, сравнительный анализ проводится обычно между «стандартным» японским языком (токийский диалект) и окинавским диалектом (диалект Сюри), который в Королевстве Рюкю считался государственным. Известный отечественный ученый Е.Д. Поливанов еще в начале прошлого века писал: «Говоры эти (диалекты Рюкю) в несомненном родстве с японским: для 90 % из числа морфем легко подыскиваются японские параллели, многие слова тождественны в обоих языках»[17]. Согласно исследованиям Хаттори Сиро процент остаточного базового словаря обоих языков составляет 64,8. Это несколько выше в сравнительной характеристике современных английского и немецкого языков (58,5%) [18].

В рамках данного исследования важным представляется вопрос о времени разделения японского и рюкюского языков. Традиционно дата разделения двух генетически связанных языков определяется методом глоттохронологии (лексикостатистики) Морриса Сводиша. Внеся некоторые изменения в формулу американского ученого, Хаттори Сиро определил время расхождения периодом между III и VI вв. н.э. Достоверность выводов Хаттори подвергалась сомнениям и японскими, и американскими учеными. Однако некоторые лингвистические данные не противоречат его выводам. Анализ старых документов Рюкю показывает, что некоторые стандартные формы японского языка уже использовались в VIII в. (эпоха Нара)[19]. В рюкюских диалектах сохранились многие формы старояпонского

[17] *Поливанов Е.Д.* Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. СПб., 1914. С.1.

[18] *Narita Yoshimitsu.* Dialect areas // Ryukyuan culture and society. Honolulu : University of Hawaii press, 1964. P. 31.

[19] *Fumio Inoue.* Isolated dialectal forms and language substratum in Japan // Symposium "Interdisciplinary perspectives on the origins of the Japanese", September 25–28, 1996, Kyoto. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 1996. P. 294–296.

языка. В фонемических системах некоторых диалектов Амами встречаются особенности, характерные для японского языка VIII в., в то время как особенности IX и последующих веков в них отсутствуют. Начальный звук *p* во многих диалектах Рюкю соответствует начальному *h* в современном японском. В протояпонском он также выступал как *p* и прошел стадию промежуточного билабиального фрикатива. Доподлинно известно, что этот фрикатив существовал в IX в., а многие лингвисты фиксируют данную стадию даже VIII веком[20]. Приведенные данные, таким образом, указывают, что рюкюские языки развивались в известной изоляции от японского влияния периода Кофун.

Важным индикатором социальной эволюции на островах Рюкю стало возникновение здесь автохтонного государства. Все социальные процессы на архипелаге, по мнению Тайра Кодзи, осуществлялись в рамках парадигмы социальной эволюции, предложенной Джонсоном и Ёрлом, завершающейся созданием архаичного государства. Он полагал, что рюкюское сообщество последовательно прошло все стадии социального развития: семьи прибрежных рыболовов и собирателей; локальные кровнородственные поселения; поселения, объединяющие несколько кланов; возникновение и расцвет «вождеств» – небольших княжеств во главе с адзи и, наконец, архаичное государство во главе с сувереном. «В течение доисторического и протоисторического периодов острова Рюкю были сравнительно изолированы, и силы эндогенного развития постепенно двигались к созданию государственной формации без значительного внешнего воздействия»[21].

Однако существует целый ряд исследований, авторы которых полагают, что в формировании рюкюского этноса переселенцы с Японии сыграли не менее важную роль, чем корейская

[20] *Uemura Yukio*. Ryukyuan and Japanese dialects // Ryukyuan culture and society. Honolulu : University of Hawaii press, 1964. P. 37.

[21] *Taira Koji*. Troubled national identity. The Ryukyuans/Okinawans // Japan's minorities: the illusion of homogeneity. London and New York: Routladge, 1997. P. 146.

иммиграция в этногенезе «собственно» японцев в периоды яёй-кофун.

В последнее время «модель двойной структуры» Ханихара Кадзуро подвергается сильной критике в Японии. Выводы Ханихара базируются в основном на данных морфологической антропологии, которые легко меняются под воздействием питания, условий жизни, труда. Некоторые генетики (М. Нэи, Х. Мацумото и др.) делают выводы о «северном происхождении» айну и значительных отличиях между ними и жителями Рюкю. В целом противники теории К. Ханихара полагают, что современные японцы сформировались на основе населения северного Кюсю, которое в свою очередь сложилось из племен бассейна Японского моря, пришедших через Корейский полуостров. Позже на него оказала влияние комплексная культура риса, истоки которой мы находим в районе нижнего течения Янцзы[22].

Островная палеосистема, считают оппоненты Ханихара, не позволяет палеолитическому человеку существовать в ней на протяжении тысячелетий из-за отсутствия необходимых ресурсов. В отношении Рюкю это подтверждается данными археологии. Между периодом существования человека Минатогава и началом периода «раковинных куч» археологи отмечают почти 10 тыс. «пустых» лет: достоверных свидетельств обитания здесь человека в указанный отрезок времени не найдено.

Как уже отмечалось выше, в конце ледникового периода архипелаг Рюкю был связан с материком сухопутным мостом, через который шла миграция животных, а за ними и человека. С таянием ледников архипелаг превратился в цепь небольших островов, а палеолитический человек в поисках более широкого жизненного пространства переселился или вымер. Затем сюда периодически прибывали небольшие группы людей,

[22] *Кожевников В.В.* Откуда пришли японцы? Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 104–105.

которые использовали острова как очередной пункт остановки в своей кочевой жизни[23].

Первые свидетельства неолитической культуры на островах датируются приблизительно 6,5 тыс. лет назад – это начало периода *Кайдзука* (раковинных куч). Датировки археологических культур Рюкю и собственно Японии имеют свои особенности. Археологический (дописьменный) период в Японии делится на периоды палеолита (40– 12 тыс. л. до н.э.), дзёмон (неолит – 12000 – 300 л. до н.э.) и яёй (бронзово-железный век – III в. до н.э. – III в. н.э.). Курганный период (Кофун – IV–VII вв. н.э.) соответствует железному веку в общеархеологической типологии – это время формирования японской государственности, возникновения протояпонского государства *Ямато*. За курганным периодом в исторической периодизации Японии следует эпоха ранних средневековых государств, которая, в свою очередь, делится на эпохи Нара и Хэйан. Для эпохи Нара (VIII в.н.э.) характерно существование централизованного государства. Эпоха Хэйан (IX–XII вв.) – период распада централизованного государства.

На островах Рюкю доисторический период носит название периода раковинных куч, однако, следует ли относить его к культуре дзёмон или необходимо выделить в особый культурный ареал, мнения расходятся.

Безусловно, керамика, найденная на островах Рюкю, обнаруживает сходство с керамическими типами основной территории, но на архипелаге отсутствуют такие отличительные черты японской культуры дзёмон, как *догу* и *сэкибо*, и присутствуют артефакты, которых нет в Японии. Например, украшения в виде бабочки, сделанные из кости дюгоня, которые, по некоторым предположениям, использовались в качестве амулета. Большинством японских исследователей культура раковинных куч все-таки определяется как локальный вариант культуры дзёмон.

[23] *Ода Сидзуо.* Рюкю рэтто кю:сэкки бунка но вакугуми ни цуйтэ =Зона палеолитической культуры архипелага Рюкю // Сэнси дзидай- но сэйкацу то бунка =Жизнь и культура в доисторический период. Тиба: Ватанабэ инсю, 2001. С. 21.

Считается, что в период кайдзука на севере архипелага Рюкю (о-ва Амами) обнаруживается влияние дзёмонской культуры Кюсю, в центральном районе (Окинава с прилегающими островами) помимо заимствованной развивается и собственная культурная традиция, юг архипелага (о-ва Сакисима) представляет отдельный ареал с заметным влиянием культур Тайваня, Филиппин, Индонезии.

Формирование единой зоны рюкюской культуры на базе этих ареалов относят к периоду *гусуку* (XII – XV вв. н.э.) – времени рождения рюкюского государства и рюкюского этноса. Таким образом, в отличие от культуры дзёмон, распространенной практически на всей территории Японского архипелага, ареал яёй почти не затронул Окинаву. Здесь на протяжении нескольких тысячелетий основу жизнедеятельности продолжало составлять собирательство, охота и рыболовство, что предопределило в исторической перспективе значительное отставание в развитии региона от «основной» территории Японии.

Как правило, каждый этап периода раковинных куч Рюкю стараются соотнести с определенным периодом в японской культуре. В целом складывается следующая картина: период раковинных куч на Рюкю делится на *начальный*, что соответствует начальному, раннему и среднему дзёмону Японии, *ранний* (конец среднего – поздний дзёмон), *средний* (японский финальный дзёмон), *поздний* (японский яёй – Хэйан).

Своеобразной визитной карточкой неолитического человека на островах Рюкю служит керамика *цумэгатамон*, которая была обнаружена в 1975 г. в районе Тогути Агарибару в центральной части о-ва Окинава. Откуда пришли люди на Окинаву в этот период времени – неизвестно. Наиболее вероятным считается Кюсю, поскольку керамика *цумэгатамон* имеет сходство с одним из ранних керамических комплексов Японии. Однако большой временной промежуток между распространением данной керамики в Японии (здесь она появилась

ок. 11 тыс. лет назад) и на Окинаве, а также различие артефактов, обнаруженных вместе с керамикой, заставляют многих исследователей выделять ее самостоятельный характер. Название свое (*цумэ* – яп. «ногти, когти») этот тип керамики получил от способа изготовления: узор делался на поверхности сосуда кончиками пальцев и ногтями либо заостренной палочкой. Образцы «цумэгатамон», открытые на Окинаве, в дальнейшем разделили на два типа: Ябути и Агарибару. Первый датируется 6670 ± 140 лет, второй – 6450 ± 140 лет[24]. Вместе с образцами этой керамики были обнаружены каменные орудия (топоры, скребки, точила, нуклеусы).

В Агарибару также найден тип керамики, известный как *собата*, весьма распространенный на западном Кюсю в период раннего дзёмона. Долгое время считалось, что острова Тан и Яку, расположенные недалеко от южного Кюсю, являются южным пределом распространения керамики типа собата. Раскопки в Агарибару доказали, что он распространился гораздо южнее и достиг о-ва Окинава. Согласно радиоуглеродному анализу керамика собата на Окинаве датируется 4880 ± 130 лет, что соответствует керамике того же типа, найденной на Кюсю[25]. Сосуды типа собата содержат фрагменты стеатита, перемешанные с глиной. По этому признаку, а также по не которым элементам декора керамику собата соотносят с корейской керамикой. Американский ученый, специалист по доисторическим миграциям Ирвинг Роуз предположил, что керамика типа собата свидетельствует о появлении первых переселенцев из Кореи, говорящих на японском языке[26]. Каменные инструменты, которые обнаружены вместе с керамикой собата, включают много отшлифованных каменных то

[24] *Хироэ Такамия*. Окинава но сэнси исэки то бунка = Доисторические м стонахождения и культура на Окинаве). Токио : Дайитисёбо, 1994. С. 27.

[25] *Хироэ Такамия*. Окинава но сэнси исэки то бунка. С. 28.

[26] *Pearson Richard J.* Ancient Japan. Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian I stitute, Washington D.C., Agency for Cultural Affairs, Government of Japan, Tok 1992. P. 71.

поров, отщепов, наконечник стрелы, сходных с найденными на Кюсю.

В 70-х гг. XX в. в самом нижнем слое раковинной кучи *Мурокава* обнаружен совершенно новый тип керамики, датируемый чуть более поздним временем, чем собата. Наиболее широкое распространение этого типа зарегистрировано на Амамиосима. Наличие данной керамики на Кюсю пока не выявлено. Таким образом, начальный период раковинных куч отличается как заметным влиянием культуры Кюсю, так и отчетливым региональным характером. Большинство находок этого периода обнаружено на прибрежных равнинах, поэтому можно предположить, что основным занятием людей было прибрежное рыболовство в коралловых рифах. В целом ранний этап периода раковинных куч характеризуется небольшим числом находок, что говорит о начальной стадии колонизации островов неолитическим населением. Первое действительно успешное заселение архипелага имело место в ранний период раковинных куч (конец среднего – поздний дзёмон в Японии), приблизительно 4000 – 3500 лет назад.

Керамика раннего периода раковинных куч (ок. 4000 – 1000 лет) представлена четырьмя основными типами: *иха*, *огидо*, *онма*, *мурокава*. Их отличает резной узор, сделанный стэком в верхней части венчика. Большинство изделий – глубокие сосуды с широкой горловиной и плоским основанием (*фукабати*). Они использовались в основном для варки пищи, что подтверждает наличие сажи на черепках[27]. Кроме фукабати в небольших количествах присутствуют сосуды типа *камэ* – кувшина. Распространение керамики указанных стилей зафиксировано только на островах Окинавы. Вместе с керамикой были найдены каменные топоры, ударники, изделия из кости и раковин: шило, ножи, ложки, различные украшения. Любопытно, что наконечников стрел (как каменных, так и из раковин)

[27] *Хироэ Такамия*. Окинава но сэнси исэки то бунка. С. 329.

найдено немного. По-видимому, охота на Окинаве была не особенно распространена. В раковинных кучах преобладают (более 80 %) останки рыб, обитающих в коралловых рифах[28], между тем рыболовные крючки на Окинаве обнаружены в небольшом количестве. Важным источником протеина служили улитки. Основу растительной пищи составляли различные виды орехов.

Поселения в это время располагались у подножия скал, в прибрежных песчаных дюнах. Преобладающим типом жилищ были полуподземные землянки *татэана*. Эти сооружения невелики по размерам – в среднем 2,7 м в длину и 2,3 м в ширину[29]. Характер поселений (одно-два жилища в поселении) указывает на то, что первые постоянные насельники архипелага представляли собой небольшие мобильные коллективы охотников-собирателей.

В *средний период раковинных куч* (яп. финальный дзёмон – 1000 – 200 лет до н.э.) в жизни обитателей Окинавы происходят заметные перемены. По мере адаптации к окружающей среде количество населения быстро возрастало, наметился переход к оседлому образу жизни[30]. Это, в свою очередь, привело к увеличению площади поселений, размеров и числа жилищ. Они все чаще перемещаются в глубь островов, на обширные равнины.

Поселение Такаминэ на о-ве Мияги состоит из 20 жилищ, в поселении Синугудо 43 землянки, 16 жилищ зафиксировано в Нубатаки. Размеры жилищ увеличились (3,3 × 2,6 м), наметилась их дифференциация. Так, четыре землянки в Синугудо несколько больше других, одно из жилищ в Нубутаки заметно превосходит в размерах все остальные. Некоторые из землянок Синугудо и Такаминэ уже с поддерживающими каменными стенами[31]. В поселении Адзамабару 2 (90 жилищ) обнаружено

[28] *Hiroto Takamiya*. Okinawa hunter-gatherers: the examination of hunter-gatherer mobility in an island context //Senri ethnological studies, 2003. Vol. 63. P. 163.

[29] Ibid. P. 161.

[30] Ibid. P. 163.

[31] Ibid. P. 161.

кладбище – около 60 могил. Часть из них просто ямы, другие имеют каменные стенки, у третьих кроме стен есть еще и каменные надгробья[32]. Все это свидетельствует не только о более высоком уровне оседлости, но и наличии социальной стратификации.

В раковинных кучах уменьшается количество останков рыб и моллюсков. Новые раковинные кучи, сформированные в этот период, практически отсутствуют. Если в раковинной куче Когатибару раннего периода насчитывалось более 50 тыс. останков позвоночных животных и более 120 тыс. мягких моллюсков, то в останках самой большой раковинной кучи среднего периода Корибару отмечено лишь 12 тыс. позвоночных животных и 3 тыс. моллюсков[33]. Изменился характер орудий, появилось больше топоров, наконечников стрел, жернова, каменные тарелки. Среди керамических изделий возросло количество сосудов в виде высоких кувшинов, использовавшихся для хранения зерна. Появляются ямы-амбары. Все это указывает на возможность возникновения определенной культуры земледелия.

Поздний период кайдзука (яп. яёй – Хэйан) занимает значительный временной отрезок – 200 лет до н.э. – X–XII вв. н.э. Для основной территории Японии в этот период характерны массовые миграции с материка, происходит переход к производящему хозяйству (заливное рисосеяние), образуются первые государственные формации, начинается формирование японского этноса. Эти процессы, однако, не затронули Окинаву. Вплоть до начала XII в. здесь продолжает господствовать хозяйственно-культурный комплекс прибрежных рыболовов и собирателей, хотя, как свидетельствуют данные археологии, в

[32] Ibid. P. 163.

[33] *Хирото Такамия*. Юрё сайсю: кара но:ко: э Окинава дэ кэ:су = Переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству на примере Окинавы // Сэнси бунка кэнкю: но атарасий сия = Новый взгляд на проблему изучения доисторической культуры охотников-собирателей. Осака: Кокурицу миндзокугаку хакуоцукан, 2002. С. 261.

первую половину позднего периода кайдзука культура островов Окинавы, особенно Амами, испытала определенное влияние культуры яёй Кюсю под воздействием торговли раковинами.

На Кюсю и Хонсю браслеты из раковин *гохора* и *имогай* ценились как символ власти и магической силы. Эти виды моллюсков обитают лишь в теплых водах островов Рюкю, на побережье японского архипелага они не встречаются. По мнению Такаюки Синдзато, пик торговли раковинами с Косю приходился на период 250 лет до н.э. – 250 лет н.э[34]. В обмен на раковины жители Рюкю получали керамику, каменные топоры, наконечники для стрел, в некоторых археологических памятниках обнаружены также железные топоры и бронзовые зеркала. Свидетельств того, что окинавцы сами участвовали в торговле на дальние расстояния, пока не найдено. Такаюки Синдзато выделяет на территории Окинавы ряд поселений с большой концентрацией импортной керамики и других товаров, что свидетельствует о постоянном притоке товаров с Кюсю, т.е. данные поселения выступали как торговые форпосты[35].

Влияние культуры яёй сказывается и на способах захоронения. В местечке Хирота на о–ве Танэгасима найдены вторичные захоронения со следами омовения костей.

Несмотря на наличие артефактов, которые без сомнения могут быть отнесены к культуре яёй, мы не можем говорить о проникновении на территорию Окинавы главной составляющей этой культуры – риса. Свидетельств рисосеяния, относящихся к данному периоду, здесь до сих пор не найдено. Вопрос, по каким причинам оно не получило распространения на Окинаве и южном Кюсю, остается открытым. А.Н. Мещеряков высказал предположение, что «быстрый переход к производящему типу хозяйствования, наблюдавшийся на основной территории Японии, был возможен только в условиях значительного

[34] *Takayuki Shinzato*. Distribution networks in the Okinawa islands in the period parallel with the Yayoi (300 BC to 300 AD) //Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin 23. 2003 (Taipei Papers, Vol. 1). P. 77.

[35] Ibid.

притока переселенцев. Заселив земли на севере Кюсю, Хонсю и Сикоку, они лишились стимула к дальнейшему продвижению. Без иноэтнического и инокультурного вливания Япония, по всей вероятности, еще в течение длительного времени была бы землей рыболовов, охотников и собирателей – пример населения севера и юга архипелага свидетельствует в пользу этого заключения»[36].

В целом характер артефактов первой половины позднего периода кайдзука свидетельствует, что основой хозяйственной деятельности на Рюкю оставалось рыболовство и сбор моллюсков. В значительных по объему раковинных кучах обнаружены раковины гигантских двустворчатых моллюсков *сякогай* с проделанными отверстиями. Они могли использоваться как грузила на рыбацких сетях. О широком распространении сетного рыболовства говорят и найденные веретена из раковин, использовавшиеся для плетения сетей.

Данная выше характеристика культуры раковинных куч применима только к островам Амами – Окинавы. На островах Сакисима выделяется особая зона культуры, практически не связанная с культурой раковинных куч северных и центральных районов, но демонстрирующая сильное влияние культур Южного Китая, Тайваня, Филиппин, Индонезии.

Ранний период этой культуры представлен раковинной кучей Кадахара на о-ве Яэяма, насчитывает 4–3 тыс. лет. Основными артефактами, характеризующими культуру этого периода, являются каменный топор и керамика с ручками. Каменный топор может служить одним из доказательств связи культуры Сакисима с индонезийской культурой. Он представляет собой грубо отесанный камень, которому придали закругленную, несколько удлиненную форму и отшлифовали только один край. Подобного рода топор использовался не только для рубки деревьев, но и как мотыга при выращивании таро. Что касается

[36] *Мещеряков А.Н., Грачев М.В.* История древней Японии. СПб. : Гиперион, 2002. С. 64.

керамики, то она представлена сосудами с широким дном, без узора, с угловатыми ручками, приделанными с внешней стороны. Она резко отличается от керамики Амами – Окинавы. Предполагается, что такая керамика была связана с выращиванием чумизы в Южном Китае и Тайване.

Удивительно, но керамическая культура островов Сакисима сменилась безкерамической (ок. 2 тыс. лет). Для приготовления пищи стали применять раскаленные на огне камни. В качестве посуды использовались раковины гигантских моллюсков. Этот способ термической обработки продуктов широко распространен в южных районах Тихого океана. Еще одной характерной чертой культуры Сакисима этого периода является распространение топоров, которые делали из толстой части раковины гигантской тридактны (Tridacna gigas). Такие топоры похожи на аналогичные изделия доисторической культуры Филиппин.

В результате раскопок раковиной кучи Одомарихама (X – XII вв. н.э.), расположенной на Хатэрума – одном из самых южных островов архипелага Рюкю, было обнаружено захоронение, окруженное ямами, наполненными обугленными камнями. В захоронении обнаружен скелет молодой женщины с новорожденным младенцем. Морфологические характеристики останков (низкое лицо и брахицефальность) имеют значительное сходство с морфологическими особенностями населения Филиппин. В то же время в верхнем слое раковиной кучи обнаруживаются находки, которые явно указывают на связь с культурой гусуку Окинавы: керамика камуияки, сосуды с ручками, каменный котел исинабэ, китайский каолин и фарфор.

В целом анализ археологических данных показывает, что в доисторический период архипелаг Рюкю представлял собой три культурных ареала с различным по степени интенсивности влиянием культур дзёмон, яёй, материковой и индонезийской. Это был своеобразный мост между Японией, Кореей, Китаем

и островным миром Юго-Восточной Азии. По территории архипелага неоднократно проходили племена с севера, юга и запада.

Безусловный интерес для характеристики образа жизни и особенностей культуры древних рюкюсцев представляют письменные сообщения китайских и японских хроник. Известно, что китайцы знали о существовании Рюкю еще в III в. до н.э. В хрониках династии Вэй содержится упоминание о том, что к югу от Японии, «которую они называют землей королевы, есть остров карликов, где люди 3 или 4 футов ростом»[37]. Однако первые более или менее достоверные письменные сведения о Рюкю относятся ко второй половине позднего периода кайдзука. Упоминание об островах Рюкю мы находим в китайских хрониках начала династии Суй. В 607 г. император Янгди отправил своих посланников в Восточное море на поиски земли Счастливых Бессмертных, дабы узнать секрет вечной жизни и превращения металла в золото. Секрета вечной жизни китайские посланники не нашли, но привезли с собой образцы оружия, ткани и несколько пленных.

Первое достаточно подробное описание нравов и обычаев жителей Рюкю содержится в китайских хрониках «Описание страны Рюкю» (VII в.). В них говорится, что страна Рюкю лежит на островах, там много пещер. У людей глубоко посаженные глаза и длинный нос, они сильно похожи на северных китайцев. Мужчины и женщины собирают волосы и подвязывают их белой веревкой, мужчины крепят венец короной, сделанной из крыла птицы; женщины носят четырехугольные шляпы из белого полотна. Имеется оружие – ножи, копья, луки, стрелы, но железного мало, в основном из кости. В стране нет письменности, знают смену времен, основываясь на прибавлении и убывании луны, наблюдая за тем, как распускаются и увядают

[37] Cit. in: Pearson Richard G. Archaeology of the Ryukyu islands. Honolulu : University of Hawaii press, 1969. P. 112.

трава и почки. Мужчины выдергивают усы и баки. Женщины делают татуировку в виде змей и насекомых. В деревянных баках выпаривают морскую воду и делают соль, из древесного сока – уксус. Нет никакого уложения для определения наказания, которое определяется по каждому конкретному случаю. При вынесении смертной казни толстой палкой бьют по голове. За легкие преступления наказывают палочными ударами[38].

В этом описании обращает на себя внимание упоминание о татуировке на руках женщин. Подобный обычай сохранялся на Рюкю вплоть до начала XX в. Он был распространен у аборигенов Тайваня, в Японии, а также у айнов. Мотивы рисунков (змея, черепаха) говорят об их «южном» происхождении. По мнению М.Ф. Чигринского, этот обычай связан с миграцией аустронезийцев через Тайвань в сторону Японских островов, Кореи, Северо-Восточного Китая[39].

В японских письменных источниках первые упоминания о «жителях Южных островов» относятся к 616 г. В основном это отрывочные данные о «варварах, которые приезжали в японские поселения с островов Яку и Танэ», сообщения об отправке служащих с целью собрать сведения об островах, расположенных к югу от Кюсю. В «Сёку Нихонги» («Продолжение анналов Японии») от 698 г. сообщается об экспедиции придворного Фуми но Имико для покорения жителей Южных островов (Нанто). В японских летописях встречаются также многочисленные свидетельства посланников, священников, ученых, чей путь из Китая проходил через эти острова. Первое упоминание о самом острове Окинава относится к 753 г., когда у его берегов потерпело крушение судно, отправленное из Нара с миссией в Китай.

[38] *Митани Масао.* Харан-но Рю:кю: о:тё: = Величие и падение королевской династии Рюкю. Токио: Ко:сайдо сюппан, 1992. С. 55–56.

[39] *Чигринский М.Ф.* О татуировке аборигенов Тайваня // Народы бассейна Тихого океана: общество, история, культура: Маклаевские чтения. СПб., 1994. С. 143.

§ 2. Образование Королевства Рюкю и формирование средневекового рюкюского этноса

Среди исследователей Окинавы распространено мнение, что образование единого ареала рюкюской культуры и окончательное формирование рюкюского этноса относятся к периоду *гусуку* (XII–XV вв. н.э.). Именно в этот период здесь появляется земледелие, повсеместно используется железо, начинает формироваться общий рынок, и, самое главное, на эпоху гусуку приходятся основные этапы политогенеза и образование централизованного государства – Королевства Рюкю.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что развитие Окинавы в эпоху гусуку происходило слишком уж бурно, подобно взрыву. Для такого развития должны быть соответствующие предпосылки. Потестарное общество возникает, как правило, лишь при достижении определенного уровня экономического развития. Следовательно, периоду гусуку на Окинаве должны были предшествовать события, имевшие ключевое значение в последующей этнической, социальной и политической истории Рюкю.

Толчком для кардинальных экономических перемен на Рюкю, по мнению окинавского археолога Асато Сусуми, послужило включение Японии и Окинавы (X–XII вв.) в сферу восточноазиатской торговой системы, центром которой стал Китай периода династии Сун. После десятилетий смут, последовавших за падением династии Тан, Китай в 979 г. был объединен династией Сун. Бурное экономическое развитие в государстве привело к резкому росту населения с высоким уровнем потребления[40], который удовлетворялся главным образом за счет внешней торговли. Китайские фактории в этот период

[40] *Асато Сусуми.* О:гата гусуку сюцюгэн дзэнъя но Рю:кю: рэтто = Архипелаг Рюкю накануне появления больших гусуку // Сэнси дзидай- но сэйкацу то бунка = Жизнь и культура в доисторический период. Тиба: Ватанабэ инсю, 2001. С. 395.

появились в большинстве стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Основными предметами товарообмена между Китаем и Японией стали китайский фарфор, монеты, пряности и благовония, привозимые китайскими купцами из стран Юго-Восточной Азии. Важными составляющими японского экспорта были сера, которая высоко ценилась как лекарство, и дорогостоящие предметы роскоши из перламутра. Это обусловило вовлечение архипелага Рюкю в сферу японо-китайской торговли, поскольку именно на островах Рюкю в большом количестве добывалась сера, а моллюск Turbo marmoratus, раковины которого использовались для производства перламутра, обитал в морях южнее Амами.

Для обмена на серу, перламутр и красное дерево японские купцы привозили на Окинаву каменные котелки *исинабэ*, которые изготавливались в районе Нагасаки. Котелки выдалбливались из «мягкого» камня – стеарита и высоко ценились за способность долго сохранять тепло.

Другим популярным товаром, имевшим хождение по всей территории Рюкю, включая самые южные острова Хатэрума и Ёнагуни, были керамические изделия *камуияки*, центр производства которых располагался на о-ве Токуносима. В основном это были кувшины зеленовато-серого цвета, изготовленные путем обратного обжига и имевшие большое сходство с керамикой Корё. Начало повсеместного распространения камуияки относится к концу XI – первой половине XII в. При характеристике археологических находок отмечается, что керамика периода гусуку сильно отличается от керамики раковинных куч. Сосуды местного производства с широким дном и ручками имитировали котлы *исинабэ*. Значительно возросло количество кувшинов с карбонизированными зернами риса, пшеницы, ячменя. Повсеместно обнаруживаются железные изделия – серпы, ножи. Стали находить кости быков, которые использовались в качестве тягловой силы. Все это говорит о заметном развитии сельского хозяйства.

Другое важное отличие по сравнению с периодом раковинных куч – рост численности населения Окинавы. По подсчетам Асато, количество населения Окинавы увеличилось в 10 раз[41]. Приблизительно аналогичный рост наблюдался и на островах Мияко и Яэяма. Такой прирост населения трудно объяснить естественным воспроизводством. В этой связи Асато ставит вопрос, можно ли современных окинавцев, считающихся потомками рюкюсцев периода гусуку, рассматривать как группу дёмонского происхождения?

В целом точка зрения Асато Сусуми сводится к тому, что период *протогусуку* (X–XII вв.) стал временем формирования единого торгово-экономического пространства на территории Рюкю, включая острова Сакисима, а экономический подъем, характерный для этого периода, был связан с иммиграцией с основной территории Японии. Сначала на Рюкю приезжали купцы, менявшие *исинабэ* на серу, перламутр и красное дерево, затем гончары, основавшие производство *камуияки*. Присутствие изделий из железа предполагает и наличие кузнецов. По мнению Асато, не исключена возможность приезда и политических лидеров[42].

К точке зрения Асато близка гипотеза другого японского ученого Хирото Такамия, предполагавшего массовую миграцию на Рюкю земледельческого населения с территории Кюсю. Он ставит под сомнение широко распространенное мнение о возникновении земледелия на Рюкю в начале периода гусуку. Собранные им археоботанические данные позволили утверждать, что производство сельскохозяйственной продукции в регионе началось на несколько веков раньше, причем внезапно. Самые ранние свидетельства земледельческой деятельности обнаружены им при раскопке раковинной кучи Назакибару близ Наха, возраст которой определяется VIII–X вв. н.э. Здесь были

---

[41] *Асато Сусуми, Дои Наоми.* Окинавадзин ва доко кара кита ка? = Откуда пришли окинавцы? Наха: Бо:та:инку, 1999. С. 156–157.

[42] Там же. С. 88.

найдены зерна риса, пшеницы, ячменя, проса, а также семена семейства бобовых. Вместе со злаками обнаружены останки сорняков и растений, обычно произраставших на заливных или суходольных полях: филлантус, оксалис, осоковая японская сыть[43]. Свидетельством сельскохозяйственной деятельности могут служить и две линии канав, а также более 250 следов, оставленных мотыгой, причем, вероятнее всего железной.

Еще одним аргументом в пользу такой гипотезы могут служить результаты раскопок раковинной кучи (VI–III вв.) На гарабару Хигаси на о-ве Иэ в 4 км западнее Окинавы. Здесь не обнаружено следов сельскохозяйственной деятельности. В очень незначительных количествах встречаются лишь зерна риса и пшеницы. Скорее всего, обитатели этого поселения по-прежнему вели образ жизни охотников – собирателей, а зерно было получено ими в результате обмена.

Хирото Такамия утверждает, что земледелие на Окинаве появилось внезапно – между VI–VIII и VIII–X вв. вместе с переселенцами с Кюсю. Успеху колонизации Окинавы способствовала небольшая численность местного населения, которая с IV по VIII в. уменьшилась из-за продовольственного кризиса, возникшего в поздний период кайдзука[44].

Гипотезу иммиграции поддерживают и некоторые современные антропологи. Исследования, проводимые американским ученым Петрушевским, выявили, что краниологически серии дзёмонцев и айну настолько отличаются от серий остальных японцев, что заставляет предполагать отдельное происхождение этих двух больших морфологических групп. Что касается серий, представленных на островах Рюкю, то большинство

[43] *Хирото Такамия*. Юрё сайсю: кара но:ко: э Окинава дэ кэ:су = Переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству на примере Окинавы // Сэкюрё сайсю: бунка кэнкю: но атарасий сия = Новый взгляд на проблему изучения доисторической культуры охотников-собирателей. Осака : Кокурицу миндзоку гаку хакубуцукан, 2002. С.263.

[44] *Hiroto Takamiya*. Population dynamics in the prehistory of Okinawa // Voyage of discovery, the archaeology of islands. Connecticut : Praeger publishers, 2004. P. 17

из них наиболее сходны со средневековыми японскими сериями из Камакура, а две серии обнаруживают близкое сходство с образцами периодов яёй – кофун[45]. По мнению ученого, такая близость предполагает либо общее происхождение, либо то, что жители островов Рюкю подверглись большей миксации с иммигрантами, чем айны и дзёмонцы[46].

Об изменениях в антропологическом облике рюкюсцев в этот период (увеличился рост, стало крепче телосложение, увеличилась высота лица, наметилась тенденция к долихоцефальности) пишет и антрополог Дои Наоми. Скелетные останки рюкюсцев периода гусуку и японцев раннего средневековья, по ее мнению, имеют значительное морфологическое сходство[47].

Таким образом, проанализировав изложенные точки зрения, можно предположить, что еще до начала периода гусуку население Окинавы «шагнуло» из стадии неолитического сообщества охотников – собирателей в общество с производящей экономикой. Немаловажную роль в этом процессе, возможно, сыграла иммиграция с основной территории Японии. В целом социально-политическая ситуация в стране в IX–XII вв. способствовала переселению жителей островов в другие районы. Бурный рост свободных от налогов хозяйств-поместий (сёэн) привел к изменению системы землевладения, что в свою очередь неизбежно повлекло крушение сложившейся на Японских островах жестко централизованной государственной структуры. Страну раздирали вооруженные конфликты между кланами, сопровождавшиеся голодом и эпидемиями. В поисках мирной жизни японцы перебирались на юг Кюсю, откуда они

[45] *Pietrusewsky Michael*. Multivariate craniometric investigations of Japanese, Asians, and Pacific Islanders // International symposium «Interdisciplinary perspectives on the origins of the Japanese», September 25–28, 1996, Kyoto. Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 1996. P. 65.

[46] Ibid. P. 78.

[47] *Дои Наоми*. Нансэй сё:то:-ни окэру дзинкоцу кэнкю: но гэндзё: = Современное состояние в исследовании костных останков человека на островах Нансэй // Сэкаи дзидай но сэйкацу то бунка = Жизнь и культура в доисторический период. Тиба: Ватанабэ инсю, 2001. С. 469.

могли попасть и на Рюкю. Кроме того, в Японии существовал традиция ссылать опальных политических лидеров на дальние южные острова. Косвенным подтверждением может служить легенда о Минамото Тамэтомо (см. ниже), считавшегося отцом короля Рюкю Сюнтэна.

Экономические и культурные контакты с Японией и материком не могли не повлиять на интенсификацию всех внутренних процессов рюкюского общества в X–XII вв. Именно этот период была заложена экономическая и культурная база на основе которой впоследствии развивалась культура гусуку формировалось раннее государство, а вместе с ним и рюкюский этнос.

Одним из ключевых моментов в социальной и политической истории Рюкю стало появление на политической арене вождей – адзи. Первые локальные кровнородственные поселения на Окинаве возникают еще в эпоху охотников-собирателей. Чаще всего они создавались рядом с рощей или холмом, покрытым лесом. Это было сакральное пространство (*утаки*), где обитали духи – охранители рода. Перед рощей или холмом располагался дом основателя рода и поселения. Пространственное расположение других жилищ диктовалось степенью родства с основателем рода, который считался «корнем» рода-деревни и именовался *ниттю* (*ни* – корень и *тю* – человек). Его дом назывался *ния*, или *мутуя* (первоначальный, первый дом).

Салинз и Мюллер доказали, что «фундамент архаических форм политической организации архаических обществ базируется на структурах родства или, правильнее сказать, превалирующие формы политической организации воспринимаются в терминах идеологии родства. Нет оснований сомневаться, что изначально структура родства определяла характер социополитических отношений»[48]. Особенностью социальной органи

[48] *Классен Х. Дж. М.* Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С.46.

зации рюкюсцев являлось то, что административные функции находились в руках мужчины, сакральные – в руках женщины. Рядом с *ниттю*, главой рода-поселения, стояла его сестра (*нирай*), в ведении которой находилось отправление религиозных церемоний.

Переход к производящему хозяйству и оседлому образу жизни сопровождается ростом населения и усложнением социальной организации. Потомки основателя рода *ниттю* создавали, в свою очередь, свои кровнородственные группы. С течением времени возникали уже более крупные поселения, объединявшие несколько родов. В них старейшиной становился глава самого старшего рода. При парцелляции поселений статус старейшины по-прежнему диктовался степенью родства с семьей – основателем рода, т.е. статус биологических связей еще играл важную роль, а термины родства все чаще использовались для легитимизации социального неравенства, экономических различий и политической власти. Институты родства служили для того, чтобы объяснить и тем самым узаконить сложившуюся ситуацию.

Таким образом, первоначально адзи (вожди, бигмены) были главой общины. Общественный статус старейшины, базировавшийся на праве отца-основателя рода, подкреплялся имущественным положением: им принадлежали лучшие участки земли, в их руках была сосредоточена и торговля престижными товарами, они организовывали импорт необходимых в сельскохозяйственном производстве товаров, снабжали ими отдаленные поселки[49].

В политической антропологии хорошо известно, что «торговля на большие расстояния является важным компонентом увеличения власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их внутри общества, иерарх контролировал

[49] *Асато Сусуми, Дои Наоми.* Окинава-дзин ва доко кара кита ка? = Откуда пришли окинавцы? Наха : Бо:та:инку, 1999. С.142.

редистрибутивную сеть, повышал свой престиж и увеличивал влияние на подданных»[50].

Торговля была не только мощным экономическим, но и идеологическим рычагом, так как способствовала овладению «эзотерическими знаниями». «Знания истории, обычаев, ритуалов чужих земель и покорение больших расстояний добавляло власти и социального престижа представителям элиты во многих обществах. Элита Окинавы контролировала знания о навигационных маршрутах в Китай, Юго-Восточную Азию и Японию»[51].

Начиная с XII в. адзи контролировал одну или несколько близлежащих деревень, *ниттю* которых подчинялись ему. Его сестра, по-прежнему исполнявшая религиозные функции, контролировала всех *ниган* подчиненных деревень. Резиденцией адзи стал замок – гусуку. Однозначного определения понятия «гусуку» не существует. Иероглиф, которым пишется это слово, означает «замок», «цитадель», «крепость». С другой стороны, поскольку в пределах гусуку всегда находилось сакральное пространство, то этимологию этого слова можно объяснить как место, куда спускаются боги («суку» – место, «гу» – ограждение).

С XIII в. вокруг гусуку стали сооружать каменные стены, превратившие их в мощные оборонительные сооружения. В целом гусуку можно рассматривать как политико-административный центр, объединявший властные функции с военными, экономическими, религиозными и культурными. Не совсем ясным остается вопрос, были ли замки и центрами ремесла, поскольку внутри не обнаружено ни обжиговых печей для производства керамики, ни кузниц. Предполагается, что ремесленные работы производились в близлежащих деревнях[52].

---

[50] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология: учеб. пособие. М. : Ладомир, 2001. С.138.

[51] *Pearson Richard.* Archaeological Perspectives on the Rise of the Okinawan State // Journal of Archaeological Research. 2001.Vol. 9, № 3. P. 277–278.

[52] Ibid. P. 256.

Всего на территории Рюкю насчитывается до 300 гусуку. Размеры их зависели от богатства и могущества адзи – от 50 до 64800 кв.м. Очевидно, что строительство такого рода масштабных сооружений требовало вложения больших средств и мобилизации значительных людских ресурсов. Возведение каменных стен, исполнявших прежде всего защитную функцию, указывало на то, что между адзи возникали вооруженные конфликты.

Соперничество и союзы между адзи приводили к созданию политических альянсов. Логическим концом борьбы за власть было появление победителя, который становится правителем правителей (*адзи суи*), или *ю-ну-нуси* (правителем мира, или сувереном). Как и в японской традиции, в Королевстве Рюкю существовали официальные хроники и анналы (*Тюдзан Сэйкан, Рюкю Синдоки*), в которых представлена династийная история правителей Рюкю, полная легенд и мифов.

Так, согласно «Рюкю Синдоки» (ок. 1603 г.) в начале времен с небес спустились два божества, мужское по имени Синэрикю и женское – Амамикё, которая забеременела от пролетавшего ветра. У нее родилось трое детей: старший сын стал первым правителем, дочь – первой жрицей норо, младший сын – первым простолюдином.

В «Тюдзан Сэйкан» (Хроники Тюдзан, 1650 г.) миф о первотворении вплетается в канву реальных исторических событий. Например, при описании того, как Амамикё создавала острова Рюкю, упоминаются места, являющиеся святынями Королевства Рюкю: Сээфа Утаки, Тамагусуку, Сюри. После сотворения островов Амамикё вновь поднялась на небо, чтобы попросить Небесного царя создать род людской. Небесный царь отослал своих детей на землю. Божественная пара родила трех мальчиков и двух девочек. Старший сын стал основателем династии Тисон, которая насчитывает 25 поколений, правивших на протяжении 17802 лет. Второй сын – родоначальником всех адзи, третий – первым земледельцем. Старшая дочь стала первой Верховной жрицей, младшая – первой *норо*. В рюкюской

мифологии просматривается несомненное влияние китайских и японских элементов: божественная супружеская пара, королевская династия, ведущая свою генеалогию от божественных прародителей.

Первым реальным, а не мифическим основателем рода королей Рюкю считается Сюнтэн, правивший Окинавой с 1187 по 1237г. Полагают, что матерью Сюнтэна была дочь одного из окинавских адзи, а отцом – знаменитый японский военачальник Минамото Тамэтомо. Версия о происхождении первого короля Рюкю была выдвинута священником Тайтю вскоре после того, как японский клан Сацума установил контроль над островами в 1609 г. Запись ее впервые появилась в «Тюдзан Сэйкан».

О Минамото Тамэтомо известно, что он был восьмым сыном Минамото Тамэёси, отличался большой физической силой и искусной стрельбой из лука. Обладая неуправляемым характером; он постоянно ссорился со своими старшими братьями, и отец сослал его в отдаленную область Бунго[53]. Со временем он женился на дочери губернатора Кюсю, но вскоре присоединился к своей семье в борьбе против клана Тайра, который вышел в этом противостоянии победителем. Вожди клана Минамото были казнены, Тамэтомо заменили казнь на ссылку на о-в Осима в восточной Японии.

С этого времени (1156 г.) о дальнейшей судьбе Минамото Тамэтомо почти ничего неизвестно. Согласно одной из версий Тамэтомо умер в ссылке и никогда не бывал на островах Рюкю. В другой, изложенной в «Истории сёгуната в Японии», сообщается, что, находясь в ссылке, Тамэтомо подчинил себе пять соседних с Осимой островов. Вице-правителю области Кано было дано повеление напасть на Тамэтомо, но Тамэтомо выстрелами из лука потопил его судно, а сам бежал на Рюкю[54].

[53] *Мендрин В.М.* История сёгуната в Японии. Кн. 2: Минамото I. Владивосток : Изд-во Вост. ин-та, 1911. С. 23.

[54] Его же. С. 32.

На Окинаве он женился на дочери местного правителя из рода Аппу, в 1166 г. у них родился сын. Спустя некоторое время Тамэтомо решил вернуться в Японию вместе с женой и сыном. Когда они поднялись на корабль, началась буря, продолжавшаяся несколько дней. Матросы, решив, что морской владыка недоволен тем, что на борту находится женщина, потребовали высадить ее на берег. Минамото вынужден был подчиниться, пообещав скоро вернуться. Мать с сыном поселились в деревне Урасоэ, недалеко от бухты, где она простилась с мужем. Она ждала его долгие годы, и эта бухта по сей день носит название Мати-минато (Бухта ожидания). Жена Тамэтомо умерла, не дождавшись мужа, а сын Сюнтэн стал родоначальником рюкюской королевской династии.

Насколько реальны описываемые события? В Японии действительно с древнейших времен существовал обычай ссылать неблагонадежных лиц в пограничные области государства. Кроме того, на юг Кюсю, а оттуда и на острова Рюкю бежали все, кто спасался от преследования враждебных кланов или официальных властей. Есть достоверные свидетельства, что на Рюкю бежали члены клана Тайра, спасаясь от Минамото Ёритомо, который в 1186 г. основал Камакурский сёгунат. Поэтому вполне реальным выглядит тот факт, что в XII в. многие японские служивые люди оказывались на территории Рюкю. В XVII в., когда понадобилось написать официальную историю, которая давала бы Японии законные права на острова Рюкю, вспомнили о легендарном Тамэтомо, члене клана Минамото, к одной из ветвей которого принадлежали сёгуны Токугава, реальные правители Японии того времени. Свое второе рождение эта легенда получила после аннексии Рюкю Японией во второй половине XIX в. Тогда было объявлено, что рюкюская королевская династия является младшей ветвью японской императорской фамилии, поскольку клан Минамото был основан в X в. внуком императора Сэйва. Тем самым преследовалась цель подчеркнуть общность исторического развития Окинавы и Японии.

«Король» Сюнтэн правил Окинавой 51 год. За время его правления был достигнут значительный прогресс в экономической, политической и социальной жизни. После смерти Сюнтена престол унаследовал его сын Сюмба-Дзюнки, известный тем, что впервые ввел письменность, в основу которой была положена японская фонетическая азбука. Другим его достижением была постройка замка Сюри, ставшего резиденцией рюкюских королей.

Правление сменившего на престоле Сюмба-Дзюнки его старшего сына Гихона было омрачено чередой неурожаев, голодных лет и эпидемий. Гихон отрекся от престола в пользу Эйсо, который правил Окинавой сначала в качестве регента, а потом был королем с 1235 по 1299 г. За это время страна оправилась от последствий голода и эпидемий, проведены земельная и налоговая реформы, установлен политический контроль над соседними с Окинавой островами – Амами-Осима, Кумэ, Ихэя и другими.

Новый этап в политической жизни Окинавы приходится на начало XIV в. В 1314 г. на престол вступил правнук Эйсо – Тамагусуку. В силу своей молодости (ему было 15 лет) он не смог контролировать ситуацию в стране. Окинава оказалась раздробленной на три самостоятельных «королевства»: Тюдзан (Центральное нагорье), Нандзан (Южное нагорье) и Хокудзан (Северное нагорье). Тамагусуку остался во главе Тюдзан, территория которого была не только самой обширной среди трех «королевств», но имела и другие преимущества: удобные бухты, развитые призамковые города, большое население. После смерти Тамагусуку и его малолетнего сына, которого он оставил наследником, власть на территории Тюдзан перешла в руки управляющего областью Урасоэ Сатто. С его именем связано одно из самых знаменательных событий в истории Окинавы – установление в 1372 г. даннических отношений с Китаем, которые продолжались в течение пятисот лет. С этого момента каждые два года с Рюкю отправлялся корабль с данью китайскому императору, а рюкюские короли получали от него инвеституру, дающую право занять престол.

Подобную вассально-даннические систему нельзя рассматривать как прямое вмешательство Китая во внутренние дела соседних государств. Дело в том, что китайские философы и политики прошлого видели мир полярным, разделенным на две неравноценные части: цивилизованный Китай и нецивилизованную варварскую периферию. Эта модель рассматривалась как явление онтологического, вневременного порядка. Отсюда единственная всеохватывающая власть китайского императора виделась гораздо шире, чем власть политическая, она рассматривалась как залог и поддержание порядка в мироздании, нормального функционирования Космоса и существования человечества. В отношении иноземных государей китайским императором практиковались акты инвеституры, к которым прилагались золотые печати. Причем инвеституры, титулования и присвоения рангов происходили не иначе, как с согласия «варваров». По признанию самих китайских историографов, инвеституры и титулования лишь удостоверяли наследственную власть иноземных монархов в их государствах.

Кроме того, отношения Китая с «варварами» допускались только в рамках так называемой «даннической системы». Без данничества иноземцев мироздание считалось несовершенным, а процесс мироустроения – незавершенным. Гораздо шире, однако, чем официальные отношения империи с иноземцами, данничество было представлено простой торговлей. М. Мэнколл, в частности, всю внешнюю политику императорского Китая расценивает как «данническую» торговлю, подразделяя последнюю на торговлю дарами, торговлю на свободных рынках и торговлю под жестким контролем императорской администрации[55].

Именно такого рода вассально-даннические отношения установились между Тюдзан и Китаем. Это было чрезвычайно

---

[55] *Зотов О.В.* Китай как «универсальная» монархия и псевдоданничество «варваров» // Восток. 1994. №2. С.8.

выгодно для маленького островного княжества, чье существование во многом зависело от внешней торговли, благодаря которой началось его бурное социально-экономическое развитие. «Если обмен и торговля осуществлялись с более развитыми обществами, то они интенсифицировали все внутренние процессы в вождествах»[56]. Вступление в 1372 г. в данническую систему отношений с Китаем означало для Тюдзан получение официальной лицензии на торговлю от самого могущественного государства в Восточной и Юго-Восточной Азии. Став вассалом Китая, Тюдзан приобретало еще одно преимущество. В 1393 г. сюда прибыла группа китайских иммигрантов, которым даровали необлагаемый налогом участок земли. Образовавшаяся китайская община *Кумэ* на протяжении столетий была на Окинаве символом социального престижа.

С появлением китайских переселенцев на Рюкю стала распространяться китайская классическая письменность, получили развитие архитектура, кораблестроение и навигация, ткачество, изготовление бумаги, чернил, кистей для письма, в административной практике была заимствована китайская бюрократическая традиция. В 1439 г. в китайской провинции Фудзянь была основана постоянная рюкюская фактория, просуществовавшая до 1875 г. На ее территории располагались склады, помещения для гостей, представителей окинавских торговых и дипломатических миссий. Сюда приезжали студенты с Рюкю обучаться китайскому языку, письменности, административной и дипломатической практике, этикету. Полученные знания они с успехом применяли на родине.

Система вассально-даннических отношений дала княжеству Тюдзан преимущество перед другими княжествами. Однако смерть Сатто в 1395 г. ослабила связи между правящим домом и территориальными князьями. Этим обстоятельством воспользовался молодой адзи по имени Хаси, который проя-

[56] *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М.: Вост. лит. РАН, 1995. С. 34.

вил себя сначала как талантливый администратор в собственных владениях, а потом в результате интриг и инициированных им же беспорядков сверг унаследовавшего престол сына Сатто Бунэя и захватил власть.

Хаси начал процесс объединения страны. Ему удалось привлечь на свою сторону трех влиятельных адзи в княжестве Хокудзан. После небольшой военной кампании оно было присоединено к Тюдзан. Управляющим области был назначен младший брат Хаси. Жители Хокудзан подчинялись новой власти неохотно, и поэтому Хаси вынужден был держать здесь постоянные военные гарнизоны. Вскоре к Тюдзан было присоединено и княжество Нандзан. С объединением трех княжеств на Окинаве в 1429 г. было образовано централизованное государство – Королевство Рюкю. О былом существовании трех княжеств вплоть до XX в. напоминали административные названия областей – Кунигами, Накагами и Симодзири.

Император Китая признал право Хаси на престол, пожаловал ему фамилию Сё, которую с этого времени носили все рюкюские монархи, и новый титул Лю Цю Ван – король Рюкю, признав тем самым заслуги Хаси по объединению страны[57].

В отличие от Японии, где основу благосостояния государства составляло сельское хозяйство (заливное рисосеяние), развитие Королевства Рюкю базировалось на морской торговле. По мнению Ричарда Пирсона, торговля велась как официально, так и в частном порядке, а также контрабандой. Данническая, посредническая и частная торговля составляли сложную систему, в рамках которой «кормились» пираты на море и официальные лица на берегу. Взаимодействие между государственной и частной торговлей является ключевым фактором не только в понимании Окинавы средневековья, но и всего региона Восточно-Китайского моря в последнее тысячелетие[58].

[57] *Kerr George H. Okinawa*. The history of an island people. Boston : Tuttle Publishing, 2000. P. 89.

[58] *Pearson Richard*. Archaeological Perspectives on the Rise of the Okinawan State // Journal of Archaeological Research, 2001. Vol. 9, № 3. P. 277.

В 1458 г. король Сё Тайкю приказал отлить огромный колокол. Выгравированные на нем слова должны были напоминать жителям о значении морской торговли в жизни государства: «Корабли – средства связи со всеми народами; страна полна редкими и драгоценными товарами»[59]. Рюкю связывали торговые отношения не только с Китаем, но и Японией, Кореей, Сиамом, Аннамом, Патани, Малаккой, маленькими королевствами Явы. Корабли рюкюских купцов достигали берегов Суматры и Борнео. Из Китая в порт Наха в огромных количествах ввозились керамика и фарфор, часть из них оседала на Окинаве, часть отсылалась в Киото, где высоко ценилась у мастеров чайной церемонии. Кроме керамики из Китая через Наха в Японию ввозились ткани, целебные растения, монеты, лаковые изделия, веера. Японские товары доставлялись рюкюскими торговцами купцам Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии. В Китай, Японию, Корею окинавские корабли привозили из Юго-Восточной Азии ценные породы дерева, пряности, благовония, железо, олово, сахар, а также рог носорога, ценимый как афродизиак. Торговля с соседними странами стала стимулом для развития местных ремесел. Именно в период гусуку (XII – XV вв.) благодаря связям с Китаем и развитию морской торговли были заложены основы многих рюкюских культурных традиций, которые столь отличаются от собственно японских.

§ 3. Этнополитическая история Рюкю в XV–XIX вв.

Король Сё Хаси, основатель первой династии Сё, умер в 1439 г. в возрасте 68 лет, оставив после себя большую семью. Однако ни один из его наследников не смог закрепиться на троне. Череда меняющихся правителей привела к кризису вла-

[59] *Kerr George H.* Okinawa... P. 90.

сти. После загадочной смерти последнего короля Сё Току наследников из первой династии Сё не осталось. Группа высших чиновников и наиболее влиятельных адзи предложила стать королем королевскому казначею Канамару, который к тому времени приобрел большой авторитет при дворе. Канамару вступил на престол в 1470 г., взяв себе имя Сё Эн, и основал, таким образом, вторую династию Сё, которая правила страной вплоть до ее аннексии Японией в 1879 г.

Канамаро оказался сильным и талантливым правителем. Семья Сё Току была навсегда отстранена от высших государственных постов. Для укрепления своего престижа Канамару построил усыпальницу на острове Ихэя, где были захоронены кости родителей. Его сестра была объявлена главной жрицей на Ихэя, наследственная линия которой прервалась только в начале XX в. Сё Эн почитал дух своего отца как короля Ихэя, заботясь при этом, чтобы уважение выказывалось и ко всем его предшественникам из первой династии Сё. В 1472 г. китайская миссия привезла Сё Эн инвеституру от императора Китая, означавшую официальное признание его в качестве короля.

После смерти Сё Эн наследником стал младший брат Сэни. Однако жена Сё Эн не могла смириться с тем, что сын отстранился от власти. В результате ее интриг Сэни отрекся от престола. В 1477 г. королем стал сын Сё Эна – Сё Син, которому было в то время 14 лет. Правление Сё Сина стало самым долгим и успешным в истории Королевства Рюкю. Его часто называют «Великими днями Тюдзан» или Золотым веком Рюкю.

Во время правления Сё Сина произошло окончательное объединение страны, власть государства распространилась на все острова Сакисима. Была осуществлена реформа политико-административного управления, направленная, прежде всего, на ограничение независимости адзи. К моменту вступления на престол Сё Сина большинство князей жили в своих поместьях, каждое из которых было практически автономным. Их экономика базировалась на производстве сельскохозяйственной продукции, ремеслах и рыболовстве. Независимость адзи

представляла для центральной власти постоянный источник конфликтов. Одним из первых своих указов Сё Син запретил адзи носить мечи, все оружие было изъято, перевезено в столицу и содержалось в специальном хранилище. Адзи приказали переехать в столицу, оставив для управления поместьями уполномоченного *уппи*. Этот шаг ослабил их связи с землями своих предков. Для контроля за уполномоченными стали назначаться королевские чиновники *дзитодай*. Так была образована административная система *магири – сима* (район – община).

Назначаемый управляющий *магири* имел дело со старостой общины. Вся земля кроме участков, принадлежащих князю, живущему в столице, и выделяемых для жрицы норо, находилась в общинной собственности. С каждого хозяйства взимался налог, ответственность за его уплату несли все члены общины. Чтобы предотвратить конфликты между князьями в самой столице, она была поделена на три района, в каждом из которых проживали адзи соответственно из южных, центральных и северных округов государства. Королевский двор всячески поощрял браки между представителями ранее соперничавших родов. Специальными королевскими указами запрещалось совершать ритуальные самоубийства и следовать за господином после его смерти[60]. В раздираемой конфликтами и войнами Азии Окинава в тот период была оазисом мира, спокойствия и процветания.

Другой важной реформой являлось изменение сословной системы. Все население делилось на три класса – аристократия (*кидзоку*), дворянство (*сидзоку*) и простой народ (*хэймин*). Эта система отличалась от японской *си-но-ко-сё*. Японское общество было разделено на военное сословие *си*, крестьян *но*, ремесленников *ко* и торговцев *сё*. В управляемой сёгуном и военным правительством бакуфу Японии на вершине иерархической лестницы стояли военные, а торговцы занимали ее нижнюю ступень. В Королевстве Рюкю занятие торговлей

[60] Kerr George H. Okinawa... P. 109.

было весьма почетным. Во главе каждой торговой миссии стоял специальный уполномоченный, назначаемый королем. Занять этот пост почитали за честь принцы и чиновники высшего ранга. В целом в рюкюском обществе того времени ранг, статус и финансовое положение зависели от размеров земельных наделов и участия в государственной службе. Король на иерархической лестнице занимал высшую ступеньку. К классу аристократии относились королевская семья и ее родственники. К высшему дворянству – адзи, ведущие свое происхождение от территориальных князей. Дворяне рангом пониже (*уэката*) происходили из семей младших сыновей наследных адзи или королевских принцев. Этот титул давался также за усердную государственную службу. Низкоранговое дворянство делилось на три класса: королевские солдаты, или придворные, солдаты и придворные адзи, а также ученые, священники и те, кто получил титул на государственной службе. Примечательно, что среди низкорангового дворянства было много художников и ремесленников, которые производили большую часть товаров. Простолюдины разделялись в зависимости от места проживания – в городе или сельской местности, последние не имели права менять место жительства.

Статус человека символически отражался в одежде, головном уборе и украшениях. Высшие сословия носили кимоно из дорогих и ярких тканей, украшенных сложными рисунками. Принадлежность к тому или иному сословию у мужчин можно было определить по цвету, форме, фактуре ткани особого головного убора *хатимати*, напоминавшего небольшой тюрбан. Так, король носил хатимати желтого цвета, принцы и адзи – голубого, чиновники – черного, простолюдины – зеленого. С 1509 г. в качестве непременной детали как женского, так и мужского костюма вводились специальные шпильки *дзифу* (*кандзаси*). Все мужчины Рюкю делали особую прическу: волосы собирались в пучок на макушке и скреплялись двумя шпильками. Особы королевской крови носили золотые дзифу, аристократия и военные – серебряные, простолюдины –

деревянные или из панциря черепахи. Высшие сословия носили деревянные сандалии (аналогичные японским *гэта*), простолюдины ходили босиком.

Сё Син провел унификацию местных религиозных культов. Жрицы *норо*, обслуживавшие религиозные нужды общин и обладавшие до этого немалой властью и автономией, были поставлены под контроль королевской администрации. Во время правления Сё Сина сложился национальный культ и единая религиозная организация, во главе которой стояла главная жрица королевского дома *Кикоэ-оогими* (на местном диалекте *Чифи-уфудзин*) – Внимающая и Ведающая Великая Госпожа. По традиции Кикоэ-оогими чаще всего становилась сестра короля, либо его дочь, тетя, племянница. Статус Верховной жрицы приравнивался к статусу короля. Ей не разрешалось выходить замуж. Свою должность она сохраняла до конца жизни. Ей полагалось жалованье – 200 коку риса в год (1 коку – 150 кг). Первоначально ее храм располагался близ ворот замка Сюри. Стремясь ослабить влияние Кикоэ-оогими, Сё Син приказал построить для нее храм *Чифидзин Удун* в противоположном конце Сюри. В храме совершались молебны в честь трех божеств (ками): ками первой Верховной жрицы и всех ее последовательниц; ками, «ответственному» за погодные условия; ками, почитавшемуся первым правителем, давшим жизнь всем последующим поколениям[61].

Обязанностью Верховной жрицы было проведение национальных ритуалов, а также регулярных молебнов за здоровье короля и всего народа. В проведении церемоний ей помогали специально назначенные помощницы. Главная из них (она могла быть простого происхождения, но обязательно с о-ва Кудака) проводила ежедневные ритуалы и помогала Главной жрице на особо ответственных церемониях. В обязанности другой входила забота о ритуальных предметах. Ее выбирали за добро-

[61] *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Honolulu : Hawaii press, 1966. P. 110–112.

детели из числа старших незамужних женщин в семьях мелкопоместного дворянства. Еще две помощницы следили за храмовым хозяйством и готовили церемониальные подношения. В качестве прислуги при храме жили и другие женщины. Их работа считалась почетной. Все обитательницы храма вели строгую жизнь. Им полагалось соблюдать вегетарианство, половое воздержание. Контакты с внешним миром строго ограничивались: не разрешалось посещать дома, где были похороны или роды, во время менструаций и болезни запрещалось входить в Главный зал. В предчувствии скорой смерти они должны были покинуть храм.

За Верховной жрицей на иерархической лестнице стояла жрица королевского дома (обычно из семьи младших братьев короля). На национальных церемониях она иногда служила главной помощницей Верховной жрицы. Государственного жалования ей не полагалось. Следующими в «табели о рангах» следовали жрицы трех округов – Кунигами, Накагами и Симодзири. Они выбирались из определенных семей, им выделялись большие участки земли, которые обрабатывали простолюдины. В отличие от Верховной жрицы эту должность могли занимать только девственницы. Главной их обязанностью был контроль за деревенскими жрицами.

Жрицы деревень, чтобы занять свой пост, должны были получить инвеституру от Верховной жрицы. Каждой выделялись участки земли, не облагаемые налогами и передаваемые по наследству. Жители общины должны были помогать им в обработке земли. Должность жриц всех уровней передавалась по наследству, как правило, дочери старшего брата.

В рамках религиозной государственной системы ежегодно проводились национальные ритуалы, связанные обычно с сельскохозяйственным циклом. По традиции первые плоды каждого нового урожая подносились богам. Жители деревень приносили их норо, те, в свою очередь, – региональным жрицам. Верховной жрице помимо первых плодов подносились продукты или изделия, которыми славился тот или иной район.

Одним из национальных ритуалов был *агари маи* (тур на восток), проводившийся каждый 2-й и 8-й лунный месяц года. Во 2–й месяц король, двор, все жрицы ехали на полуостров Тинэн, в район Тамагусуку. По легенде на поле *Миифудаа* между двумя ручьями впервые жители Окинавы посадили рис. Здесь проводились молебны о ниспослании хорошего урожая в новом году. Затем процессия отправлялась на о-в Кудака, где по преданию предкам окинавцев божества подарили «пять фруктов и зерен». Божествам также подносились первые зерна пшеницы, их просили о хорошем урожае. В 8-й лунный месяц года вся процессия отправлялась в *Сээфа Утаки* – главную национальную святыню окинавцев вплоть до начала XX в. Считается, что в этом месте поселились первые предки окинавцев, в честь которых и проводился ритуал поминовения. Со временем Верховные жрицы прекратили поездки на Кудака, молились в Сээфа Утаки, повернувшись лицом к острову[62]. Здесь же все норо собирались и для участия в церемонии вступления в должность Верховной жрицы. Возглавляла церемонию жрица о-ва Кудака, она надевала на шею Верховной жрицы нефритовое ожерелье – один из главных атрибутов церемониального одеяния жриц. Верховная жрица и жрицы всех уровней проводили также специальные ритуалы в дни весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния. Таким образом, древние народные культы были систематизированы и оформлены в национальную религию со строгой иерархией ее основных служительниц.

Новые сложные дворцовые церемонии, воспринятые у Китая, потребовали перестройки королевского дворца. Перед входом в его главный зал были установлены столбы, верхушки которых венчали головы драконов. Их прототипы можно встретить в храмах и дворцах Камбоджи и Сиама. Подлинное произведение искусства представляли собой церемониальные арки (Сюрэй-мон, Канки-мон, Рюкоку-мон), установленные

[62] *Lebra William P.* Okinawan religion... P. 98.

в дворцовом комплексе, в состав которого входило также множество рощ, садов, павильонов.

Королем поощрялось строительство буддийских храмов. В 1492 г. под наблюдением японских священников-иммигрантов был построен храм Энкаку-дзи, за образец которого был взят аналогичный храм в Камакура. В 1496 г. через пруд у главных ворот храма был переброшен искусно украшенный декоративными элементами каменный мост. На воротах другого буддийского храма Согэн, расположенного по дороге в Наха, были размещены таблички с именами всех рюкюских королей. Каждый человек, в том числе и король, должен был пройти под воротами в знак их уважения[63]. В целом буддизм как религиозное учение не приобрел на Окинаве такого значения, какое он имел в Японии, но буддийские храмы почитались как центры знаний и искусства, а буддийские монахи нередко выступали в качестве эмиссаров королевского правительства.

Каждый адзи в силу своего высокого положения в обществе должен был иметь дворец и жилые помещения для приближенных и слуг. По китайской традиции они непременно окружались садом и высокой каменной стеной. По приказу короля в столице разбивались новые парки, сооружались пруды, декоративные мосты и монументальные ворота. Дворцы короля и адзи стали наполняться предметами роскоши, сделанными местными мастерами. Керамика, фарфор, лаковые изделия, украшенные золотом, серебром, перламутром, по качеству не уступали зарубежным аналогам. Аристократическую культуру Рюкю, сложившуюся в XV–XVI вв., безусловно, можно расценивать как весомый вклад в сокровищницу мировой культуры. Не случайно после включения Окинавы в состав Японии японское правительство объявило 22 памятника этой эпохи объектом национального достояния.

Заметные успехи были достигнуты в развитии сельского хозяйства. Необходимо отметить, что рис на Окинаве не имел

[63] *Kerr George H.* Okinawa... P. 109.

такого значения, как в Японии, его посевы сильно страдали из-за летних тайфунов. Значительное место в сельском хозяйстве занимали пшеница, ячмень, просо. Как летняя культура особенно ценилось просо, устойчивое к засухе, быстро созревающее и дающее хороший урожай на любой почве. Урожай пшеницы и ячменя снимали зимой, основной рост этих культур приходился на сезон с благоприятным уровнем влажности.

Успехи в развитии сельского хозяйства были связаны с проведением ирригационных работ, строительством дорог, освоением новых сельскохозяйственных площадей. Импортированные технологии разведения шелковичного червя, ткачества и окрашивания тканей, адаптированные к местным традициям, в скором времени стали восприниматься как исконно окинавские. Высокое качество и мастерство, с которым делались ткани, превратили их в одну из главных статей рюкюского экспорта.

Развивалась собственная литературная традиция. В 1532 г. традиционные поэмы, песни, молитвы жриц были собраны в антологию Оморо-соси, которая до сих пор является главным литературным памятником Окинавы. Окинавцы с гордостью сравнивают ее со знаменитой японской антологией Манъёсю. Королевским двором поощрялось развитие каллиграфии.

Долгое и счастливое для Рюкю правление Сё Сина закончилось в 1526 г. По мере проникновения в Юго-Восточную Азию голландских купцов доходы рюкюского государства от внешней торговли начали падать. К концу XVI в. повышенный интерес к стране стала проявлять Япония, переживавшая период централизации. Успешно завершив объединение всех феодальных даймё под властью центрального правительства, Тоётоми Хидэёси обратил свое внимание на материк. Начав вооруженную агрессию против Кореи, он потребовал от короля Рюкю оказать ему помощь. Король Сё Нэй отказался. Впоследствии этот отказ был использован в качестве предлога для захвата королевства войсками японского клана Сацума, территория которого располагалась на юге Кюсю. Покорением Рюкю глава

клана Симадзу Иэхиса надеялся продемонстрировать свою лояльность новому сёгуну Токугава Иэясу и поправить финансовое положение.

5 апреля 1609 г. войска клана Сацума овладели замком Сюри. Он был разорен, сокровища короля и рюкюской аристократии разграблены. Из плена король был отпущен только после того, как дал клятву во всем подчиняться князю Симадзу. Королевство Рюкю стало вассалом Японии. 270-летнее управление Рюкю кланом Сацума называют первым опытом Японии колониальной эксплуатации. В определенной степени это утверждение справедливо. Взаимоотношения с Японией совсем не походили на вассально-даннические отношения с Китаем. Если китайскому императору правительство Сюри преподносило символические подарки, то Японии оно должно было выплачивать ежегодно восьмую часть всех доходов государства. В середине XVII в. она составляла около 17% годового дохода клана[64]. Из-под контроля Сюри изымались острова Амами-осима. Князья Симадзу поставили под жесткий контроль торговлю Рюкю с Китаем, все товары, ввозимые из Китая, должны были вначале доставляться в Кагосима. Рюкюские купцы не имели права выезжать из страны без разрешения представителей клана.

Король Сё Нэй был последним в истории Рюкю монархом, осуществлявшим самостоятельную политику. Хотя Сацума вернул его преемнику Сё Хо право создавать органы управления, фактический контроль над их деятельностью осуществлялся князьями Симадзу. Без их одобрения не могли быть назначены Сэссей (Верховный министр) и члены Сансикана (Государственного Совета). Должность Сэссея могли занять только члены королевского дома. Члены Государственного Совета должны были происходить из дворянской семьи, проживать в Сюри и пройти специальный экзамен. Верховному министру и

[64] *Purves John.* Managing a wild horse with a rotten rope: a contemporary history of Okinawa [Электронный ресурс] : 2001. URL : http://www.niraikanai.wwma.net

Королевскому Совету подчинялись главы административных департаментов, так называемый Совет пятнадцати, которые давали консультации по внутренней политике и рекомендовали кандидатуры в Королевский Совет в случае возникновения вакансий.

С другой стороны, Сацума не возражал против сохранения королевством вассальной зависимости от Китая, поскольку в условиях тотальной изоляции, в которой оказалась Япония в результате политики, проводимой Токугавским сёгунатом, Рюкю стало единственным окном для сношений с внешним миром. «Независимость» Королевства позволяла ему поддерживать торговые отношения с Китаем, что, в свою очередь, обеспечивало Сацума информацией, престижем и влиянием, необходимых княжеству в его взаимоотношениях с бакуфу. Сацумские посланники всячески скрывали свое присутствие в стране, когда китайские дипломатические миссии вручали инвеституры очередному рюкюскому королю. Бакуфу, не противясь стремлению князей Симадзу подчеркнуть «суверенитет» Рюкю, старалось в то же время представить жителей архипелага скорее как подданных Эдо, и периодические рюкюские посольства в столицу были призваны продемонстрировать этот факт. В свою очередь и Королевство стремилось к сохранению статуса вассального Китаю государства в качестве проявления независимости. Таким образом, сложилась весьма непростая конфигурация взаимоотношений, которую американский исследователь Грегори Смитс обозначил как «целый комплекс политического фарса, который разыгрывался различными способами для разной аудитории»[65].

В среде рюкюской элиты в течение многих лет предпринимались попытки переоценить идеологию взаимоотношений с могущественными соседями и место Рюкю в ее рамках. В соответствии со сложившейся ситуацией решение данной про-

[65] *Smits Gregory.* Visions of Ryukyu: Identity and Ideology in Early-Modern Thought and Politics. Honolulu : University of Hawaii press, 1999. P. 28.

блемы виделось в трех направлениях: проводить политику и идеологию, ориентируясь главным образом на Японию, Китай, либо выработать автономный курс, в центре которого было бы само Рюкю.

Активным проводником прояпонской политики стал принц Ханэдзи, известный под именем Сё Дзёкэн, занявший в 1666 г. пост Сэссея. Хорошо осознавая военную мощь князей Симадзу и выгоды от торговли с Японией, Сё Дзёкэн осуществил ряд политических и социальных реформ. Он инициировал проведение земельной реформы по образцу той, которая прошла в Сацума. Целью данной реформы было увеличение пахотных земель за счет освоения целины. К этому времени в сельском хозяйстве Королевства произошли заметные перемены. Поскольку львиная доля доходов от торговли с Китаем оседала в казне Сацума, а торговля со странами Юго-Восточной Азии вследствие появления там европейцев практически прекратилась, правительству Королевства пришлось обратить внимание на внутренние ресурсы, в первую очередь, на сельское хозяйство. Настоящим спасением для окинавцев стал завезенный из Китая в 1606 г. сладкий картофель. Батат не только давал высокие урожаи, но оказался устойчивым к тайфунам. С Окинавы он был завезен в Сацума, а оттуда распространился по всей Японии под названием «картофель Сацума». Сладкий картофель, обладающий высокой пищевой ценностью, превратился в один из главных продуктов питания местного населения и оставался основой рациона рюкюсцев вплоть до второй половины XX в. Хорошо прижился на окинавской почве и сахарный тростник, привезенный из Китая в 1623 г. Выращивание тростника и производство сахара вскоре заняли лидирующую позицию в сельскохозяйственном производстве Рюкю, позволяли выплачивать дань Сацума.

Находясь под влиянием конфуцианской философии и этики, царившей в токугавской Японии, Сё Дзёкэн попытался изменить религиозную систему, сложившуюся при Сё Сине, и прежде всего, уменьшить влияние норо, начиная от деревенской

общины и заканчивая королевским двором. Понижался ранг Верховной жрицы, отныне на иерархической лестнице она будет следовать за королевой и Сэссеем. Ликвидировались должности ее помощниц. В 1674 г. королю запретили совершать паломничество на полуостров Тинэн и о-в Кудака, вместо него надлежало посылать специального уполномоченного для совершения ритуала. Король должен был довольствоваться «поклонением издалека»[66].

Сё Дзёкэн подготовил официальный исторический труд «История Тюдзан», куда была вписана легенда о Минамото Тамэтомо, призванная продемонстрировать родственную связь между японским императорским домом и королевским двором Рюкю. Тем самым Сё Дзёкэн пытался подчеркнуть традицию древних и тесных связей Рюкю с Японией. Кроме того, он полагал необходимым обязательное знание правительственными чиновниками «японских культурных форм», таких как чайная церемония и икебана.

Своеобразным оппонентом Сё Дзёкэну выступал Тэй Дзюнсоку – ученый, поэт, дипломат в Эдо и Пекине, приверженец китайской культуры. Община Кумэ близ Наха, где проживали потомки китайских иммигрантов, с 1392 г. была центром китайских знаний на Рюкю, но к данному времени переживала упадок. Возрождение Кумэмура связано с именем Тэй Дзюнсоку, который основал там конфуцианскую академию. В период между 1650 и 1729 г. население общины увеличилось в пять раз, сюда привлекались таланты со всего королевства[67]. Академия Тэй Дзюнсоку стала базой для воспитания и образования рюкюской элиты, занимающей ключевые политические и дипломатические посты в XVIII в.

«Продуктом» конфуцианского образования в Кумэмура был и видный государственный деятель XVIII в. Сай Он (1682–

[66] *Kerr George H.* Okinawa... P. 194.

[67] *Paul Diane B.* Review: Visions of Ryukyu: Identity and Ideology in Early-Modern Thought and Politics by Gregory Smits //The American Historical Review, 2000. Vol. 105, № 1. P. 193.

1761). В возрасте 27 лет он был определен наставником к семилетнему принцу Сё Кэй. Когда принц в 13 лет стал королем, Сай Он оставался при нем советником в течение более сорока лет, практически осуществляя полный контроль над правительством. Сай Он полагал, что даже такое бедное ресурсами государство, как Рюкю, способно поднять свой материальный и культурный статус через нравственную работу. И именно в сфере нравственности и морали Рюкю могло встать в один ряд с его великими соседями. По словам Грегори Смитса: «Он использовал конфуцианскую идеологию...пытаясь минимизировать влияние политической власти Сацума на Рюкю, одновременно побуждая рюкюсцев стать хозяевами своей собственной судьбы»[68].

В качестве меры борьбы за нравственность была запрещена проституция, введен запрет на роскошь. Изданы указы, призывающие сократить расходы на похороны, пересмотрены законы, касающиеся уголовного наказания, расширен штат полицейских.

Помимо запретительных мер правительством были предприняты шаги, направленные на поддержку дворянства. Финансовое положение дворян высшего ранга базировалось на доходах, которые они получали со своих имений, но было весьма нестабильным, так как зависело от урожая. В 1723 г. адзи начали получать из государственной казны «рисовую стипендию», доходы же с их поместий направлялись в общественные хранилища. Что касается низкорангового дворянства, то, как указывалось выше, многие из его представителей становились артистами, художниками, ремесленниками, не теряя при этом своего социального статуса. Городские ремесленники были освобождены от уплаты налога. Выдающиеся артисты и мастеровые любого сословия имели возможность получить титул и

[68] *Smits Gregory.* Visions of Ryukyu: Identity and Ideology in Early-Modern Thought and Politics. Honolulu : University of Hawaii press, 1999. P. 71.

связанные с ним привилегии, а также финансовую поддержку. В 1733 г. был учрежден фонд взаимопомощи, куда могли обратиться дворяне, оказавшиеся в трудном финансовом положении. Активные участники фонда, помогавшие другим людям, заслуживали всенародное уважение и почет[69].

Безусловный приверженец конфуцианских догм в управлении государством Сай Он в то же время оставался реалистом и практиком, приложившим немало сил для экономического возрождения Окинавы. С его именем связан целый ряд реформ по рационализации производительной экономики. Разрабатывались новые методы ирригации и сохранения плодородия почв. Были сокращены участки под строительство домов и погребальных склепов на плодородных землях. Рыбакам и крестьянам запретили неконтролируемую рубку деревьев на крутых склонах. Деревенских жителей учили, как высаживать ветроломы по берегам и на склонах гор, чтобы защитить плодородный верхний слой почвы от разрушительного воздействия сильных ветров и проливных дождей. Необходимо отметить, что Сай Он является автором ряда работ, касающихся проблемы рационального использования лесонасаждений, а также методов сохранения и возобновления лесов. Дело в том, что в описываемый период наблюдался значительный рост населения Окинавы, требовалось много древесины для строительства и отопления домов. Однако местные почвы и климат не способствовали быстрому восстановлению лесных ресурсов. Результаты исследований Сай Она активно применялись на практике не только в XVIII в., но и были рекомендованы к использованию Американской гражданской администрацией на островах Рюкю в 1952 г.[70]

Правительство пыталось решить задачу перенаселенности городов и связанную с ней проблему безработицы. Деревен-

[69] Kerr George H. Okinawa... P. 206.
[70] Ibid. P. 207.

ским жителям запрещалось переезжать в города, с освоением посевных площадей создавались новые деревни. Для фермеров было введено ограничение для занятий ремеслом и, напротив, оно поощрялось среди горожан. Таким образом, горожанам было что предложить в обмен на продовольствие, а рыбаки и фермеры получали повод отвести свой товар в город. Для поддержки местного товарообмена правительство открывало рынки, была сделана попытка стандартизации системы мер и весов, отчеканена новая монета.

Чтобы обеспечить растущее население строительным материалом, устанавливались печи для обжига известняка. Осваивались усовершенствованные техники отливки металла и изготовления инструментов. В каждый район отправлялись специальные инспекторы, которые поощряли фермеров выращивать чай и особого рода пальмы. Из их древесины получали волокно для производства тканей. Открывались новые мануфактуры по производству чернил, бумаги, бумажных фонарей и зонтов.

Под руководством правительства создавались общественные хранилища для зерна, чтобы в неурожайные годы избежать массового голода среди населения. Особой чести был удостоен фермер, который первым предложил способ получения двух урожаев в год сладкого картофеля.

Как указывалось выше, Рюкю должно было посылать в Эдо дипломатические миссии по случаю назначения нового сёгуна и вступления на престол нового короля. В первой половине XVIII в. у власти в Японии находился сёгун Токугава Ёсимунэ, который проявлял живейший интерес к истории и научным достижениям Запада. Он смягчил запрет на западные книги и китайские работы о западной науке. Некоторые из трудов попадали в Эдо из Пекина через факторию в Наха. Кроме того, члены *Рангакуся* (Школы голландских наук) перевели наиболее известные работы западных ученых по медицине, оптике, механике на японский язык. В клане Сацума были хорошо знакомы

с этими трудами. Таким опосредованным образом западные научные знания попали и на Рюкю. В 1739 г. Сай Он приказал окинавскому ученому Кохацу Рико построить обсерваторию и на основе наблюдений скорректировать методы определения времени[71]. Окинавцы изучали медицину в Кагосима (столица клана Сацума), шесть докторов были определены на службу в Сюри, другие посланы на Мияко и Яэяму.

Сай Он оставался заметной фигурой в политической жизни Рюкю вплоть до своей смерти в 1761 г. Правительство пыталось продолжать его политику, но такого подъема, каким была отмечена первая половина XVIII в., Окинава никогда больше не знала. Этот период вошел в историю Рюкю как второй Золотой век.

В конце XVIII в. на острова Рюкю обрушилась серия беспрецедентных природных катаклизмов (цунами, тайфуны). Продуктивность сельского хозяйства резко снизилась. Сацумские князья увеличили налоги, поскольку сами переживали финансовый кризис. Появилась еще одна тревожная проблема: к берегам Рюкю все чаще стали приставать корабли западных держав, которые проявляли острый интерес к «открытию» Японии как потенциального рынка для своих товаров и стратегического партнера на Тихом океане. Острова Рюкю рассматривались в качестве «ключа» к воротам Японии, которая, в свою очередь, стремилась не допустить проникновения на территорию страны западных держав. При этом Королевство Рюкю, с точки зрения японского правительства, представляло первую линию обороны.

В декабре 1852 г. американский коммодор Перри подробно обосновал необходимость создания колонии США в Тихом океане и предложил для этой цели острова Рюкю и Иводзима. Правительство США одобрило проект и уже в мае 1853 г. аме-

[71] Ibid. P. 205.

риканская эскадра бросила якоря в гавани Наха[72]. В следующем году между США и Рюкю был заключен договор. Аналогичные договоры были подписаны с Францией (1855) и Нидерландами (1859). Прямая оккупация Королевства западными державами становилась неизбежной. Совершенно очевидным стало и то, что в сложившихся геополитических условиях status quo Королевства Рюкю не может быть сохранен. Ситуация разрешилась в 1879 г., когда Япония, вставшая на путь модернизации после реставрации Мэйдзи, аннексировала Королевство, и в составе Японского государства появилась сорок седьмая префектура – Окинава.

[72] *Анисимов А.Л.* Дальневосточная политика США в 30–60 гг. XIX в. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2002. С. 188–189.

Глава 2 РЮКЮ В СОСТАВЕ ЯПОНСКОГО ГОСУДАРСТВА

§1. Особенности этнических процессов на Окинаве в 1879–1945 гг.

Вторая половина XIX в. вошла в историю Японии как эпоха Мэйдзи (1867–1912). Это одна из самых переломных и исторически значимых эпох в истории японского государства. Событиям Мэйдзи-исин и последующим преобразованиям посвящены сотни книг, авторы которых по-разному оценивают причины и сущность политических процессов, оказавших решающее воздействие на ход японской истории XIX–XX вв. Однако все без исключения исследователи сходятся в одном: Мэйдзи исин – это «...основа основ современной Японии»[1].

Эпоха Мэйдзи началась с событий, носящих название «Реставрация Мэйдзи» (1867–1868), в ходе которых рухнул сёгунат Токугава и власть в стране вернулась в руки монарха. 6 апреля 1868 г. в императорском дворце в Киото было созвано собрание придворной аристократии и феодальных князей – даймё, в присутствии которых малолетний император Муцухито (Мэйдзи по девизу годов правления) огласил подготовленный для него текст – обещание модернизировать страну, созвать широкое собрание, с которым ему надлежит согласовывать государственную деятельность, наделить все сословия более широкими правами, упразднить все «плохие обычаи прошлого». Это была первая декларация новой власти об основных принципах ее политики.

[1] *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии. М.: Вост. лит. РАН, 1999. С. 4.

В июне 1868 г. обнародован декрет о государственном устройстве. В июле создан Высший государственный совет, облеченный законодательной, исполнительной и судебной властью. Формировался он в основном из представителей феодальной знати. Далее последовали переговоры с князьями провинций об отказе от наследственных прав на княжества. Сначала им предложили посты наследственных губернаторов в их бывших владениях, а затем оказалось ликвидировано и само понятие наследственности. Вместо отозванных в столицу даймё губернаторами стали государственные чиновники. Вместо княжеств были учреждены префектуры, в состав которых входили провинции, уезды, управлявшиеся провинциальными и уездными управлениями.

Ликвидации княжеств сопутствовала новая реорганизация центрального правительства. Государственный совет был разделен на три палаты – центральную (обладавшую наибольшими законодательными полномочиями), правую и левую. Левая палата, ставшая исключительно консультативным органом, формировалась по назначению императора. Административные функции были сосредоточены в правой палате, ей подчинялись департаменты, во главе которых отныне стояли не только придворная знать, но и низшее самурайство.

В 1870–1873 гг. правительство провело ряд мероприятий для стимулирования экономики страны – устранило таможенные барьеры между префектурами, начало поощрять внедрение в производство достижений западной науки и техники. Открывались банки, биржи и торгово-промышленные палаты. Начальное образование стало обязательным. Упразднялась прежняя сословная система – высшее дворянство (бывшие князья и придворная знать), дворянство (самураи) и простой народ (все остальное население). Простому люду разрешалось иметь собственные фамилии. Снимались ограничения на выбор профессии, даровалось право свободного передвижения по стране.

В 1872–1873 гг. в стране была проведена аграрная реформа, которая закрепила землю за фактическим владельцем на

справедливость утверждения, что «государства создают нации, а не наоборот»[5].

Осознавая политическую и экономическую уязвимость Рюкю, а следовательно, и своих южных границ, правительство Мэйдзи приступило к операции присоединения островов, которая получила название *Рюкю сёбун* (меры в отношении Рюкю). В 1872 г. оно объявило Рюкю самостоятельным феодальным японским кланом (*Рюкюхан*) во главе с последним рюкюским королем Сё Тай (годы правления 1848–1879), которому император присвоил княжеский титул. Тем самым японское правительство объявило всему миру и прежде всего Китаю, что Рюкю являются не более чем японской провинцией, жители которой находятся под защитой Японии. Легитимность такого контроля над островами японские власти попытались доказать в ходе так называемой Тайваньской экспедиции в 1874 г., когда на остров высадились императорские войска с целью наказать тайванцев за их жестокое отношение к потерпевшим кораблекрушение рюкюским рыбакам. Одновременно токийские власти пытались внушить правительству Сюри, что в новой ситуации необходимо осознать неизбежность прекращения вассальных отношений с Китаем и целесообразность присоединения к Японии.

В самом Королевстве образовались две партии: *ганко-то*, выступающая за сохранение старых традиций и двойного вассалитета, и *кайка-то* (партия просвещения), осознававшая необходимость модернизации и сотрудничества с японскими властями. Число сторонников второй партии было немногочисленным. Основная часть правительства Сюри была настроена прокитайски. В Китай посылались просьбы о помощи. Правительство Мэйдзи, понимая, что осуществить Рюкю сёбун путем переговоров будет делом нелегким, решило действовать силой. В марте 1879 г. представитель японского правительства Мацуда

[5] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 124.

Митиюки прибыл в Сюри и огласил решение об учреждении префектуры Окинава. Король был арестован и отправлен в Токио. История Королевства Рюкю закончилась.

Определенный интерес по поводу данных событий представляет мнение представителей китайской правящей элиты. Например, руководитель аньхуйской группировки, активный сторонник политики «самоусиления» Китая Ли Хунчжан был противником конфронтации с Японией из-за островов Рюкю. В ходе разногласий, возникших по этому вопросу между двумя ведущими группировками Китая (хунаньской и аньхуйской), Ли выступал как последователь Цзэн Гофаня, который проводил линию на временный отказ от территорий, расположенных за пределами собственно Китая. «От того, что острова Рюкю являются данником Китая, – подчеркивал Ли Хунчжан, – мы не имеем особых выгод. Если собирать дань со всех удельных княжеств только ради поддержания своего престижа, то это потребует уйму времени, а практически – ничего не даст»[6].

Тем не менее официальное присоединение Рюкю к Японии в качестве отдельной префектуры, объявленное в 1879 г., больно ударило по престижу Китая, вызвав недовольство столичных шэньши. Это был первый случай фактической утраты Китаем своих «вассальных» прав в сопредельных с ним районах (захват Францией Аннама и Англией – Бирмы произошел позднее, в 80-х гг.). Концепция китайского «сюзеренитета» основывалась, прежде всего, на отнесении Кореи, Аннама, Бирмы и островов Рюкю к сфере влияния Китая. Потеря Рюкю была весьма чувствительным ударом по этим представлениям.

На островах Рюкю возникло движение сопротивления против присоединения к Японии, которое становилось все сильнее. В него входили все слои населения, включая крестьян, которые заключали с бывшими правителями соглашения, «скрепленные кровью», обещая не допустить сотрудничества с

[6] *Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В.* Китай–Япония: любовь или ненависть? М.: ИВ РАН – Крафт+, 2001. С. 64.

правах частной собственности с разрешением раздела и продажи земли. Феодальная собственность князей на землю аннулировалась. Общинные земли были объявлены собственностью императора. Изменилось налогообложение: натуральный налог с крестьян, зависевший от размера урожая, заменялся денежным, исчисляемым с учетом стоимости земли.

Одной из важнейших реформ эпохи Мэйдзи стала реорганизация армии и флота по европейскому образцу. В 1872 г. введена всеобщая воинская повинность. Жалованье самураям (рисовая стипендия) заменялось частично на денежную компенсацию, частично – специальными 8%-ми обязательствами. В армии вводилась форменная одежда западного образца. Запрещалось ношение самураями двух мечей.

В 1878 г. был издан закон о созыве префектуральных собраний. Проведена реорганизация системы судопроизводства, приняты новый Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс. В 1885 г. создан Кабинет министров по европейскому образцу. И, наконец, в 1889 г. под давлением либерального движения «За свободу и народные права», возникновение которого также может считаться важнейшей составной частью процесса модернизации, была принята Конституция Мэйдзи. В следующем году созван парламент. Япония все дальше уходила от своего феодального прошлого. «Новое японское государство повернулось спиной к Азии и стремительно перестраивалось по европейским образцам»[2].

Одной из главных причин начавшихся в период Мэйдзи преобразований считается стремление японской политической элиты не допустить превращения государства в колонию западных держав. Чтобы достичь этой цели, перед Японией встала задача не только добиться технологического паритета

[2] *Кураёси Такара.* Окинава как фактор многообразия Японии – историко-культурные аспекты : [Электронный ресурс]. М., 2000. URL : http://www.japantoday.ru/japworld

с передовыми державами, но и обеспечить безопасность своих границ, преимущественно путем их расширения. Первым шагом на пути экспансионистской политики страны стала аннексия в 1879 г. Королевства Рюкю. В самой Японии этот шаг никогда не рассматривался как аннексия. Говорилось и говорится о том, что на островах в результате революции Мэйдзи возникло современное государство, которое проводило меры по установлению государственных границ. Историк Танака Акира, специалист по периоду Нового времени, в своей книге «Реставрация Мэйдзи» отмечает: «В период Мэйдзи было произведено окончательное объединение Японии как современного государства от Хоккайдо до Рюкю»[3]. Токийское правительство осуществило присоединение островов Рюкю, исходя из представлений, что рюкюсцы в этническом, историческом и культурном плане являются частью единой, гомогенной японской нации. Правомерно будет утверждать, что именно в эпоху Мэйдзи начался не только процесс создания современного Японского государства, но и строительство японской нации, складывание японской национальной идеи. Не случайно японский национализм родился именно в период глобальной модернизации и индустриализации страны, поскольку национализм органически связан с индустриальным веком. Только мобилизация всего общества вокруг единой организующей идеи могла помочь стране «...вырваться из отсталой Азии и войти в передовую Европу». Эрнст Геллнер определил национализм как «...принцип, требующий, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а так же, чтобы управляемые и управляющие в данной политической единице принадлежали одному этносу»[4]. Таким образом, пример Японии доказывает

[3] Цит. по: *Габэ Масао.* Нихон но нака но Окинава – Окинава но нака но Нихон = Япония на Окинаве – Окинава в Японии // Рюкю ретто. Сякай бунка тэки нэттоваку но кэнкю = Архипелаг Рюкю: Общественно-культурное сетевое исследование. Токио : Хосэй дайгаку Окинава бунка кэнкюдзё, 2003. С. 7.

[4] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 18.

новыми властями. В китайской провинции Фудзянь, где более четырехсот лет существовала рюкюская торговая фактория, собралось множество политических иммигрантов из Окинавы, которые просили правительство Цин о помощи. Ситуация накалялась и нуждалась в разрешении.

Посланник Цин в Токио потребовал от правительства Мэйдзи восстановить прежние отношения Рюкю с Китаем. В это время в Китае с визитом находился бывший президент США Грант. Китай и Япония обратились к нему с просьбой о посредничестве. Грант предложил разрешить конфликт путем разделения островов. Японская сторона на переговорах, начавшихся в 1880 г., предложила уступить Китаю южные острова Мияко и Яэяма. Китай, осознав, что таким образом восстановить королевство невозможно, предложил разделить острова на три части: северная должна была отойти к Японии, центральная с островом Окинава – остаться во владении рюкюского короля, южная – отойти Китаю. Соглашение не было достигнуто. Китай оказался не способным противостоять Японии, которая отлично разобралась в западных правилах международных отношений и руководствовалась ими в своих действиях в Азии. Ситуация разрешилась после японо-китайской войны (1894–1895), из которой Япония вышла победительницей. В итоге все острова Рюкю безоговорочно стали территорией Японии.

Японо-китайская война явилась своеобразным водоразделом и в процессе японизации Окинавы. Период с момента объявления Королевства Рюкю японской префектурой в 1879 г. и до окончания войны в 1895 г. носит название *Кюкан ондзон дзидай* (время, когда сохранялись старые обычаи). Центральное правительство, считая Окинаву составной частью Японии, учитывало, что история рюкюсцев, их обычаи отличаются от собственно японских, поэтому в первое время воздерживалось от радикальных мер по японизации. Сказывались и внешнеполитические обстоятельства. Япония, выиграв дипломатическую схватку с Китаем в борьбе за острова Рюкю, не могла не считаться с недовольством Пекина и западных держав. То-

кийские власти правильно оценивали прокитайские настроения рюкюских лидеров, понимали, что помочь может только время, достаточное для того, чтобы выросло новое, лояльное японскому императору поколение. Существовали и сугубо экономические причины осторожного отношения японских властей к Рюкю. Аннексия экономически отсталого, практически лишенного природных ресурсов королевства не сулила большой выгоды. Японские предприниматели к этому времени ещё не исчерпали ресурсов внутреннего рынка быстро развивающейся Японии и не стремились к активному вложению денег в экономику Окинавы.

Тем не менее, несмотря на объявленный курс по «сохранению старых традиций», ряд реформ был проведен. Всю территорию префектуры разделили на девять районов. Сохранялись местные управле́ния (*бансё* и *магири*), но в качестве надзирающих органов появились новые административные учреждения. В центральном аппарате префектуры стали служить в основном выходцы из других префектур, прежде всего из Кагосима (территория бывшего княжества Сацума). Например, в управлении полиции из 100 человек только 21 были окинавцами[7]. Губернатор префектуры, как правило, назначался из Токио. С 1879 г. и до поражения Японии во Второй мировой войне на Окинаве не было ни одного губернатора–рюкюсца.

Сословная система королевства Рюкю была упразднена. Титулы маркизов оставлялись только королю и ближайшим членам его семьи. Лорды адзи и служивое дворянство сохраняли дворянское звание, остальное население относилось к простолюдинам. Служивое дворянство Рюкю делилось на тех, кто получал жалованье от государства, и на тех, кто его не имел. Правительство с 1880 по 1910 г. ежегодно выплачивало бывшим государственным деятелям денежную компенсацию. Низкоранговое дворянство было лишено государственных пенсий.

---

[7] *Purves John*. Managing a wild horse with a rotten rope: a contemporary history of Okinawa [Электронный ресурс] : 2001. URL : http://www.niraikanai.wwma.net

Правительство выплатило им несколько сот тысяч йен в качестве займа для устройства на работу. Некоторые переезжали в Наха и Сюри и начинали там торговое дело, устраивались служить районными чиновниками, полицейскими, учителями. Большинство из них переехали в деревню и занялись сельским хозяйством.

Реформы, проводимые в этот период, не затрагивали землевладения, налогообложения и местного управления. Власти Токио считали их преждевременными. В то же время многие окинавские обычаи объявлялись «варварскими». В список «нецивилизованных» попали мужские прически *магэ*, женские татуировки, традиционный похоронный обряд *сэнкоцу*. С 1888 г. чиновники, учителя и ученики в школах должны были носить коротко стриженые волосы. Это решение вызвало массовые протесты, мужчины отказывались стричь волосы. Многие мальчики под давлением родителей бросали школу. Сопротивление продолжалось до японо-китайской войны, после которой короткая стрижка стала распространяться повсеместно, и к началу XX в. мужской узел практически исчез.

Велико было сопротивление запрету татуировки. Татуировка тыльной стороны руки у окинавских женщин считалась знаком вхождения во взрослую жизнь. Татуировщиков и женщин, делавших татуировку, подвергали аресту. Постепенно старинный народный обычай исчез из жизни окинавского общества. Отечественный естествоиспытатель П.Ю. Шмидт, побывавший на островах Окинавы в начале прошлого века, писал: «Обычай татуировки – уже вымирающий, вернее, даже вымерший обычай. Молодое поколение под влиянием японцев отвергло этот способ украшения своей особы, и татуировку можно видеть только на руках у женщин не моложе 40– 50 лет»[8].

Абсолютно «варварским» в глазах японцев выглядел традиционный окинавский способ захоронения умерших, при котором окончательному погребению подлежали отмытые от

[8] *Шмидт П.Ю.* На островах Лиу-Киу. Л. : П.П.Сойкин, 1929. С. 31.

остатков плоти кости, поэтому широкую поддержку получило введение кремации. Однако обычай сэнкоцу сохранялся еще во второй половине XX в.

Особенностью хозяйственного комплекса рюкюской усадьбы было совмещение отхожего места и свиного хлева. Японские власти приложили немало усилий для искоренения данного обычая.

Одним из самых действенных инструментов по созданию этнически гомогенного государства в Японии стало повсеместное использование «стандартного» японского языка (*хёдзюнго*). Первый губернатор Окинавы Набэсима Ноёси считал первоочередной задачей правительства префектуры «...привести местные язык и обычаи в соответствие с существующими на основной территории, для их изменения другого способа, кроме как образования и воспитания, нет»[9]. Поэтому уже в первые годы после аннексии центральное и префектуральное правительства всячески содействовали распространению школьного обучения на Окинаве. В 1880 г. в Нахе было открыто педагогическое училище для подготовки преподавателей. Существовавшее в Сюри высшее учебное заведение, в котором учились преимущественно дети аристократии, превратили в префектуральную школу второй ступени, школы для простолюдинов – в начальные школы. Право на образование получили все слои населения. Главным содержанием образования было изучение японского языка и воспитание верности японскому императору. Портреты императора и императрицы появились в окинавских школах в 1887 г., раньше, чем в любой другой префектуре. Упор на изучение японского языка, идеологическая обработка, высокомерное отношение учителей–японцев вызывали справедливое негодование местных жителей.

Победа Японии в японо-китайской войне положила начало новому этапу ассимиляции. Война убедила многих окинавцев

[9] *Арасиро Тосиаки.* Рюкю – Окинава-си =История Рюкю, Окинавы. Наха: Бун кикаку инсацу, 2002. С.162.

в необходимости модернизации страны. Ее успешное осуществление они связывали со страной–победительницей. Первым признаком перелома в общественном сознании окинавцев стало резкое падение влияния прокитайской партии в среде элиты. Среди населения также наблюдались попытки идентифицировать себя с японцами. Например, мальчики уже охотно стригли волосы, отказываясь от традиционного узла, женщины прибавляли к своим именам суффикс *ко*, а мужчины заимствовали чтение своих имен по *кун* (японское чтение имени, в отличие от китайского по *он*). Например, фамилия Накандакари стала читаться как Накамура, Агэна – как Ясуда; название Уфугусуку (большой замок) отныне звучало по-японски – Оосиро.

Идеи ассимиляции широко пропагандировались в прессе. В 1893 г. на Окинаве начала издаваться газета «Рюкю симбун», ставшая рупором ускорения ассимиляции. Газета призывала к искоренению окинавских обычаев, поскольку они являются «варварскими» и благодаря их существованию Окинава так сильно отличается от остальных префектур. В одной из статей отмечалось, что необходимо, не рассуждая, во всем стремиться к единообразию с остальными префектурами. «Мы даже чихать должны как жители остальных префектур»[10].

Выдвигая на первый план необходимость ассимиляции, редакторы «Рюкю симпо» стремились таким образом вернуть рычаги управления префектурой в руки местных политиков. Например, предлагалось сделать должность губернатора наследственной в рамках семьи Сё, а также перехватить экономическую инициативу у фирм Кагосима[11].

Центральное правительство, в свою очередь, приступило к более радикальным преобразованиям. Была проведена еще одна административная реформа, на этот раз органов местного самоуправления. Всю территорию префектуры поделили на пять административных округов *гун* и два столичных округа

[10] Цит. по: *Арасиро Тосиаки*. Рюкю – Окинава-си. С. 199.
[11] Там же. С. 199.

кун – Наха и Сюри. Упрощалось существовавшее ранее управление районами. Административную систему *магири-сима* (район–община) заменили на общеяпонскую *тё-сон* (город–село). Губернатор назначал начальников административных округов и районов. В районах было разрешено созывать представительные собрания, которые получили право утверждать местный бюджет, однако право вето им не предоставлялось. В 1909 г. впервые созвано общепрефектуральное собрание, представители которого выбирались местными окружными, районными, городскими и сельскими советами. В 1912 г. первые два представителя префектуры Окинава были посланы в Нижнюю палату парламента в Токио. Равное с другими префектурами представительство в парламенте жители Окинавы получили в 1920 г.

К 1895 г. стало ясно, что прогресса в модернизации Окинавы нельзя достичь без проведения широкомасштабной земельной реформы, которая началась в 1899 г. с принятия «Закона о земельном регулировании» и была завершена к 1903 г. До реформы три четверти пахотных земель находилось в общинном владении крестьян. Участки перераспределялись между членами общины через определенный промежуток времени, семья не имела права обрабатывать один и тот же участок земли более 10 лет. Налоги выплачивались, как правило, натурой. Четверть пахотных земель составляли владения королевского двора, поместья дворянства, а также участки, выделяемые в пожизненное пользование деревенским жрицам *норо*.

В соответствии с «Законом о земельном регулировании» владельцы наследственных земель получали подтверждение своих прав на землю; участки, выделяемые для содержания норо, передавались в качестве частной собственности семье жрицы, главным образом ее главе по мужской линии. Что касается общинных земель, то участки, которыми владели семьи в результате последнего перераспределения, оставались в их частной собственности и регистрировались на имя главы семьи.

С этого надела они должны были платить индивидуальный налог уже в монетарном выражении. Введение частной собственности на землю имело, безусловно, положительное значение. Возможность владеть одним и тем же участком земли, передавать его по наследству и продавать, брать под залог деньги заставляла фермера ответственно относиться к земле, заботиться о повышении ее продуктивности. С другой стороны, коммерциализация сельского хозяйства вынуждала многих фермеров отказываться от выращивания традиционных культур и заниматься производством сахарного тростника, который пользовался большим спросом на японских товарных биржах. При этом основную долю доходов с продажи получали японские перекупщики, окинавским фермерам было запрещено самим продавать тростник. Японские компании Мицуи и Мицубиси стали самыми крупными акционерами в окинавской «сахарной» индустрии XX в.

С отменой общинного землепользования, системы круговой поруки, введением элементов капиталистического хозяйства в деревне начало постепенно изменяться и мировоззрение, традиции окинавской деревни. Земельная реформа по своим политическим, экономическим и социальным последствиям оценивается как поворотный пункт в истории Окинавы[12].

Большое внимание японские власти уделяли распространению школьного образования на Окинаве. В 1901 г. была введена система обязательного четырехлетнего обучения, с 1907 г. оно стало шестилетним. Правительство префектуры следило за тем, чтобы все дети школьного возраста посещали занятия. Число начальных школ неуклонно росло. К 1927 г. начальную школу посещали до 99% детей школьного возраста[13]. Постепенно увеличивалось число средних школ, были открыты жен-

[12] *Kerr George H.* Okinawa. The history of an island people. Boston : Tuttle publishing, 2000. P. 424.

[13] *Арасиро Тосиаки*. Рюкю – Окинава-си. С. 163.

ские школы высшей ступени, профессиональные ремесленные и технические училища. В 1885 г. организованы медицинские учебные курсы для подготовки врачей. Однако университет на Окинаве был открыт только после Второй мировой войны американскими оккупационными властями.

Приоритет в системе образования по-прежнему отдавался изучению японского языка. Разговаривать в школе на родном диалекте запрещалось. Провинившимся вешали на грудь специальные таблички *хогэн фуда* («хогэн» – «диалект», «фуда» – «ярлык»). Ношение их считалось позором. Изучению других предметов не уделялось должного внимания, что вызывало протест. Известно, например, что в средней школе Сюри директор-японец запретил изучение английского языка в связи с тем, что не все владеют в должной мере разговорным японским. Это решение привело к массовой забастовке учащихся, в которой принимал участие и будущий «отец изучения Окинавы» Иха Фую.

Много внимания уделялось воспитанию лояльности и преданности японскому императору и империи. Один из японских деятелей образования Тэраути Исао сформулировал цели воспитательной работы предельно ясно: «Суть морального воспитания подданных состоит в том, чтобы внушить им чувство ответственности за судьбу империи. Совершенно ясно, что в этом смысле начальное обучение есть не что иное, как важнейшая в политическом смысле отправная точка... Государственное образование – это укрепление мощи нашей империи, это идейное воспитание народа»[14].

Этой же цели служили различные молодежные союзы, ассоциации и движения. Теоретически создание их было добровольным, фактически же они формировались официальными государственными органами, поскольку через подобные союзы

[14] Цит. по: *Прасол А.Ф.* Японское образование в эпоху Мэйдзи 1868–1912. Владивосток : Дальнаука, 2002. С.198.

на японском языке, не умели читать и писать (в 1901 г. на Окинаве 72% взрослого населения были неграмотными), их считали «нецивилизованными». По этой причине многие уклонялись от воинской службы: не являлись на медицинское освидетельствование, наносили себе телесные повреждения, эмигрировали. За отказ от военной службы с 1898 по 1915 г. подверглись различным наказаниям 774 чел.[19]

Эмиграцию провоцировала также безработица, возникшая в стране в связи с ростом населения. Первые эмигранты (26 чел.) выехали на Гавайи в январе 1899 г. В 1906 г. число эмигрировавших на Гавайские острова достигло 4467 чел. (17,3% от общего количества эмигрантов из Японии)[20]. Выбор в пользу Гавайских островов был продиктован тем, что здесь окинавцы могли заниматься привычным видом деятельности – выращиванием и переработкой сахарного тростника. Окинавцы уезжали также в Мексику, Бразилию, Перу, Аргентину, где старались не терять связь с родиной, создавали диаспоральные объединения, оказывали материальную помощь оставшимся на Окинаве родственникам.

Правительство Мэйдзи поощряло переселение окинавцев на другие Японские острова и в свои колонии, например, на Тайвань. В качестве стимула переселенцам выделялись земельные участки и денежная компенсация. Однако план по переселению на плантации Яэяма потерпел неудачу, поскольку эти острова казались окинавцам такой же «глухой» провинцией, какой в представлениях японцев была Окинава. Большую популярность имела миграция в районы, где быстрыми темпами шла индустриализация – Осака, Токио, Синагава.

Массовый приток переселенцев с Окинавы в эти районы наблюдался в годы так называемого «пальмового ада» – *сотэцу*

[19] *Арасира Тоиаки.* Рюкю – Окинава-си. С. 180.

[20] A brief history of Okinawan Issei Immigrants in Hawaii // Development and conservation in the Asia-Pacific region. Regional conference of East-West century «Think globally, act locally», November 5–6, 1993, Naha. P. 36.

дзигоку (1923 – 1930). Практически лишенная природных ископаемых и развитой инфраструктуры Окинава в первые десятилетия XX в. была преимущественно аграрной префектурой. Большинство крестьянских хозяйств были мелкими, с наделами менее 5 тан (0,5 га). С ломкой общинного землевладения, переводом сельского хозяйства на капиталистические рельсы на скудных окинавских почвах рентабельным осталось лишь производство сахарного тростника.

После Первой мировой войны в Японии разразился экономический и финансовый кризис. Окинавская экономика, зависящая от поставок с «основной» территории главных продуктов питания, оказалась в глубокой депрессии, ситуацию усугубило сильное снижение цен на сахар. В сельских районах Окинавы начались массовые голодовки, единственным продуктом питания нередко были плоды саговой пальмы (отсюда название «пальмовый ад»). В этих условиях поток мигрантов с Окинавы значительно вырос.

Переселенцы (в большинстве своем молодые люди) оседали в основном в районе Осака – Кобэ. Работа на ткацких, сукноволоконных и текстильных фабриках не требовала особой квалификации. В 1920 г. здесь было зарегистрировано 1575 выходцев с Окинавы, в 1930 г. эта цифра увеличилась до 20356 чел., в 1940 г. – до 53678. Всего в 1940 г. на «основной территории» проживало около 90 тыс. окинавцев, или 15% всего населения префектуры[21].

Окинавцы остро ощущали свое отличие от японцев. Сложившиеся в японском обществе стереотипы об их «нечистоплотности», «лености» и «эмоциональности» воспринимались болезненно, доставляли им глубокие нравственные страдания[22]. Предубежденное отношение к себе испытывали даже

[21] *Rabson Steve.* Memories of Okinawa. Life and times in the Greater Osaka Diaspora. //Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 101.

[22] *Amemia Kozy K.* Being "japanese" in Brazil and Okinawa. [Электронный ресурс]: JPRI Occasional paper № 13, 1998. URL : http://www.jpri.org

можно было контролировать поведение каждого человека. Отказ от вступления в общественную организацию вызывал неодобрение со стороны полиции, лишал многих привилегий.

Как указывает японская исследовательница политики образования в японских колониях Охама Икуко, образование на Окинаве строилось на концепции культурно-исторической общности Японии и Окинавы[15]. Появление этой концепции связывают с именем Иха Фую. Японские власти охотно приняли на вооружение концепцию общности японских и рюкюских предков и поощряли изучение Окинавы в той степени, которая способствовала бы скорейшему процессу ассимиляции местного населения.

Теория общих предков японцев и рюкюсцев (*Нитирюдосорон*) использовалась для насаждения на территории Окинавы государственного Синто вместо института жриц *норо*. Центральной его идеей было провозглашение императора Японии божественным потомком, а поклонение императорскому дому и солнечной богине Аматэрасу должно было стать основным духовным элементом, объединяющим нацию. Школы, храмы, другие институты превратились в активных проводников правительственной идеологии. Стремясь вписать местные божества во всеяпонский пантеон богов, в 1924 г. на Окинаве был построен храм Нами-но-уэ, который стал центром религиозной жизни префектуры. Храм предназначался для поклонения четырем королям Рюкю династии Сё, главным образом Минамото Тамэтомо, считавшегося отцом первого рюкюского короля Сюнтэна. Тем самым подчеркивалось, что рюкюская королевская династия являлась лишь боковой ветвью японской императорской фамилии. Строительство синтоистких храмов велось на всех островах Рюкю, причем размещать их старались

[15] *Охама Икуко*. Колонизация Окинавы Японией в эпоху Мэйдзи и колониальный Тайвань // Материалы международной конференции «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур», 16—17 сент. 2003 г. Ю.-Сахалинск, 2003. С. 93.

таким образом, чтобы заслонить *утаки* – места, где проводились традиционные рюкюские ритуалы поклонения.

В рамках кампании по искоренению «варварских» обычаев японские власти объявили настоящую охоту на местных шаманок *юта*. Их обвиняли в «распространении беспочвенных слухов», «в подрыве общественной морали», «получении незаконных денег и товаров»[16]. Нередко они подвергались арестам и судебному преследованию. Подобным образом преследовались шаманы и в Японии, но на Окинаве «охота на юта» была гораздо масштабней и жестче. Причина такой бескомпромиссности состояла в том, что окинавский шаманизм категорически не вписывался в рамки официальной мифологии Японии. Ритуальная система и космология Окинавы, базирующаяся на традициях Королевства Рюкю, входила в противоречие с государственной религией Японии, призванной формировать духовное единство японской нации, ядром которого выступала императорская система[17].

Одной из центральных реформ эпохи Мэйдзи стало введение всеобщей воинской повинности (1873 г.). После японо-китайской войны ее распространили и на территорию Окинавы. Служба в армии рассматривалась как священная обязанность каждого окинавца, выполнение которой поможет ему стать полноправным подданным Японской империи. Многие молодые окинавцы охотно шли в армию, надеясь таким образом сделать карьеру. В частности, в войне с Россией (1904–1905) принимало участие 3864 окинавца, 205 из них были убиты, 149 чел. – ранены [18].

Следует отметить, что многие окинавцы, ставшие военнослужащими, в японской армии долгое время сталкивались с дискриминацией. Поскольку большинство из них плохо говорили

[16] *Ikegami Yoshimasa*. Local newspaper coverage of folk shamans in Aomori Prefecture // Folk beliefs in modern Japan. Tokyo : Kokugakuin University, 1994. P. 72.

[17] Ibid. P. 76.

[18] *Арасиро Тоиаки*. Рюкю – Окинава-си = История Рюкю, Окинавы. Наха : Боё: кикаку инсацу, 2002. С. 180.

дети. Оякава Такаёси приехал в Осака в 1925 г., когда ему было 9 лет. Он вспоминает свои первые недели в школе: «Некоторые из учеников смотрели на меня с насмешкой и называли «рюкюсец»... Я был потрясен и не понимал, что забавного в том, что я с Окинавы... Это было так обидно, что я не смог терпеть и перестал ходить в школу. Мои родители узнали о случившемся и не ругали меня»[23].

В 1920-х гг. у дверей контор по найму персонала или сдачи жилья в наем встречались таблички: «Корейцам и окинавцам не обращаться». Работодатели считали, что окинавцы склонны слишком часто менять место работы, владельцы жилья сетовали на то, что они живут с большим количеством родственников в квартирах, предназначенных для проживания нескольких человек. У окинавцев был более продолжительный рабочий день, более низкая заработная плата. Дискриминационное отношение выражалось и в том, что их расселяли и кормили отдельно от рабочих-японцев.

Многие выходцы с Окинавы открыто выражали свой протест. Аракаки Каэко, которая в 1927 г. работала на прядильной фабрике Фукусима в преф. Хёго, описывает такой случай: «Они удерживали 15 сэн за еду из нашей месячной зарплаты, но кормили только объедками. Рабочим «основной территории» давали теплый рис, а нам все время холодный. Наконец, мы не смогли больше этого терпеть. В следующий раз, когда нам принесли еду, мы бросили ее им в лицо, а подносы на пол. Это потрясло руководство компании, и нас начали кормить так же, как и рабочих «основной территории»[24].

Своеобразной реакцией окинавцев на несправедливое отношение стало «Движение за переустройство жизни», его инициатором выступил губернатор Окинавы Фути-

[23] Cit. in: *Rabson Steve*. Memories of Okinawa ... P. 114.
[24] Cit. in: Ibid. P. 115.

ми. Основная задача движения – окончательно искоренить местные обычаи и традиции, которые отличали жителей Окинавы от остальной Японии. Движение было поддержано и в самой префектуре, и среди окинавцев в Осаке, где к середине 30-х гг. уже сложилась определенная окинавская «элита». Искренне желая помочь землякам подняться со дна японского общества, ее представители призывали походить на японцев во всем: языке, одежде, обычаях. Только так, убеждали они, можно стать полноправными японцами, добиться финансового и социального преуспевания, а вместе с ним обеспечить и процветание родной префектуры[25]. Особое внимание уделялось искоренению родного языка. Именно язык был лакмусовой бумажкой, по которой проверялось – стал окинавец «настоящим японцем» или нет. Запрет на использование родного языка приобрел бескомпромиссные формы. Жители префектуры поддержали компанию по отказу от родного языка и других форм культурной отличительности.

Безусловно, японская колонизация оказалась трудным испытанием для жителей маленького островного государства, но ассимиляционные процессы никогда не проходят безболезненно. «За редким исключением, любое меньшинство уже в силу того, что оно меньшинство, неизбежно подвергается определенной дискриминации, сталкивается с пренебрежительным отношением к характерным для него языкам и культурным особенностям. Поэтому на протяжении всего того времени, пока однажды начавшийся процесс ассимиляции не завершится, его групповая психология отмечена так называемыми чертами «маргинальности», т.е. самоощущения на стыке двух культур. Одна из них, исконная, воспринимается как престижно низкая, другая, приобретаемая, оценивается престижно высоко,

[25] *Арасиро Тосиаки*. Рюкю – Окинава-си. С. 190–191.

но осознание неполной приобщенности к ней вызывает комплекс неполноценности»[26].

Такая оценка в полной мере применима и к Окинаве. Неприятие дискриминационной политики японских властей постепенно сменилось осознанием того, что Япония является проводником более высокой культуры, позволившей ей встать в один ряд с передовыми западными державами, и уже в силу этого заслуживающей подражания. Сыграла свою роль и достаточно мудрая политика японских властей, всячески подчеркивающих, что Окинава – не колония, а «родная» префектура, жители которой в расовом, лингвистическом, культурном аспектах родственны японцам, просто когда-то их исторические пути временно разошлись. В результате Япония сумела вырваться вперед, а Окинава отстала в своем движении к прогрессу. Для устранения этой исторической несправедливости окинавцам предлагалось полноправное участие в японской культуре[27].

Пример Окинавы может послужить наглядным свидетельством справедливости мнения, высказанного известной отечественной исследовательницей эпохи Мэйдзи Е.В. Верисоцкой: «Японская культура объединяла нацию, так как сумела реализовать в себе принцип преемственности и в историческом времени, и в социальном пространстве»[28].

В условиях, сложившихся после присоединения Окинавы к Японии, отказ от собственной идентичности приобрел для рюкюсцев и важное политическое значение. Он стал для них единственной возможностью получить право самостоятельно управлять своей территорией, обрести экономическую незави-симость.

[26] *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Нау-ка, 1989. С. 95–96.

[27] *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Hono-lulu: Hawaii press, 1966. P. 19.

[28] *Верисоцкая Е.В.* Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 20

§ 2. Американская политика «деассимиляции» и «Движение за возвращение» на Окинаве (1945–1972)

Окинава – единственная из сорока семи японских префектур, на территории которой велись непосредственные боевые действия во время Второй мировой войны. Весной–летом 1945 г. она была превращена в оборонительный плацдарм для японской армии. В результате поражения Японии в Тихоокеанской войне Окинава была отделена от остальной части страны и в течение 27 лет находилась под управлением США. За время американской оккупации стали очевидны две проблемы: конфликт интересов американской администрации и населения островов, а также сложность национальной самоидентификации для окинавцев, которые по окончании войны оказались фактически без государства.

Согласно Потсдамской декларации 1945 г., где оговаривались условия безоговорочной капитуляции Японии, суверенитет ее должен был ограничиваться островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми малыми островами, которые обозначат страны-союзницы – победительницы в Тихоокеанской войне. Острова Рюкю подпадали под определение малых островов, принадлежность которых и должны были определять союзники. С момента превращения Королевства Рюкю в японскую префектуру прошло более полувека. В результате ассимиляционной политики Японии жители островов начали идентифицировать себя как японцы. Теперь они оказались под управлением нации, совершенно чуждой местной культуре и традициям. Стремление разрешить указанные проблемы породило движение за вывод Окинавы из-под американской юрисдикции и возвращение ее в состав Японского государства.

Особенность борьбы против американской оккупации проявилась в том, что большинство политико-социальных объединений Окинавы – политические партии, профсоюзы, ассоциации учителей, молодежные и женские союзы, преследуя

собственные цели (борьба за демократические свободы, увеличение количества школ на территории префектуры, повышение оплаты труда и др.), объединились в коалицию, которая получила название Окинавский префектуральный совет по воссоединению с Родиной.

Цементирующей идеей коалиции стал национализм как «...представление об идентичности, которое может коллективно ощущаться членами некоторого государства, нации, общества или территории»[29]. В этом смысле понятие «национализм» не имеет того негативного оттенка, который придается ему в русском языке, поскольку выступает как верность, преданность своей нации, как чувство национального самосознания, делающее упор на продвижение национальных интересов и культуры, а также как идеология, основанная на таком чувстве.

Эрнест Геллнер считает, что политический национализм «...есть требование совпадения политических и национальных границ. Националисты стремятся создать или сохранить нацию, основываясь на различных представлениях о политической легитимности. Такие представления могут идти от теории «культурной идентичности», либерального аргумента, согласно которому политическая легитимность основывается на общественном согласии населения данной территории, или быть их комбинацией»[30]. Выдвигая в качестве основной идеи этническую интеграцию с Японией, сторонники «Движения за возвращение» требовали немедленной передачи Окинавы под юрисдикцию Японии, которая понималась как важная часть решения задачи по восстановлению разделенной нации, деколонизации Японии и обретению полной независимости от американской оккупации.

Военные действия на территории Окинавы начались 26 марта 1945 г. с высадки американского десанта на остров Керама, расположенный в 200 милях от столицы префектуры Наха. Са

[29] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 36.

[30] Там же. С. 39.

моубийство командующего японскими войсками на Окинаве генерала Цусида 22 июня 1945 г. знаменовало собой падение Окинавы. С этого момента на территории префектуры de facto началась американская оккупация. Война больно ударила по Окинаве: в списках жертв значится около 122228 окинавцев[31], т.е. более трети местного населения была убита или покончила жизнь самоубийством, множество поселений стерты с лица земли, уничтожены многие культурные ценности, в том числе королевский дворец Сюри. Большинство оставшихся в живых местных жителей оказалось в лагерях, некоторые находились в них более двух лет.

Для экономического возрождения Окинавы американское военное правительство в августе 1945 г. предложило организовать Окинавский консультативный совет. Предполагалось, что его учреждение поможет состояться диалогу между военным правительством и окинавским обществом. Из 128 наиболее видных окинавских общественных деятелей (служащих, бывших членов префектурального собрания, представителей средств массовой информации) было выбрано 15 человек, которые выступали как советники чиновников военного правительства. Возглавил Совет Сикия Косин – бывший директор школы. Совет стал первой центральной администрацией в послевоенной Окинаве. Японские военнопленные и большинство местного населения размещались в лагерях, которым был временно присвоен статус «городов». Всего таких «городов», окруженных колючей проволокой, на территории Окинавы насчитывалось двенадцать[32]. Членам Консультативного совета было поручено решать в «городах» вопросы управления, медицинской помощи, жилья, образования и безопасности.

[31] *Арасиро Тосиаки.* Рюкю – Окинава-си = История Рюкю, Окинавы. Наха [illegible] кикаку инсацу, 2002. С. 229.

[32] *Asato Eiko.* Okinawan identity and resistance to militarization and Maldevelopment // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 230.

В 1947 г., когда лагеря были ликвидированы и наметилась определенная стабилизация общества, началось создание политических партий. Первой была учреждена Окинавская демократическая лига. Основателем партии стал Нагасаки Генва, бывший член Окинавского консультативного совета и стойкий антикоммунист. Партия выступала за полную демократизацию экономики, культуры и образования, создание на островах Рюкю независимой республики, требовала формирования парламентской системы управления и публичных выборов губернатора. Достичь этих целей, по мнению сторонников партии, можно было только при активном сотрудничестве с американским военным правительством.

Главным идейным противником Лиги оказалась Окинавская народная партия, основанная в июле 1947 г. Она имела ярко выраженную прокоммунистическую направленность, выступала за сотрудничество с советским блоком. По вопросу политического статуса Окинавы члены партии придерживались мнения: «Расовое самоопределение – это принцип демократии. Рюкюсцы – японцы, следовательно, островитяне должны быть присоединены к Японии». Эти же принципы разделяла и Окинавская Социалистическая партия, основанная в сентябре 1947 г.

В октябре 1947 г. американское военное правительство официально разрешило существование политических партий с определенными ограничениями, касавшимися критики деятельности военного правительства.

В 1950 г. Соединенные Штаты попытались придать островам Рюкю форму федеративного устройства, обозначив каждый архипелаг (Амами, Окинава, Мияко и Яэяма) как территорию с собственным, публично избранным губернатором, законодательной и судебной системами. Надзор за местными правительствами должно было осуществлять военное правительство, переименованное в Гражданскую администрацию Соединенных Штатов на островах Рюкю (USCAR).

На выборах губернатора и членов законодательного собрания округа Окинава кандидаты и политические партии, а так-

же избиратели получили возможность выразить свои взгляды относительно статуса Окинавы в ближайшем будущем. Особенность этих выборов в том, что ни один из кандидатов не строил свою платформу на основе идеи возвращения островов Японии. По словам одного из кандидатов, «...в этот момент выступать с подобными идеями было табу»[33]. Однако избиратели могли выяснить мнения кандидатов, изучая их прошлую карьеру и программы политических партий.

На губернаторских выборах победил Президент Союза фермеров Тацуо Тайра. В октябре 1950 г. Тайра и его сторонники учредили Окинавскую всенародную социалистическую партию (ОВСП), главной платформой которой стала поддержка плана возвращения Рюкю Японии. Пятнадцать из двадцати членов избранного законодательного собрания заняли аналогичную позицию. ОВСП стала лидирующей силой в коалиции, выступающей за возвращение.

Необходимо отметить, что хотя Соединенные Штаты и понимали значение окинавских военных баз, но до начала 1950 г. конкретных шагов по юридическому закреплению своих позиций на архипелаге не предпринимали. К этому времени в Восточной Азии произошли коренные перемены. Победа коммунистического режима в Китае, начавшаяся война в Корее заставили Вашингтон заново оценить стратегический потенциал островов. Из «Сибирского аванпоста» Японии Окинава превращалась в «ключ к Тихому океану». Постоянная военная база на Окинаве становилась залогом успешной военной стратегии США в АТР.

Вопрос об Окинаве стал ключевым на переговорах о заключении мирного договора между США и Японией. Политические лидеры Японии понимали, что Окинавой придется пожертвовать, но постарались сохранить права на архипелаг.

[33] *Nakachi Kiyoshi.* Ryukyu – U.S. – Japan Relations 1945–1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Philippines, Quezon city: Abiva Publishing House, inc., 1989. P. 38.

Позицию Японии по данному вопросу выразил император Хирохито, который был отстранен от власти согласно новой Конституции 1946 г., но тем не менее продолжал активно вмешиваться в политику страны. Он выступил с политическим заявлением. Приветствуя в целом взгляды защитника монархии генерала Макартура, император подтвердил суверенные права Японии на Окинаву. В сентябре 1947 г. Хирохито изложил свою точку зрения на будущее островов политическому советнику командующего Объединенными силами Уильяму Дж. Сэболду: «В условиях продолжающейся конфронтации между СССР и США, – сказал он, – военная оккупация Окинавы и других островов архипелага Рюкю должна сохраняться в течение 99 лет»[34]. В то же время император считал, что оккупация будет более эффективной, если станет основываться на базе «юридической фикции долгосрочной аренды...с сохраненным за Японией суверенитетом»[35]. Другими словами, Япония постаралась сохранить свои права на Окинаву, предложив такую дипломатическую формулировку, как «остаточный суверенитет».

В период, когда США и Япония вели переговоры о заключении мирного договора, окинавская общественность также широко обсуждала будущий статус островов. Политические партии, выступая с разных позиций, старались выработать общую политику относительно будущего Окинавы, но не могли прийти к соглашению по основному вопросу, касающемуся возвращения островов Японии. Окинавская всенародная социалистическая партия и Окинавская народная партия в марте 1951 г. приняли резолюцию о возвращении Окинавы в состав Японии. Такую же резолюцию приняло и Законодательное собрание Окинавы пятнадцатью голосами против трех.

Сбор подписей в поддержку плана возвращения Рюкю в состав Японии организовала Федеральная молодежная ассо-

[34] Цит. по: *Бикс Герберт*. Хирохито и создание современной Японии. М. Изд-во АСТ, 2002. С.522.

[35] Там же.

циация Окинавы. Кампания проводилась с мая по август 1951 г. В ней приняли участие 199 тыс. чел., более 72% взрослого населения Окинавы высказались за возвращение. Результаты кампании в форме петиции были посланы главам японской и американской делегаций на конференции в Сан-Франциско. В петиции указывалось, что архипелаг Рюкю «...есть часть Японии в отношении расы, истории, экономики, культуры и географии»[36]. Соответствующие петиции направили ассоциация глав городов, деревень и поселков Окинавы, а также окинавцы, проживающие в Токио.

Мнение окинавцев было проигнорировано. При заключении Сан-Францисского мирного договора в сентябре 1951 г. США предложили концепцию «доверительного управления», признавая тем самым остаточный суверенитет Японии на острова Рюкю. 3-я Статья договора оставляла за американской администрацией «...право осуществлять всю административную, законодательную и судебную власть над жителями островов на всей территории, включая территориальные воды»[37]. Договор вошел в законную силу 28 апреля 1952 г. С этого времени 28 апреля было названо на Окинаве Днем унижения. Каждый год в этот день окинавцы устраивали митинги протеста, требуя отмены 3-й статьи Сан-Францисского договора и возврата Окинавы Японии.

Обретя по итогам Сан-Францисской конференции полную легитимность своих действий, Гражданская администрация США начала строительство на островах Рюкю новой административной системы. Полномочия Правительства островов Рюкю оказались сильно ограниченными. В 1957 г. для административного управления архипелагом был создан институт Верховного комиссариата, который просуществовал вплоть до

[36] *Nakachi Kiyoshi*. Ryukyu – U.S. – Japan Relations 1945–1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Philippines, Quezon city: Abiva Publishing House, in., 1989. P. 52.

[37] *Iaira Koji*. Troubled national identity // Japan minorities: the illusion of homogeneity London and New York : Routledge, 1997. P. 158.

передачи островов под юрисдикцию Японии в 1972 г. Отныне верховная власть на территории Рюкю переходила в руки Верховного комиссара, который назначался секретарем Совета безопасности США с одобрения Президента.

Верховный комиссар имел чрезвычайно широкие полномочия. Он должен был назначать главу Правительства островов Рюкю после консультации с представителями законодательного собрания. Консультация эта была весьма символической, главой назначался лояльный американской администрации человек. Только в 1968 г., когда начались переговоры о передаче Японии всех прав на Окинаву, местным жителям было разрешено выбирать кандидатуру на этот пост. Верховный комиссар имел право смещать любое официальное лицо, наложить вето на любой законопроект или часть его, на любой закон или часть его в течение 45 дней после его принятия.

Под контролем Верховного комиссара и USCAR находилась и судебная система Рюкю. Система судопроизводства на архипелаге состояла из судов низшей инстанции, окружных и апелляционных судов. Судьи первых двух судов назначались главой Правительства Рюкю, а пять судей апелляционного суда – Верховным комиссаром. В ведении судов находилась вся гражданская и уголовная юрисдикция.

USCAR имело собственные суды. В их юрисдикции находились гражданские и уголовные дела в отношении граждан США, не подлежащих военному суду, а также рюкюсцев, если это касалось интересов Соединенных Штатов. В особых случаях данные суды принимали апелляции от рюкюских судов. Верховный комиссар имел право передать любые дела в любой суд. Юрисдикция над любым делом или спором особой важности, касавшемся безопасности, собственности или интересов США, определялась Верховным комиссаром. Подобные дела, возбуждаемые в рюкюском суде, должны были быть переданы соответствующему суду USCAR по приказу Верховного комиссара на любой стадии судопроизводства, включая финальный апелляционный процесс, до вступле-

ния в силу окончательного постановления, приказа или приговора. Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании права экстерриториальности для американцев на территории островов Рюкю в период американского управления.

Верховный комиссар мог в целом или частично осуществлять всю полноту власти на архипелаге, если того требовали соображения безопасности. Другими словами, ему была дана почти абсолютная власть, и в реальности характер управления американскими властями на Окинаве во многом зависел от личностных характеристик Верховного комиссара.

Признание Окинавы зоной геостратегических интересов США предполагало известную поддержку со стороны населения. С этой целью на Рюкю с начала 50-х гг. стали проводиться активные меры по восстановлению экономики: транспортной инфраструктуры, морских портов, связи и электроснабжения. К этим работам широко привлекалось местное население. Вместе с тем на территории баз в отношении рабочих – окинавцев проводилась политика сегрегации. У них была самая низкая заработная плата (максимальная почасовая оплата труда американцев в 1956 г. составляла 6,52 дол., японцев – 1,03 дол., филиппинцев – 3,77 дол., окинавцев – 0,36 дол.[38]), им запрещалось пользоваться общественными туалетами и заходить в кофейни, не выплачивались премии и пенсии по старости, их могли уволить без всяких объяснений.

Для борьбы за свои права окинавские рабочие объединялись в профсоюзы, в июне 1961 г. была создана Окинавская ассоциация профсоюзов. Члены Ассоциации не только выступали за улучшение условий труда и повышение уровня заработной платы, но и являлись сторонниками Движения за возвращение. Особенно активную позицию профсоюзы занимали во время войны во Вьетнаме.

---

[38] *Yanji Miyume*. The second – wave "Okinawan struggle": towards reversion. [Электронный ресурс] : 2003. URL : http://www.lib.murdoch.edu.au

Строительство американских военных баз на территории Окинавы чрезвычайно обострило земельную проблему. После высадки на Окинаве в марте 1945 г. войска США заняли ряд участков земли для нужд оккупационной армии. Впоследствии некоторые из них были возвращены владельцам, но большая часть осталась в руках военных. С 1945 г. американцы пользовались землей на Окинаве бесплатно. После Сан-Францисской конференции у землевладельцев появилась надежда на компенсацию. USCAR согласилась выплатить арендную плату за период с 1 июля 1950 г. до 27 апреля 1952 г. с условием, что владельцы подпишут контракт, по которому они предоставят свою землю в аренду сроком на 20 лет с единовременной выплатой всей арендной платы. Фермеры выступили с резкой критикой подобного предложения. Тогда в апреле 1953 г. вышло распоряжение, согласно которому в случае отказа владельца сдать землю в аренду она изымалась в принудительном порядке. Многим фермерам пришлось подписать контракты.

Особое возмущение вызывала единовременная выплата арендной платы вместо ежегодных выплат, предпочтительных для землевладельцев. Военному Департаменту США было выгодно выплачивать единовременные суммы, поскольку таким образом можно было приобрести землю по низкой цене и избежать ежегодных переоценок ее стоимости. Для местных жителей подобные выплаты означали не только экономические потери. Земля для рюкюсцев всегда была наследием предков. Даже в случае эмиграции они старались сохранить землю за собой.

Для американской администрации обычаи местных жителей были несерьезным аргументом, ведь США обеспечивали им защиту от «коммунистической заразы». Американские военные с пренебрежением относились не только к культурным традициям окинавцев, сплошь и рядом нарушались их гражданские права. Солдаты и офицеры не оплачивали счета в барах и такси, обычным делом стали грабежи, изнасилования

убийства. Согласно праву экстерриториальности американцы не подлежали юридическому преследованию со стороны местных судов, а военные суды США практически всегда выносили оправдательный приговор.

Сложившаяся ситуация рассматривалась как одна из форм колониализма, когда метрополия управляет колонией через марионеточное правительство. В таких обстоятельствах подъем антиколониального движения за независимость является наиболее ожидаемым исходом. На Окинаве это движение вылилось в борьбу за воссоединение с Японией.

Американская администрация пыталась бороться с Движением за возвращение, взывая к этнической самоидентификации местных жителей, проводя так называемую кампанию по «деассимиляции» рюкюсцев. На помощь была призвана культурно-историческая аргументация, конечный смысл которой сводился к мобилизации этнического самосознания рюкюсцев. Еще в 1944 г. специальная группа антропологов Йельского университета, в которую входил и будущий директор по политическим делам в составе военного правительства на Окинаве Дж. Мердок, провела исследования, результатом которых стала книга «Civil affairs handbook Ryukyu (Loochoo) Island. A Japanese minority group" (Справочник по гражданским делам острова Рюкю (Лючю). Группа японского меньшинства).

Книгу раздали всему командному составу американской армии перед высадкой десанта. В ней содержалась информация о расовой характеристике и языке населения Рюкю, политических институтах. Примечательны содержавшиеся в ней комментарии, касавшиеся этнического статуса рюкюсцев: «Несмотря на тесную этническую связь между японцами и рюкюсцами и их лингвистическое родство, жители архипелага не рассматриваются японцами как равные в расовом отношении. В стране на них смотрят свысока как на «бедных родственников». С другой стороны, островитяне не имеют никакого чувства неполноценности, весьма гордятся своими собственными

традициями и культурными узами с Китаем, существовавшими долгое время»[39].

Другая информация – «Окинавцы островов Лючю, группа японского меньшинства» – была подготовлена филиалом Службы по стратегическим исследованиям и анализу в Гонолулу. В состав Службы входили профессора университетов и военные чиновники, которые прошли подготовку в Чикагском и Колумбийском университетах. В основу исследования было положено изучение окинавских эмигрантов на Гавайях в 1944 г. В нем содержался следующий вывод об окинавцах: «Они энергичны и амбициозны в стремлении лидировать в финансовом и социальном отношениях, охотно посвящают себя новым предпринимательским инициативам. В целом они занимают уважительную позицию в любом белом обществе, где они себя находят. Их лояльность к принявшей их стране (*Гаваям*), возможно, в целом выше, чем у японцев»[40].

Таким образом, и здесь рюкюсцы рассматривались как часть японского этноса, но с особым менталитетом и собственной культурой. Культурные особенности Рюкю американскими специалистами оценивались как фактор, способствующий их возможной изоляции от Японии. С другой стороны, по их мнению, это могло способствовать и лояльному отношению местного населения к оккупационному правительству. Еще в 1947 г. генерал Макартур в интервью журналистам заявил, что «население Японии не станет возражать против присутствия наших войск на Окинаве: жители Окинавы – не японцы»[41].

---

[39] Cit. in: *Nakachi Kiyoshi*. Ryukyu – U.S. – Japan Relations 1945–1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Philippines, Quezon city: Abiva Publishing House, inc.., 1989. P. 26–27.

[40] Ibid. P. 27.

[41] Цит. по: *Бикс Герберт*. Хирохито и создание современной Японии. М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. С. 521.

Для идеологической поддержки кампании по «деассимиляции» окинавцев стимулировались исследования о вторжении клана Сацума на территорию Рюкю в начале XVII в., дискриминационную политику японского правительства после образования префектуры Окинава. Поощрялось изучение родного языка и истории Королевства Рюкю в школах. Открывались библиотеки, выставки, музеи с культурными артефактами Королевства. Пентагон даже оплатил открытие радиостанции, передачи которой велись на рюкюском языке[42]. В мае 1950 г. USCAR открыло первое высшее учебное заведение на территории Окинавы – Университет Рюкю. Он создавался как модель американского университета, включал 44 факультета. В первые годы его существования все счета оплачивались американской администрацией, с середины 1953 г. основная финансовая поддержка университета велась уже правительством Рюкю.

В период оккупации американцы провели масштабные исследования Окинавы, которые сохраняют значение и в настоящее время. Среди них монография Дж. Керра «Окинава. История островного народа», вышедшая в свет в 1958 г.; «Окинавская религия: верования, ритуал и социальная структура» У. Лебра (1966); «Великий Лючю. Исследования жизни окинавской деревни» К. Глакена (1955); «Археология островов Рюкю» Ричарда Пирсона (1969); «Тайра: окинавская деревня» Т. и Х. Марецки (1966) и др.

Нельзя не признать положительные стороны американской кампании «деассимиляции» для развития этнической культуры рюкюсцев. В то же время следует иметь в виду ее политические цели: заручиться поддержкой местных жителей для дальнейшего расширения военного присутствия на Окинаве. Манипулирование этнической отличительностью окинавцев, однако, дало обратный эффект: все негативные стороны оккупации

---

[42] *Rabson Steve*. Assimilation policy in Okinawa: promotion, resistance, and "reconstruction". [Электронный ресурс] : JPRI Occasional paper № 8, 1996. URL : http://www.jpri.org

местное население стало связывать именно с политикой «деассимиляции», стремление подчеркнуть свое родство с Японией не только не ослабло, но даже усилилось.

28 апреля 1960 г. был основан Окинава-кен Сококу Фукки Кёгикай (Совет префектуры Окинава по содействию возвращения на родину предков). Инициатором создания Совета была Окинавская ассоциация учителей, в него вошли также Совет по делам молодежи, Объединенные профсоюзы, политические партии. Центральную роль в Совете играли учителя. Они всячески отстаивали право обучать местных школьников и студентов как граждан Японии, что входило в противоречие с культурной политикой Гражданской администрации. В качестве наивысшей лояльности Японии в учебных заведениях демонстративно вывешивался японский государственный флаг *хиномару* и исполнялся государственный гимн *кимигаё*. В начале 60-х гг. на Рюкю вновь началось усиленное изучение японского языка. В школах опять появились таблички для тех, кто продолжал разговаривать на местном диалекте. То, что подвергалось критике в период японской ассимиляции Окинавы, теперь использовалось как демонстрация единства с Японией.

Попытку отделить рюкюсцев от японцев участники Движения рассматривали как проявление расизма со стороны оккупационных властей. Не признавая окинавцев японцами, американская администрация, по их мнению, отказывала им в равных с японцами правах, ставила под сомнение их способность самостоятельно управлять собственной территорией. Настаивая на воссоединении с «землей предков», окинавцы требовали предоставления им тех прав, которыми обладают жители основной территории Японии: право на владение своей землей, право на личную безопасность, на возможность самостоятельно управлять собственной территорией.

По мнению профессора Кодзи Тайра, американцы допустили большую ошибку, пытаясь манипулировать этническими отличиями окинавцев. Возможно, что vis-a-vis с японцами окинавцы склонны выделять национальные культурные осо-

бенности, но то, как они строят свои отношения с японцами, ни в коей мере не должно касаться Соединенных Штатов[43].

В стремлении обрести свободу и демократические права окинавцы готовы были отказаться от собственной этнической и культурной идентичности. Это обстоятельство вызывало недовольство в среде критически мыслящей интеллигенции. Лидером таких настроений можно назвать журналиста газеты «Окинава таймс» Аракава Акира. Он указывал, что слабость окинавского Движения за возвращение в том, что оно отстаивает этнокультурную идентичность окинавцев как японцев. Лидеры этого движения, по его мнению, выступают исключительно с позиций японского национализма, не принимая во внимание уникальность культурного наследия Рюкю. Аракава, критикуя тактику позиционирования этнической идентификации с Ямато, не выступал против политической интеграции с Японией, видя в ней защитницу окинавских интересов. Выступая за культурную отличительность рюкюсцев, он надеялся с ее помощью обеспечить Окинаве особое положение в составе Японского государства, а также получить экономические преимущества. Несмотря на критику Движения за возвращение, Аракава тем не менее не стремился к организации каких-либо политических объединений, не выступал он и с идеями борьбы за независимость Окинавы. Он просто рекомендовал соотечественникам вырабатывать чувство самоидентификации как «окинавцев», на духовном уровне сохраняя критическую дистанцию от концепции «нация–государство»[44].

Противниками идеи возвращения в Японию выступали также определенные группы окинавских предпринимателей, исходивших из собственных экономических соображений. 1 сентября 1967 г. бизнесмены г. Кодза основали Совет против немедленного возвращения, лидером которого стал

---

[43] *Taira Koji.* Troubled national identity // Japan minorities: the illusion of homogeneity. London and New York: Routledge, 1997. P. 161.

[44] *Tanji Miyume.* The second – wave "Okinawan struggle": towards reversion [Электронный ресурс] : 2003. URL : http://www.lib.murdoch.edu.au

Профессор Лондонского университета Дж. Николсон отмечает: «В ходе «движения за возвращение» окинавцы учились «делать» демократию, работать, спорить и торговать с американцами (и японцами), приспосабливаться к новой японской демократии. Возможно, именно в ходе этого процесса Окинава также приобрела особого рода власть, чтобы использовать ее в своей новой роли не как колонии, но как часть представительной системы»[47].

§ 3. Современные проблемы Рюкю: этносоциальное развитие и идентичность

Япония сегодня – не только одна из самых развитых индустриальных стран мира, но и государство с высоким уровнем демократии западного образца. Характерный для второй половины XX в. взрыв этнонационализма, как ответная реакция на усиление глобализации, не мог не сказаться и на Японии. В настоящее время «быть японцем» уже не означает амальгамы этнической и национальной идентичности. Разумеется, миф о гомогенности японского общества еще господствует в общественном сознании, но все больше внимания уделяется и региональным культурам. В рамках современного подхода к пониманию новой Японии возникает вопрос: какова сегодня природа окинавской идентичности?

На формирование этнического самосознания рюкюсцев в современных условиях воздействуют несколько факторов: историческая память о существовании собственного независимого государства, дискриминационная политика ассимиляции после включения в состав Японии, трагедия битвы за Окинаву, опыт американской оккупации, взаимоотношения с Японией

[47] Cit. in: *Nakachi Kiyoshi* . Ryukyu – U.S. – Japan Relations 1945-1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Philippines, Quezon city : Abiva Publishing House, inc. 1989. P. 6.

после возвращения в 1972 г., отношение к американскому военному присутствию на острове. Как отмечает Линда Исако Ангст, «...политика идентичности – имплицитно один из видов сопротивления, в данном случае против Японского государства, могущественного мифа о японской культурной гомогенности и против военной власти Соединенных Штатов»[48].

Многие нарративы окинавской идентичности реализуются через историческое сознание. «Под историческим сознанием, в данном случае применительно к народу– этносу, понимаются сведения или представления, бытующие в среде людей, относящих себя к какому-либо конкретному сообществу– этносу, разделяемые и принятые значительной частью составляющих его индивидов–современников, или имеющие среди них относительно широкое распространение в виде устоявшихся мнений по вопросам происхождения, исторического пути и исторической судьбы народа, его современного состояния как определенного итога этого пути, его положения и места в мире, а также перспектива развития – продолжения его истории на будущее. Основой таких мнений и представлений обычно служит историческая память народа. Очевидно, что в структуре исторического сознания уже по той причине, что оно основывается на исторической памяти народа, равнозначными и равновеликими оказываются далеко не все события, явления и процессы, случившиеся в истории за период становления и конкретной жизнедеятельности этноса, а главным образом те из них, которые отпечатались в исторической памяти и в той или иной степени актуализированы в сознании людей, создавая устойчивые представления об исторической судьбе этноса, его состоянии в настоящем и его перспективах»[49].

[48] Cit. in: *Hein Laura, Selden Mark*. Culture, power and identity in contemporary Okinawa // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 2.

[49] *Карлов В.В.* Заметки на «мосту между прошлым и будущим», или историческое сознание этноса как феномен и объект изучения // ЭО. 2004. №2. С. 8.

председатель Коммерческой палаты города Суэёси Госин. В состав Совета входили 15 различных организаций и около 500 местных жителей, главным образом владельцев баров, ресторанов, гостиниц.

Город Кодза расположен рядом с крупнейшей американской авиабазой Кадена, поэтому благосостояние большинства жителей было связано с обслуживанием американских военных и их семей. Основным аргументом Совета служил довод об экономической невыгодности возвращения Окинавы в состав Японии, поскольку бизнес столкнется с новыми тарифами и налогами, а крупные японские кампании захватят окинавский рынок, вытеснив местных предпринимателей. Необходимо отметить, что сторонников идеи дальнейшего существования Окинавы под «доверительным управлением» США было немного, и сильного влияния они не имели.

При анализе причин возникновения «Движения за возвращение» возникает вопрос, почему жители Окинавы не выступали за полную независимость как от США, так и от Японии? Некоторые исследователи считают, что окинавцам на волне борьбы против американской оккупации следовало добиваться полного суверенитета Рюкю. «В ретроспективе многие полагают, что рюкюсцы упустили бесценный шанс для обретения независимости, шанс, который может никогда снова не выпасть, хотя исследования показали очень незначительную поддержку этой идеи в то время»[45]. Действительно, поддержка идеи рюкюской независимости в период борьбы против американской оккупации была весьма слабой, местные жители практически «единым фронтом» выступали в русле японского национализма, сознательно идентифицируя себя с японцами.

Называют несколько причин. Во-первых, упорство и последовательность японской ассимиляционной политики в

[45] *Applegate Ben*. Tyranny of the Mainland: the relationship between central and local governments in Okinawa prefecture [Электронный ресурс] : 2003. URL: http://tfarrm.sdfl.org/b/okinawa/htm

довоенное время. «Принимая во внимание испытания, через которые прошли окинавцы с конца XIX в., чтобы ассимилироваться с японцами, «естественная» привязанность к Японии не могла быть легко уничтожена американским военным правлением»[46]. Во-вторых, «японское чудо» 60-х годов: быстро набирающая темпы экономического развития Япония выглядела в глазах окинавцев исключительно привлекательно. На ее финансовую поддержку в восстановлении экономики возлагались большие надежды. Бедная в ресурсном отношении Окинава экономически всегда в той или иной мере зависела от более сильных стран. Наконец (и это, пожалуй, самое главное), окинавцы в своем неприятии американской оккупации искренне верили, что только вновь став неотъемлемой частью японской нации, они смогут избавиться от оккупационного диктата.

Хотя эту задачу решить полностью не удалось (на Окинаве по-прежнему располагаются американские военные базы), основная цель Движения за возвращение была все же достигнута. Окинава вновь становилась японской префектурой, на ее жителей распространялись все права, гарантированные японским гражданам Конституцией 1947 г. – одной из самых демократических конституций в мире. С момента передачи островов под юрисдикцию Японии в мае 1972 г. Окинава получает мощную экономическую поддержку со стороны государства. В целом деятельность окинавского Движения за возвращение многими исследователями оценивается весьма позитивно. Международные политологи считают, что передача Японии юрисдикции над Окинавой – это редкостный случай мирного возвращения территории, утраченной в результате военного поражения. И недооценивать заслуги Движения было бы несправедливо. Кроме того, Движение служит серьезным практическим уроком в политической истории Окинавы.

[46] *Tanji Miyume*. The second – wave "Okinawan struggle": towards reversion [Электронный ресурс] : 2003. URL: http://www.lib.murdoch.edu.au

Для окинавцев ключевым моментом национальной истории является существование независимого Королевства Рюкю, поддерживавшего дипломатические отношения со многими странами в Тихоокеанском регионе. Экономическое преуспевание Королевства – другая тема для воспоминаний, позволяющая современным историкам утверждать: «...прошлая коммерческая важность 60-ти разрозненных островов архипелага Рюкю будоражит воображение современных окинавцев»[50]. Эта картина гордого прошлого служит также доказательством неадекватности настоящей позиции Окинавы как экономически наименее успешной префектуры на периферии Японии.

Другой важный момент, выделяемый в исторической судьбе окинавцев, – дискриминационное отношение после присоединения к Японской империи. Дискриминационная политика, оформленная государством, была направлена на стирание этнических маркеров окинавцев. Американский антрополог Мэтью Аллен отмечает, что «границы Окинавы были заключены в объятия империи с конца XIX в., ее прежнее национальное воплощение превратили в часть пограничья Японии, ее язык, культуру и историю низвели до сносок в истории Японии периода до 1945 г.»[51]

После *Рюкю сёбун* и насильственного включения в состав Японии в течение раннего периода Мэйдзи (1872–1879) окинавцы были постепенно мобилизованы для службы по всей Японской империи. К этому времени, по мнению многих исследователей, относится появление феномена двойственности окинавской идентичности. Джулия Ёнэтани полагает: «Противоречия и двойственность, составляющие суть ассими-

[50] *Hein Laura, Selden Mark*. Culture, power and identity in contemporary Okinawa. P. 10.

[51] *Allen Mattew*. Identity and resistance in Okinawa. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 5.

ляционной политики Японии, никогда не были разрешены»[52]. Позиционируя Окинаву как «родную» префектуру, а ее жителей – как полноправных подданных Японской империи, японские власти в то же время постоянно подчеркивали их «окинавскость» и необходимость поскорее стать «настоящими» японцами. «Неудивительно, – считает Мэтью Аллен, – что двойственность идентичности – один из самых обсуждаемых аспектов «окинавской проблемы» сегодня»[53].

Вера в то, что окинавцы стали частью Японии, разрушилась в последние месяцы Второй мировой войны. Битва за Окинаву, пожалуй, самый трагический момент в истории Окинавы, и наиболее серьезный аргумент для обвинения Японии в предательстве и геноциде собственного народа. К весне 1945 г. было совершенно очевидно, что Япония войну проиграла, но император и высшее командование, несмотря на пессимистические прогнозы, настаивали на продолжении войны. Тогда перед японским командованием стояла задача как можно дольше не допустить высадки врага на «родную» территорию, поэтому Окинава – географически и риторически отдельное (от собственно Японии) пространство, воспринималась как желательное поле битвы. Более трети местного населения погибло ради того, чтобы отсрочить капитуляцию Японии и предупредить американцев о той высокой цене, которую они заплатят в случае вторжения на «основную» территорию. Так называемая «Стальная буря» – наступление значительно превосходящих по мощи вооруженных сил США – опустошила юг и юго-восток главного острова, превратив местность в бесплодную и непригодную для жилья пустошь.

[52] *Yonetani Julia*. Future “assets”, but at what price? The Okinawa initiative debate // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 244.

[53] *Allen Mattew*. Identity and resistance in Okinawa. P. 5.

Официальные круги обещали окинавцам защиту со стороны японской армии в обмен на их беззаветную преданность и поддержку. Собирались ли японские военные выполнять свое обещание? Мнение японского командования по этому поводу выразил начальник штаба 32-й армии генерал-майор Исаму Тё: «Самая важная миссия армии – выиграть войну. Мы не можем позволить себе проиграть войну ради спасения гражданских»[54].

Ожидалось, что враг использует гражданских лиц, женщин, стариков, детей в качестве щита с целью сломить боевой дух армии. Чтобы избежать этого, окинавцев призывали совершать самоубийства. Японская официальная пропаганда убеждала, что сдача врагу – позор и бесчестье для каждого гражданина. Как лояльные японские граждане некоторые окинавцы искренне полагали, что их долг подчиняться любым приказам военных, в том числе и совершить самоубийство. Кроме того, островитянам внушалось, что, оказавшись в руках американцев, они будут подвергнуты насилию, жесточайшим пыткам и медленной смерти. Очевидно, окинавцы верили пропаганде и предпочитали сами уйти из жизни и даже помочь сделать это своим родственникам. Большинство из них решались на такой беспрецедентный шаг из страха перед врагом, а не ради того, чтобы предпочесть смерть бесчестью. Ведь только крайнее отчаяние могло подвигнуть людей на такие поступки, как задушить собственными руками пожилых родителей, забить камнями малолетних детей или подорвать родных гранатой.

По мере развертывания военных действий на острове надежды местных жителей на защиту со стороны японской армии рассеивались. Для японских военных они скорее воспринимались как потенциальное препятствие на пути выполнения главной задачи – защиты «родной» территории. Более того,

[54] Cit. in: *Ota Masahide*. Re-examing the history of the Battle of Okinawa // Okinawa: cold war island /ed. by C. Johnson. Cardiff – Calif: Japan Policy Research Institute, 1999. P. 29.

поскольку окинавцы – «не настоящие» японцы, они считались ненадежными, легковерными и априори способными на предательские действия в отношении японской армии. Многие японские офицеры и солдаты полагали, как только американцы высадятся на остров, местные жители тут же перейдут на их сторону. Доказательством такого недоверия служили нередкие случаи расстрела окинавцев по нелепым и необоснованным обвинениям в не сотрудничестве с силами обороны или в шпионаже. Зачастую поводом для объявления человека шпионом было использование им местного диалекта. Генерал-майор Исаму Тё дважды издавал следующий приказ: «Ни одному человеку, военному или гражданскому, не разрешается говорить ни на одном языке, кроме стандартного японского. Тот, кто использует окинавский диалект, должен быть наказан как шпион»[55]. Требование, в сущности, нелепое и невыполнимое для некоторых островитян. Например, пожилые окинавцы не все в полной мере владели токийским диалектом. Жестокой иронией выглядит факт уничтожения по подозрению в шпионаже бывших иммигрантов с Окинавы, вынужденных вернуться на родину из США вследствие развернувшихся там антияпонских настроений. В стране эмиграции они считались японцами – представителями враждебного государства, вернувшись на Окинаву, они опять превратились во врагов, поскольку жили в Америке и говорили с акцентом. Островитяне, застигнутые при разговоре на местном диалекте, немедленно подвергались жестокому наказанию.

Таким образом, язык вновь стал «лакмусовой бумажкой», по которой проверялось, достоин ли человек доверия. Ведь разговаривая на языке, непонятном абсолютному большинству японцев, окинавцы тем самым использовали символ культуры, который мог быть секретным кодом сопротивления.

[55] Цит. по: *Ота Масахидэ*. Нингэн га нингэн дэ наку нару токи. Genocide = Время, когда люди уничтожают людей. Геноцид. Наха: Окинава тайму-ся, 1991. С. 6.

«Директивы о языке» – наглядная демонстрация того, что окинавцы не воспринимались как японцы, были «другими», т.е. эксплицитно «директивы» выступали как акты недоверия, а имплицитно – идентичности.

Действия японских военных привели к тому, что местные жители стали бояться их больше, чем американцев. Страх этот все более усиливался по мере продвижения американской армии в глубь острова. Отчаяние японских военных нарастало, их жестокость по отношению к местным жителям принимала беспрецедентные формы. Стремясь спастись от огня противника, солдаты искали убежища, где укрывались мирные жители, выгоняли их из укрытий, без раздумий убивали.

К тому времени как разразилась война, окинавцы верили, что они стали полноправными японскими гражданами, такими же, как жители других префектур в их лояльности к императору и готовности пожертвовать свою жизнь для страны, когда это необходимо. К моменту окончания войны многие окинавцы с величайшей горечью начали осознавать, что все усилия напрасны – отношение к ним совершенно другое. Мэтт Аллен приводит слова школьного учителя из Кумэдзима: «...если японцы хотели, чтобы окинавцы были частью Японии, почему они обращались с ними как с чужими (и безоговорочно низшими по положению) людьми во время войны?»[56]

Ответ на этот вопрос, возможно, заключается в том, что битва за Окинаву была первым сражением, которое Япония вела на своей территории. Во всех предыдущих войнах она воевала только за границей и сложившиеся там методы ведения боевых действий перенесла на Окинаву[57]. Хорошо известно поведение японских военных на завоеванных территориях, достаточно вспомнить «резню в Нанкине». Как уже отмечалось, несмотря на старания окинавцев стать «истинными»

[56] Cit. in: *Allen Mattew*. Identity and resistance in Okinawa. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 7.

[57] *Ота Масахидэ*. Нингэн га нингэн дэ наку нару токи. Genocide = Время, когда люди уничтожают людей. Геноцид. Наха: Окинава тайму-ся, 1991. С. 7.

японцами, они таковыми не воспринимались, а значит, и защиты не заслуживали. Подобное недоверие подчеркивает ту иерархию взаимоотношений, которая существовала между Японией и Окинавой в период сражений за остров. Сами окинавцы говорят об этом так: «У нас был тигр у ворот и волк у черного входа».

В списках жертв битвы за Окинаву около 140 тысяч окинавцев. Эта цифра, как и факты гибели гражданского населения острова от рук японских военных, подверглись после войны «коллективной амнезии». В настоящее время события той эпохи заново переосмысливаются и переоцениваются. В школах проводятся «живые уроки»: к ученикам приходят люди, выжившие в войне, и рассказывают свои истории. Таким образом молодые люди узнают о прошлом их народа. Многие нарративы этнической идентичности реализуются через историческое сознание, которое основывается на исторической памяти. На формирование этнического самосознания современных жителей префектуры воздействует и фактор виктимизации окинавцев во время битвы за остров. Рассказы о том, что пришлось пережить их предкам в ходе непосредственных боевых действий и от рук японских военных, способствуют осознанию молодыми островитянами их окинавской идентичности.

Однако историческая память постоянно реструктурируется в соответствии с современными обстоятельствами. В словах свидетелей тех событий звучит боль, недоумение, возмущение поведением японцев, но одновременно в них отсутствует сенсационность, стремление демонизировать американцев или японцев. Напротив, четко прослеживается мысль о том, что основной причиной трагедии, которую им пришлось пережить, стала сама война, и чтобы избежать повторения трагических событий, надо о них помнить. И окинавцы помнят. В префектуре с каждым годом увеличивается число музеев, памятников и выставок, посвященных этой битве. Разработаны маршруты памяти по музеям и мемориалам для школьников и туристов.

В г. Итоман находится уникальный памятник – Краеугольный камень мира. Располагается он в центре Мемориального парка мира, который также включает Окинавский зал мира, Окинавский префектуральный музей мира и Площадь мира. Памятник установлен в 1995 г. в честь 50-летия Битвы за Окинаву как символ вечного мира, за который ратует Окинава. На нем высечены имена всех людей, независимо от национальности, гражданских и военных, кто погиб во время сражения за остров. В момент открытия памятника насчитывалось 234183 имени, но их количество продолжает увеличиваться[58]. В целом мемориальный комплекс выступает как место, где человек может понять важность тех уроков, которые преподала всем людям последняя Великая война, осознать величайшую ценность мирной жизни.

После окончания войны Окинава была передана под юрисдикцию Соединенных Штатов. За счет Окинавы Япония и США заключили «брак по расчету», что однозначно воспринимается жителями острова как предательство: Япония опять пожертвовала Окинавой, чтобы отстоять собственный суверенитет и стратегические интересы.

Цели и задачи оккупационной политики, которую проводили Соединенные Штаты на территории Японии и Окинавы, существенно различались. В Японии поощрялось развитие экономики, демократических принципов и, в конечном итоге, переход к независимости страны. На Окинаве ставилась задача умиротворить население, заставить его служить стратегическим интересам Америки. Чтобы добиться лояльности островитян, власти США приложили немало усилий для возрождения окинавской идентичности: Окинаве вернули ее историческое название – острова Рюкю, начала праздноваться годовщина образования Королевства Рюкю, поощрялось использование местных диалектов, спонсировались радиопостановки, рассказывающие об истории Королевства. Генерал Дональд Вут приказал дирижеру американского военного оркестра создать рюкюский гимн на основе одной из местных мелодий, в качестве национального символа стал использоваться флаг, на котором изображались регалии рюкюского королевского двора.

[58] *Allen Mattew.* Identity and resistance in Okinawa. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 49.

Политика «деассимиляции» не принесла результатов. Перестав быть хозяевами на своей земле, жители настаивали на возвращении Окинавы Японии, на «воссоединении с землей предков». Демонстративно позиционируя себя в качестве японцев, они стремились к свободе, обретению прав, которые могло им дать японское гражданство. В рамках «Движения за возвращение» японская идентичность использовалась как некий символический капитал, способствующий политической мобилизации в борьбе против оккупации.

Некоторые проблемы, на решение которых надеялись местные жители после возвращения Японии, были действительно решены. Они получили японское гражданство и паспорта, что давало им свободу перемещения. На них стали распространяться правительственные программы по здравоохранению, социальному и пенсионному обеспечению, борьбе с безработицей. В префектуру хлынул поток ассигнований, призванный вытащить ее из экономической пропасти. Уровень жизни островитян несоизмеримо вырос.

Вместе с тем среди сорока семи префектур Японии Окинава остается самой экономически отсталой – доход на душу населения составляет около 70% от национального уровня. Безработица значительно выше, чем в остальной Японии. Остров живет за счет массированных финансовых вливаний из национального бюджета. С 1972 по 2000 г. в экономику Окинавы было инвестировано более 5 триллионов иен. Окинава, как наркоман, «сидит на игле» трансфертов из Токио[59].

Причинами бедственного положения являются скудость природных ресурсов и наличие американских военных баз.

[59] *Сашин Л.П.* Остров «на игле» // Япония сегодня. 2000. №8. С. 10.

Под ними занято более трети общей площади плодородных земель, практически все удобные морские бухты, что мешает развитию фермерства, препятствует рыболовству и судоходству. Островная экономика тесно привязана к обслуживанию американских баз. Вот почему среди местного населения встречаются не только противники, но и сторонники американского военного присутствия. Это владельцы частных земель, сдаваемых в аренду американской армии, предприниматели, ведущие строительные работы на базах, служащие. По мнению специалистов, работа на американских базах с экономической точки зрения является наиболее привлекательной для окинавцев. Кроме того, важную статью доходов местного населения составляет продажа американским военным потребительских товаров.

Благодаря государственным инвестициям и частному капиталу зафиксирован значительный рост экономики Окинавы, однако она так и не достигла уровня основной территории. Кроме того, государственные субсидии зачастую воспринимаются как плата центрального правительства за непротивление местных жителей американскому военному присутствию. Деньги Токио усиливают подчинение американо-японским приоритетам. Образуется замкнутый круг: получить средства для развития местной экономики можно лишь в обмен на поддержку присутствия военных баз. Для окинавцев, мечтающих о выводе американских войск с острова, об автономии от центра, такая экономическая стратегия представляется весьма разочаровывающей.

Для решения экономических проблем предлагаются различные проекты. Создавать собственную индустриальную базу на острове невыгодно. Сказываются удаленность от основных экономических и потребительских центров страны, немалые транспортные расходы, отсутствие развитой инфраструктуры, дороговизна электроэнергии, нехватка пресной воды. Одной из самых доходных на сегодняшний день отраслей окинавской экономики является туризм. За последние десятилетия здесь

выросли отели международного класса, пансионаты, рестораны, центры водного спорта, музеи, ботанические сады, аквариумы. Развиваются сувенирный промысел, торговля кораллами, жемчугом, лаковыми изделиями, местной керамикой и текстилем. Процветает сеть ресторанчиков, специализирующихся на местной кухне. Однако развитие туристического бизнеса сдерживает все то же американское присутствие. Близкое соседство военных арсеналов, полигонов, взлетно-посадочных полос не вызывает у туристов особого энтузиазма.

Префектуральные власти для выхода из экономического кризиса предлагают обратиться к опыту Королевства Рюкю, благосостояние которого базировалось на посреднической торговле со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Большие надежды возлагают на особые экономические зоны, зоны свободной торговли, способные стать «окнами» для прибыльной торговли с азиатскими странами. Создание таких зон предполагает низкие налоговые ставки на инвестирование, нефиксированные квоты на импорт, стимулирование высокотехнологических инициатив, банковских услуг, открытие учебных центров для подготовки персонала мирового класса. Особые экономические зоны на Окинаве дают новые возможности тем японским компаниям, которых рынок выталкивает из Японии. Здесь они могут сократить издержки производства за счет более дешевой рабочей силы, сохранив при этом на своих изделиях брэнд «Сделано в Японии», который продолжает высоко котироваться в мире[60].

Существуют проекты использования в коммерческих целях военных баз, что может представлять выгоду не только для Окинавы, но и для Соединенных Штатов. Например, на аэродроме базы Кадэна предлагается построить дополнительный терминал для принятия пассажирских и грузовых самолетов.

---

[60] *Георгиев Ю.М.* Особые экономические зоны Окинавы // Япония сегодня. 2003. №2. С. 9.

В настоящее время большинство азиатских штаб-квартир американских транснациональных корпораций располагаются в Тайбэе и Сингапуре. Между тем Окинава лучше подходит для их размещения [61].

Первая попытка организовать особую экономическую зону была предпринята в 1988 г. в Наха. Однако финансовый кризис, вскоре поразивший Азию, крах «мыльного пузыря» японской экономики значительно подорвали эффективность этой площадки для торговли со странами Азии. В 1999 и 2002 гг. особые экономические зоны были созданы в Накагусуку и Наго. В апреле 2002 г. на Окинаве появился особый район, формирование которого рассматривается как первый шаг к общеазиатскому финансовому рынку. Налог на юридических лиц здесь был сокращен с 40,87 до 26% [62].

Существует ряд факторов, тормозящих предпринимаемые инициативы. Налоговые ставки в окинавской особой зоне все равно выше, чем, например, в Гонконге. Кроме того, продолжающийся экономический спад в рамках всей страны сдерживает инвестиции, без которых невозможно создание новых предприятий. Развитие свободной экономической зоны тормозится также бюрократическими структурами национального правительства, которые сильно ограничивают экономическую самостоятельность префектур[63]. В Японии давно звучат голоса о необходимости децентрализации процесса принятия решений. Для этого необходимо сломать веками освященный стереотип: Токио – центр, Окинава – неразвитая, захолустная периферия.

---

[61] *Hirosi Kakazu.* Towards the Pacific century: the role of Okinawa and Hawaii // Development and conservation in the Asia-Pacific region. Proceedings of Regional conference of East-West century. «Think globally, act locally». November 5–6, 1993, Naha, Okinawa, Japan. P.18.

[62] *Георгиев Ю.М.* Особые экономические зоны ... С. 9.

[63] *Hirosi Kakazu.* Towards the Pacific century: the role of Okinawa and Hawaii // Development and conservation in the Asia-Pacific region. Regional conference of East-West century. «Think globally, act locally». November 5–6, 1993, Naha, Okinawa, Japan. P.11.

Таким образом, пока очевидной альтернативы для решения экономических проблем, кроме как полагаться на субсидии центрального правительства, нет, а это означает необходимость и в дальнейшем «оказывать гостеприимство» американским базам. Окинава несет львиную долю бремени по их содержанию. На территории, которая занимает 0,6% от площади всех Японских островов, сконцентрировано более трех четвертей американских баз. Они занимают 11% всей территории префектуры и пятую часть острова Окинава. Кроме того, если на других островах Японского архипелага американские базы располагаются, как правило, на государственных землях, то на Окинаве под ними занято треть всех частных земель[64].

После передачи Японии административных прав на Окинаву японский парламент под давлением Вашингтона принял «Постановление о временном общественном использовании земель», согласно которому частные земли по условиям японо-американского договора, изначально не отданные под американские базы, могли быть переданы в их распоряжение сроком на пять лет. Срок действия этого постановления несколько раз продлевался. В 1987 г. его заменило новое «Постановление о применении специальных мер по использованию земель для гарнизонных войск», согласно которому отвод земель под базы осуществлялся в принудительном порядке. Поправки, внесенные правительством Японии в 1997 г., позволяют автоматически продлевать сроки аренды. В результате американские военные получили возможность использовать эти земли практически без ограничения сроков.

Соседство с базами причиняет жителям много неудобств. Школы из-за рева самолетов вынуждены прерывать занятия, у многих развиваются болезни органов слуха. При полетах самолетов происходит много катастроф и авиапроисшествий (с 1972

---

[64] *Фукуёси Сёдзи.* Окинава — «остров - база» //Азия и Африка сегодня. 2000. №10. С. 51–52.

по декабрь 1997 г. их было на Окинаве 130)[65]. Нельзя не упомянуть проблему загрязнения окружающей среды. При этом армия США не обязана компенсировать затраты на ликвидацию последствий экологических нарушений.

Негативные последствия пребывания американских баз на территории Окинавы вызывают непрекращающиеся протесты общественности. Особенно остро она реагирует на многочисленные преступления американских военнослужащих (с 1972 по 1996 г. зафиксировано 4823 таких случая)[66]. Массовые волнения произошли на Окинаве в сентябре 1995 г. В демонстрации протеста приняло участие около 85 тыс. чел. Был проведен референдум, на котором десятки тысяч окинавцев выступили за удаление американских военных с острова. Широкая волна протеста привела к тому, что США вынуждены были возвратить Японии 20% занимаемых земель, включая огромную базу Футэмма, потребовав взамен построить новый аэродром на севере страны, близ города Наго.

Активным противником этого проекта стал губернатор острова Ота Масахидэ. Он выступил не только против строительства аэродрома, но и за удаление всех баз к 2015 г. В течение года он сопротивлялся японскому нажиму подписать соглашение о продлении лизинга земель под базы. Вызванный в Верховный Суд в марте 1996 г. Ота в своих показаниях настаивал, что непропорциональное бремя американских военных баз, которое несет Окинава, является несправедливым и незаконным. Он также бросил вызов официальным японским историческим нарративам, предполагающих культурную гомогенность, настаивая на отличительности понимания истории и культуры островов. В объяснении своего призыва по сокращению и полному удалению баз он обращался к мирному наследию Королевства Рюкю в противоположность «воинской

[65] *Фукуёси Сёдзи.* Окинава — «остров -база» // Азия и Африка сегодня. 2000. №10. С. 53.

[66] Там же. С. 53–54.

культуре» основной Японии, вспоминал трагедию Битвы за Окинаву и подчеркивал желание окинавцев мира и автономии. «Более чем любой другой губернатор Окинавы, Ота проводил связь между проблемой баз, или как ее постоянно называют «Окинавской проблемой», и борьбой за идентичность, автономию и культурные различия»[67].

Профессор Тайра считает, что оккупация Соединенными Штатами части окинавской земли является реальностью, а японский суверенитет над Окинавой – во многом фикцией[68]. По его мнению, окинавцы желают покончить с «покровом легальной фикции» и сделать шаг к восстановлению реального суверенитета над своей территорией. В 1997 г. на заседании Кабинета член Палаты представителей от Окинавы Косукэ Уэхара гипотетически спросил, что сделало бы правительство, если бы окинавцы захотели обрести независимость от Японии. Государственный министр ответил буквально следующее: «В Конституции Японии не заложено статей, касающихся отделения. Согласно действующей Конституции ни одна из частей Японии не может быть законно отделена»[69].

Этот диалог – примечательное событие в истории японо-окинавских отношений, возможно, и в конституционной истории Японии. Впервые независимость Окинавы обсуждалась японскими законодателями на заседании парламента. Дебаты по этому вопросу не были продолжены, чтобы не создавать прецедента в проблеме, столь болезненной для Японии, но совершенно очевидно, что в свете особой истории Окинавы ее отделение может обсуждаться в будущем[70].

[67] *Yonetani Julia.* Future "assets", but at what price? The Okinawa initiative debate // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 245.

[68] *Taira Koji.* Okinawa – Tokyo relationship. From annexation to secession, or something between // The demise of the Ryukyu Kingdom. Japan, Okinawa, Ginowan-City : Yojushorin, 2002. P. 14.

[69] Ibid. P. 14.

[70] Ibid. P. 15.

Либерально-демократические теории государства не отрицают того, что определенный регион со своей отличительной историей и культурой имеет право на ту или иную форму самоопределения. Не отрицает этого и современная Конституция Японии. Конечно, в японском контексте такая идея может оставаться пока только в рамках теории, но совершенно очевидно и то, что две периферийные области страны – Хоккайдо и Окинава – имеют весомые аргументы в пользу собственной независимости. В основе их требований лежит общий фактор – историческая несправедливость[71]. Дискриминационное отношение как к Хоккайдо, так и Окинаве со стороны центрального японского правительства – сильный аргумент, способный придать законность требованиям независимости.

Как показывает современная практика, процессы конструирования и реконструирования идентичности глубоко связаны с процессами сопротивления и аккомодации. «Неоднократные попытки заново «изобрести Окинаву» временны и во многом политичны. Длительное присутствие многочисленных и часто деструктивных войск США в префектуре – это постоянное напоминание о компромиссах, на которые окинавцы вынуждены идти после Тихоокеанской войны, и о двойственности их идентичности»[72].

Необходимо отметить, что идеи о выходе из состава Японского государства в окинавском дискурсе остаются пока слишком академичными и политизированными. Несмотря на особую историю и культуру, на непрекращающуюся борьбу против американских баз, на Окинаве пока не зафиксировано значительного популярного движения за независимость, как нет и истории подобных движений. Как отмечают Лаура Хэйн и Марк Сэлден, окинавцев, требующих полной независимости

[71] *Taira Koji*. Okinawa – Tokyo relationship. From annexation to secession, or something between // The demise of the Ryukyu Kingdom. Japan, Okinawa, Ginowan City : Yojushorin, 2002. P. 15.

[72] *Allen Mattew*. Identity and resistance in Okinawa. Lanham, Boulder, New York, Oxford. Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 236.

или полного растворения в японском обществе, немного. Большинство ищет пути для утверждения своей отличительности, сохраняя при этом полноправное японской гражданство – то, что было невозможно в прошлом в условиях дискриминационной политики[73]. Одним из таких путей является культурное созидание. В последнее время на Окинаве наблюдается взрыв культурной креативности: необычайную популярность имеют фильмы и литературные произведения на окинавскую тематику, выступления традиционных танцевальных и песенных коллективов. У молодого поколения большим успехом пользуются поп-группы, репертуар которых основан на современной аранжировке народных песен. Люди со всей Японии приезжают к окинавским шаманкам в надежде услышать совет, который разрешит их проблемы, и возвращаются, испытывая облегчение и обновление. Почти в каждой окинавской деревне можно наблюдать празднества, во время которых жители благодарят местных богов за хороший урожай, долгую жизнь и отсутствие бед. Обсуждая и трансформируя собственную историю, политику, культурные, эстетические ценности, островитяне сегодня «ткут сложный гобелен окинавскости».

[73] *Hein Laura, Selden Mark*. Culture, power and identity in contemporary Okinawa // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power. Lanham, Boulder, New York, Oxford. Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 3.

Глава 3 КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РЮКЮСЦЕВ

Своеобразие традиционной культуры народа тесно связано с его этнической историей. В ней отражаются как самобытные творческие достижения, так и хозяйственно-культурные связи с соседними народами. Географическая близость Рюкюского архипелага к Японии, Китаю и Корее, с одной стороны, и островному миру Юго-Восточной Азии, с другой – обусловили главные особенности рюкюской культуры.

Несмотря на целый ряд событий, которые пришлось пережить населению архипелага за последние сто тридцать лет (вхождение в состав Японского государства, война, американская оккупация), рюкюсцы сумели сохранить традиции культуры, отличные от собственно японских. О роли и важности традиций в культуре каждого народа высказано немало мнений, но нельзя не согласиться с определением, что «в современном обществе функциональная роль традиций обретает новое содержание. Традиции становятся необходимым источником стабильности и интеграции и, таким образом, при определенной культуре их воспроизведения и сегодня способствуют адаптации людей к повышению разнообразных рисков»[1].

Культурный процесс заключает в себе структурирование как социальных и духовных форм, так и материальных аспектов человеческой жизни. Именно через эти важнейшие сферы люди адаптируются к окружающей их среде. Через интегративную целостность человеческого поведения, материальных

[1] *Красиков С.А.* Политические риски детрадиционализации // Полис. 2005. №5. С.182.

аспектов и духовных параметров народ обретает свою отличительность и идентичность. «С внутригрупповой точки зрения, идентичность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены группы отличают себя от всех других групп, даже если они в культурном отношении очень близки»[2]. Таким образом, различные элементы традиционной культуры выступают в качестве этнических маркеров – признанных средств дифференциации групп в широком поле социального взаимодействия. Особенно устойчивы в этом отношении такие формы традиционной культуры, как пища и жилище. Остановимся на них подробнее.

§1. Модель питания и жилище

Характер и состав основной пищи, способы ее получения являются базовыми параметрами, определяющими хозяйственно-культурные типы различных человеческих сообществ. Более того, традиционная модель питания, без сомнения, одна из самых ярких культурных маркеров, которые служат выразителями этнического своеобразия и символами этничности. С.А. Арутюнов отмечал: « Престижные, ритуально-символические и прочие знаковые функции наиболее эксплицитно выражены в комплексе питания, несколько менее – в жилище и еще менее – в поселенческом комплексе. Можно сказать, что такое же соотношение наблюдается и в степени выраженности в этих комплексах этнических черт, и тенденции к их устойчивому сохранению»[3].

Географическое положение Рюкюского архипелага, влажный субтропический климат, особенности исторического

[2] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 61.

[3] *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. С. 221.

имел высокую пищевую ценность и стал не только одним из основных продуктов питания местного населения (до 90% ежедневного рациона), но и кормом для скота.

Помимо батата в рюкюской диете присутствуют зерновые культуры – пшеница, ячмень, просо. Этнолог Цунеити Миямото в своей статье «Размышления по поводу пищевых пристрастий» отмечал, что жители Амами-Осима и соседних островов используют своеобразный вариант *катемэси* из равных частей сладкого картофеля и ячменя [6]. Большой популярностью пользуется также лапша «*Окинава соба*». Соба – одно из самых известных блюд японской кухни, на Окинаве она получила распространение в ранний период Мэйдзи после превращения Королевства Рюкю в префектуру Японии. И все же окинавская соба не похожа на японскую. Она делается из пшеничной муки с добавлением свинины, камабоко, лука, а сверху заливается яйцом и *темпура*. Местные жители любят лакомиться этим блюдом в специализированных ресторанчиках.

Одним из главных источников белка в окинавской диете является мясо, преимущественно свинина. В этом рюкюсцы отличаются от японцев, для которых потребление мяса долгое время ограничивалось буддийскими запретами. Буддизм не получил на Окинаве широкого распространения, и диктуемые им пищевые табу оказались не столь сильными, как в Японии. Традиция выращивания свиней на Рюкю берет начало из глубокой древности. Дж. Керр отмечает, что в китайских хрониках V в. упоминается «королевство», лежащее к югу от королевств Ва (название древних японских княжеств), жители которого разводят свиней[7]. Есть основания полагать, что обычай разводить свиней появился на островах Рюкю под влиянием народов островного мира Юго-Восточной Азии. Однако, как и рис, свинина на столах простолюдинов присутствовала только по

[6] Understanding Japan. Japanese food: custom and traditions. Tokyo : Aichi press, 1991. C. 16.

[7] *Kerr George H.* Okinawa. The history of an island people. Boston, Rutland, Vermont, Tokyo : Tuttle publishing, 2000. P. 31.

праздникам. Для домашнего потребления крестьяне разводили коз. Сегодня свинина на Окинаве – мясо номер один, когда здесь говорят «мясо», то подразумевают «свинина».

В пищу используются все части животного, в том числе внутренние органы. Окинавцы верят, что, употребляя в пищу те или иные внутренние органы животного, можно вылечить от болезни и соответствующие органы человека. Из свинины готовится множество блюд. Любимым лакомством является суп из свиных ножек – *аси тебити*, в процессе его длительного приготовления удаляется излишний жир. Не менее популярны суп *наками*, который готовится из желудка и внутренностей, блюдо *моцу* из печени, сердца и овощей. *Рафутэ* – толстый слой бекона со шкурой, медленно тушится с добавлением местной водки *авамори*. Как закуска популярны *сасими* из мелко нарезанных ушей, рыла, приправленных уксусом или соусом *мисо*. Все без исключения блюда из свинины считаются источником высококачественного протеина – коллагена, а также минералов и витаминов.

Рюкюсцы едят достаточно мяса, но еще больше они потребляют *тофу* – бобовый сыр из соевого белка, напоминающий по виду творог. Окинава – безусловный лидер в Японии по потреблению тофу, который является основным компонентом любимого блюда окинавцев – *тянпуру*. Кроме того, он входит в состав супов, жареных блюд и подается как закуска к сакэ. По сравнению с собственно японским тофу окинавский более твердый по консистенции и больший по размеру. Один блок островного тофу весит от 900 г до 1 кг, в то время как масса японского тофу составляет около 300 г. В отличие от японского, который процеживают после кипячения, из окинавского тофу сначала удаляют излишнюю жидкость, а затем кипятят. Таким образом, он получается более твердым, дольше хранится и используется для приготовления множества блюд.

Одним из окинавских деликатесов считается *тофуё*. Для приготовления этого продукта требуется изрядное мастерство и два–три месяца времени. Сначала тофу подсушивают в

развития оказали основное влияние на окинавскую традиционную систему питания. Традиционный набор питания рюкюсцев складывался веками, привнесенные извне особенности смешивались с местными, обусловленными естественно-географическими факторами. Особенно сильное влияние окинавская национальная кухня имела со стороны Китая. С 1404 г. по 1866 г. на территории Рюкю 24 раза побывали китайские миссии, привозившие инвеституры от китайского императора рюкюскому королю. В состав посольств входило от 400 до 500 официальных лиц, их помощников и сопровождающих, а срок пребывания растягивался до полугода. Рюкюский двор обязан был принять гостей на высшем уровне. Чтобы обеспечить достойный прием, правители Рюкю посылали своих поваров в Китай учиться премудростям местной кухни. В течение всего срока пребывания миссии король Рюкю устраивал семь больших банкетов, каждые пять–десять дней гости посещали банкеты поменьше. Для устройства банкетов, в которых участвовало огромное количество людей, в китайской провинции Фудцзянь и Японии закупались необходимые продукты.

Меню, готовившееся для этих встреч, получило название кухня *Укансэн*. Из рюкюских хроник XIX в. мы можем получить некоторое представление о том, какие именно блюда подавались гостям из Китая. Как правило, меню включало пять перемен блюд по четыре блюда в каждом, плюс суп и закуски. Помимо пяти перемен подавались также различные сладости и *кантаку* (целая свинья, баран, утка, курица). Большей частью это была китайская кухня, но входили и местные продукты [4].

В 1609 г. контроль над Королевством Рюкю захватил японский клан Сацума. Наместник клана и его приближенные основали свою резиденцию в столице Окинавы. С этого момента началось широкомасштабное влияние японской культуры во многих областях жизни рюкюсцев, в том числе и в бы-

[4] Okinawan cuisine [Электронный ресурс] : 2003. URL : http://www.wonder-okinawa.jp

товой. Постепенно вкусовые предпочтения рюкюского двора и аристократии стали смещаться в сторону японской кухни. На всех банкетах и празднествах, на которые были приглашены представители клана Сацума, подавались преимущественно японские блюда.

В соответствии с японской пищевой традицией, которая по сравнению с китайской отличается умеренностью, количество блюд, подаваемых к столу, стало меньшим. Готовили их повара, специально обучавшиеся в Сацума. После завершения обучения и получения лицензии им предписывалось работать во дворцах короля, королевской семьи и знати. Постепенно пищевые пристрастия дворцовой кухни проникали в кухню народную, из этого смешения получилось то, что сегодня определяется как традиционная окинавская модель питания.

Национальную кухню на Рюкю часто называют *тяппуру*. Тяппуру – любимое домашнее блюдо окинавцев, состоящее из смеси *тофу* (соевого творога), сезонных овощей и приправ. Словом «тяппуру» обозначают также любую вещь, созданную путем смешения произвольных компонентов.

В любой модели питания существует продукт, за счет которого обеспечивается основная калорийность пищи и покрывается потребность в белках. Хорошо известно, что основой питания восточноазиатских народов является рис. Окинавцы в этом отношении были исключением, для широких слоев населения рис стал доступен только во второй половине XX в. П.Ю. Шмидт писал: «Батат является здесь главным и основным питательным продуктом населения. Рис слишком дорог, тем более что своего риса не хватает и приходится ввозить его из Японии»[5]. Дело в том, что пахотных земель на островах Рюкю всегда было немного, скудная почва и частые тайфуны делали невозможным получение хоть сколько-нибудь удовлетворительных урожаев. Настоящим спасением для окинавцев был завезенный из Китая в 1606 г. сладкий картофель, который

[5] *Шмидт П.Ю.* На островах Лиу-Киу. Л.: П.П.Сойкин, 1929. С. 51.

темном месте в течение двух–трех дней, затем окунают в рисовые и красные дрожжи, а также в авамори для ферментации. Вкус и аромат тофуё зависят от степени зрелости.

Путем ферментации готовят и еще один продукт, занимающий видное место в традиционной пищевой модели окинавцев – *пасту мисо*. О его важности в рационе местных жителей свидетельствует поговорка: «мисо и соль – хозяева в доме», именно эти продукты первыми заносят в новый дом. Прежде считалось, что мисо необходимо делать только дома. Для хозяйки дома считалось позором неумение делать мисо и, напротив, искусство приготовления и хранения этого продукта было лучшей её характеристикой. Состоятельные семьи имели двух- и даже трехгодичный запас мисо, ее хранили в дорогостоящей керамической посуде.

Делается мисо из бобовых культур – сои, бобов, фасоли и даже гороха. Для ферментации используются ячмень, пшеница, рис, а также картофельный крахмал и *окара* – то, что остается после изготовления тофу. Процесс брожения занимает от трех до шести месяцев, поэтому делали ее два или три раза в год. В настоящее время мало кто делает мисо дома, однако сохраняется островная специализация: почти каждый из многочисленных островов архипелага Рюкю может похвастаться своей мисо. Известны *Мияко мисо*, *Идзена мисо*, мисо острова Кумэ, на острове Агуни мисо делают из ягод японской саговой пальмы. Как и тофу, мисо добавляют в великое множество блюд, в том числе в мясные и рыбные, супы, соусы, сласти. Существует специальная новогодняя мисо, которая добавляется в окинавские *моти* и придает им особый вкус и аромат. В прошлом, когда большинство местного населения ело мясо только по праздникам, тофу и мисо являлись основным поставщиками белка. Однако и в наши дни соевые продукты служат важнейшим источником растительного белка в рационе окинавцев.

Островное положение Окинавы обусловило наличие в рационе местных жителей большого числа рыбы и морепродуктов. В отличие от японской кухни, в состав которой входит сырая

рыба (например, известные суши), традиционная окинавская кухня не содержит подобные блюда. Влажный и жаркий климат островов затрудняет хранение сырой рыбы, поэтому здесь из рыбы готовят в основном всевозможные *камабоко* (рыбные сосиски). Существуют разные виды камабоко. Например, *Кастелла камабоко* делают из рыбы с добавлением большого количества яиц, их едят по особым случаям. Для *тикиагэ* к рыбе добавляют морковь, лопух, грибы. Деликатесными считаются камабоко, приготовленные из смеси мяса и рыбы. Камабоко нередко подаются на празднествах и буддийских церемониях.

Из даров моря высоко ценятся морские водоросли, особенно морская капуста – *комбу*, культура северных и западных районов Японии. Наибольшее ее количество добывается на Хоккайдо. Однако Окинава является самым заметным потребителем морской капусты. По данным газеты «Асахи симбун» (1997), морской капусты здесь потребляется больше, чем в целом по стране [8]. В отличие от японской традиции на Окинаве бульон, полученный при варке капусты, выливают, а из вареной капусты готовят различные блюда. Часто морскую капусту добавляют в блюда из свинины, с которой она хорошо сочетается. Низкокалорийная, богатая железом, йодом и кальцием комбу, кроме того, является прекрасным источником натурального волокна. Подобными свойствами обладают и другие морские водоросли, произрастающие у берегов Окинавы: волокнистые и хрустящие *модзуку*, прозрачные *аса*, колючий морской язык *мои*, морской виноград. Высушенные водоросли маринуют в уксусе и соевом соусе, их добавляют в супы, тушеные блюда из мяса, рыбы и моллюсков.

Важным компонентом почти всех блюд окинавской кухни служат сезонные овощи – кабачки, баклажаны, морковь, лук, редис и различные травы (фенхель, зеленая горчица, куркума, листья суйджени и др.). Местные жители хорошо осведомлены

---

[8] Симиватару нихонно тёмирё = Вездесущие японские приправы //Асахи симбун. 1997. 28 сент. С. 3.

не только об их вкусовых качествах, но и о лечебных свойствах. Самый популярный овощ на Окинаве – *гойя,* горькая дыня, по виду напоминает большой огурец. Этот летний овощ эффективно помогает бороться с изматывающей жарой окинавского лета. Травы и коренья придают особый аромат блюдам и отбивают резкие запахи мяса и рыбы, при этом оказывая лечебное воздействие. Например, куркума благотворно влияет на печень, зеленая горчица и фенхель способствуют правильной работе желудка, а листья суйджени очищают кровь. В настоящее время на Окинаве культивируется примерно 460 видов различных трав.

Непременным элементом традиционной кухни стран с жарким и влажным климатом, к которым относится и Окинава, являются специи, помогающие предотвращать быструю порчу продуктов. *Маасу* – так называют здесь соль, которая отличается от столовой, продаваемой на территории собственно Японии, тем, что крупицы ее более твердые, на вкус слегка влажные. Местные жители предпочитают использовать именно эту, богатую минералами моря, соль; поэтому ее нередко называют *сима маасу* – «островная соль».

С давних пор на Окинаве выращивают и *пипацу* – вьющееся растение из семейства перцовых, произрастающее в основном в Юго-Восточной Азии (Индонезии, Малайе, Яве). Перчинки цилиндрической формы, размером в три с половиной сантиметра, собирают зелеными, отваривают на пару, высушивают и перемалывают. Их добавляют в качестве специи в соба, суп Наками, мисо. Кроме пипацу произрастает еще один вид перца – *корэгусу*. Корэгусу – местное произношение японского *корай куса* (корейская трава) – был завезен из Кореи в Японию, а оттуда – на Окинаву. Это неприхотливое растение раньше можно было встретить в каждом хозяйстве. В пищу используется в молотом виде, а также в стручках. Нередко стручки корэгусу кладут в *авамори* – традиционный спиртной напиток окинавцев.

Авамори, как и японское сакэ, изготавливают путем дистилляции из зерен риса. Существует несколько точек зрения,

объясняющих этимологию данного слова. Согласно одной из них «ава» – это просо или неочищенный рис, а «мору» – базовый компонент для приготовления дрожжей. Другое значение иероглифа «ава» означает «пузырьки, пена». Дело в том, что традиционный способ определения алкоголя в напитке заключался в том, что его наливали в специальную керамическую емкость и измеряли высоту образовавшейся пены. Возможно поэтому слово «авамори» произошло из сочетания «ава» (пена) и «мори» (мера).

В отличие от сакэ, для ферментации которого японцы применяют белые дрожжи, окинавцы в процессе изготовления авамори используют черные дрожжи. Кроме того, с давних времен и по сей день основой этого напитка служит так называемый тайский рис, обладающий особыми свойствами, которые позволяют поддерживать нужную температуру черных дрожжей и производить большее количество напитка. Ингредиенты, применяемые в процессе изготовления авамори, делают возможным круглогодичное производство этого вина, в то время как сакэ готовится преимущественно зимой. Технология производства авамори известна на островах с XIV в. Существует предположение, что она заимствована из Сиама (Тайланд). Авамори подавали к столу китайским посланникам и сацумским князьям, угощали им и лидеров Большой восьмерки на очередном саммите, проводившемся на Окинаве в 2000 г.

Традиционной моделью питания жителей Рюкю во многом объясняется окинавский феномен долголетия. Хорошо известно, что пальма первенства по продолжительности жизни принадлежит японцам: среднестатистическая продолжительность жизни для мужчин составляет 76,4 года, для женщин – 82,8. По этим показателям Окинава является лидером в Японии: мужчины живут в среднем 77,2 года, женщины – 85,1 года. Абсолютный рекорд. Префектура славится и своими долгожителями. Здесь проживают 486 человек, достигших, по меньшей мере, столетнего рубежа, на каждые 100 тыс. островитян

дом. Месторасположение каждого нового хозяйства диктовалось степенью близости родства к «главному дому». Со временем среди боковых ветвей рода выделялся свой «главный дом». Кроме того, выделялся дом (он же служил и храмом) жрицы общины, которая также вела свое происхождение от рода основателя общины. Таким образом, каждая деревня состояла из нескольких родов, объединённых в более крупные кланы. У. Лебра отмечает, что в прошлом физическая изоляция деревни подкреплялась строгими правилами эндогамии и правительственным запрещением менять место жительства[13].

Ситуация изменилась после аннексии Рюкю Японией. В период с 1879 по 1895 г. значительное количество дворянских семей, лишенных своих привилегий, вынуждены были переехать в деревню. Американские антропологи, супруги Марецки, в середине 60-х гг. прошлого века проводили исследование окинавской деревни Тайра. Они отмечали, что приезжие селились за пределами центральной деревни, между возделываемых полей, там, где находилась свободная земля. Коренные жители деревни неохотно принимали приезжих в свой круг. Из-за страха перед духами, чуждыми местным жителям, они запрещали чужакам ставить гробницы рядом со своими[14].

Типология традиционного жилища во многом обуславливается географическими и климатическими условиями. Старинное рюкюское традиционное жилище представляло собой легкое каркасно-столбовое строение на возвышенном земляном фундаменте или на сваях. Открытый очаг помещался в центре дома, чаще всего однокамерного, и огораживался тремя большими необработанными камнями. Над очагом на крюке, спускавшемся со стропил, прикреплялся котел для варки пищи. Дым выходил через отверстие в крыше или через дверной проем. Крыша с высоким коньком, обычно четырехскат-

[13] *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Honolulu : Hawaii press, 1966. P. 122.

[14] *Maretski T. & H. Taira*: an Okinawan village. New York, London, Sydney : John Willy and sons, inc., 1966. P.7.

ная, крылась китайским мискантом, камышом, тростником, соломой. Стены не являлись несущими, что характерно для каркасно-столбовой конструкции. Делали их либо из бамбуковой обрешетки, переплетенной травой, либо из расщепленных и расплющенных бамбуковых стволов. Последняя конструкция изредка встречается и в старинном японском жилище. В таких жилищах достаточно щелей для проникновения дневного света и воздуха, так что необходимости в окнах не было. Практически отсутствовала четвертая стена: одна сторона дома была открыта, она служила дверным проемом, в случае нужды ее задвигали рамой, заклеенной бумагой, либо занавешивали тростниковой циновкой. Такими же циновками покрывался пол. Над этим проемом строился высокий навес, который свисал сзади почти до земли. Такая конструктивная особенность диктовалась условиями тропического климата островов – она позволяла дневному бризу приносить в дом прохладу, столь необходимую знойным летом. П.Ю. Шмидт отмечал, что подобные хижины «...мало походят на японские, – скорее они напоминают малайские или полинезийские»[15]. До недавнего времени они сохранялись в глухих горных районах. С течением времени в строительстве жилого дома на островах Рюкю произошли определенные изменения.

Конструктивной особенностью рюкюского дома, сближающей его с жилыми постройками Юго-Восточной Азии и Японии, является приподнятость над землей. Такой «тропический дизайн» защищает дом от влаги во время сезона дождей. Наружные двери скользящие и могут убираться так, что вся передняя часть остается открытой. Вокруг дома нередко строится веранда. Нависающая крыша хорошо защищает от дождя. В недалеком прошлом жилище покрывали толстым слоем тростника, который менялся раз в несколько лет. В настоящее время большинство домов имеет черепичную крышу, а все жилище построено из дерева без единого гвоздя, в качестве крепежного

[15] *Шмидт П.Ю.* На островах Лиу-Киу. Л. : П.П. Сойкин, 1929. С. 29.

приходится 34,7 ровесника века – самый высокий показатель в мире [9] (в США на 100 тыс. жителей приходится 10 человек, достигших столетнего возраста). Окинавцы меньше подвержены таким «возрастным» заболеваниям, как инсульт, инфаркт, рак. По сравнению с США, например, уровень смертности окинавцев от коронарной недостаточности сосудов ниже на 82 %, от различных видов рака – на 57– 86 % [10]. Между тем Окинава – самая бедная префектура в Японии.

Один из жизненных принципов окинавцев звучит примерно так: «еда – это лекарство». «Хорошо» поесть не значит отведать деликатесов, а съесть именно тот набор продуктов, который, как они считают, максимально полезен для организма. Такое убеждение зародилось в глубокой древности. Многовековая народная мудрость находит свое подтверждение у специалистов. Исследования, проведенные диетологами показали, что окинавцы потребляют удивительно здоровую пищу, которая помогает предотвратить многие серьезные заболевания. Тофу и другие продукты из сои содержат большое количество *флавонидов* – питательных веществ, известных своими противораковыми свойствами, способностями бороться с болезнями сердца. Морская капуста, богатая железом, кальцием, йодом, также обладает противораковым эффектом, снижает кровяное давление, уменьшает риск инфаркта и инсульта.

Полезность традиционной модели питания рюкюсцев становится особенно очевидной в сравнении с молодыми окинавцами, которые все чаще питаются в американских закусочных быстрого питания. Восприняв другую модель питания, в которой много «черного» мяса, они значительно уступают по жизненным показателям старшему поколению. Аналогичная ситуация у рюкюсцев–эмигрантов. Продолжительность

[9] *Лукин Д.* Окинавский секрет долгожительства // Япония сегодня. 2002. №5. С. 14.

[10] *Wiseman Paul.* Fabric of a long life [Электронный ресурс]: USA Today, 2002. URL : http://www.usatoday.com.

жизни, например, бразильских окинавцев на семнадцать лет ниже. Г.М. Шелтон, автор книги «Основы правильного питания», нашел, что изменение состава пищи вызывает «...заметные изменения в наследственных характеристиках...Из-за неправильного питания ухудшается состав крови и зародышевой плазмы»[11].

Думается, что рацион питания жителей Рюкю, с которым связывают феномен их долголетия, достоин внимания не только из-за его целесообразности. Здесь по праву можно применить определение традиции как одной из «...форм накопления и сохранения полезных, жизненно важных результатов познания окружающего мира»[12]. Это касается и модели питания окинавцев, которая складывалась в течение длительного периода времени, заимствуя и сохраняя те особенности пищевых традиций, которые наиболее органично в нее вписывались.

Другой важной формой функционирования этнической культуры является **традиционное жилище**. Организация и использование жизненного пространства – важный показатель культурной идентичности. На тип поселения влияют различные факторы: распределение ресурсов и производственные возможности, системы родства, символические системы, мода. Большое влияние на характер традиционного поселенческого комплекса рюкюсцев оказал тип социальной организации, сложившейся в глубокой древности. В рамках поселения выделялась центральная деревня. Она формировалась вокруг одного или нескольких «главных домов» (*мутуя*), владельцы которых вели родство от предка–основателя общины. Базовую ячейку окинавской общины составляла патрилокальная семья. Наследование в семье велось по мужской линии: дом и большую часть земельного надела наследовал старший сын, младшие сыновья после женитьбы должны были построить другой

[11] Цит. по: *Власов В.Г.* Раннее земледелие: сельскохозяйственные растения и пищевые традиции // ЭО. 1997. №5. С. 67.

[12] Там же. С. 66.

материала используются вставные шпильки. Пол покрывается тонкими деревянными досками, в домах побогаче – выстилается соломенными матами.

В передней части дома располагаются гостиные комнаты – одна или две. В задней правой части находится меньшая по размерам комната – она используется в качестве спальни. Между задней комнатой и кухней располагается обеденная зона, где большинство семей собирается по вечерам. Здесь также могут принимать гостей. Кухня располагается несколько ниже, чем основание дома, чтобы войти в заднюю комнату или обеденную зону нужно перешагнуть ступеньку. В кухне помимо очага имеются настенные полки, где хранится хозяйственная утварь. Снаружи кухни ставят два больших кувшина для сбора дождевой воды. Спальня и кухня непременно отделяются от передней части дома стенкой. В послевоенное время стали использовать японские скользящие перегородки с бумажным экраном.

В традиционном рюкюском доме, как и в японском, предметов мебели немного: низкий стол для еды и напитков, полки для хранения постельных принадлежностей. В некоторых домах их хранят во встроенном чулане. Сидят обычно на полу: мужчины – скрестив ноги и спрятав ступни под себя, женщины – сложив ноги вместе с одной стороны. Спят также на полу, в углах комнат, в том числе и гостиных. В качестве постели используются толстые матрасы по типу японского футон.

Крайняя правая комната (*итибандза*) в передней части дома служит гостиной, там ставят низенький столик, за которым принимают гостей. В северо-восточной части комнаты располагается ниша – *утуку* (яп. *токонома*), где рядом с картинами-свитками висят талисманы, защищающие дом от несчастий. Как и в японских домах, спиной к нише сидит обычно хозяин дома, если в доме гость, то он занимает это почетное место.

Во второй комнате (*нибандза*), расположенной в передней части дома, находится буддийский алтарь *камтана* (яп. *будан*). Он состоит из трех секций, сделанных в углублении стены, примерно в метре от пола. На самом верху висят *ихай* – та-

блички с именами предков (по мужской линии) – женские под мужскими. Ниже находятся полки для ваз с цветами, светильников, курильниц для фимиама, чашек с чаем и сакэ. Здесь же хранятся фотографии, письма, личные вещи умерших. Дважды в месяц, а также в дни поминовений на буцудан ставят пищу для духов предков, которая затем съедается членами семьи. Хозяин или хозяйка дома регулярно сообщают предкам об удачах и несчастиях, обращаются к ним с просьбами и молитвами, делают подношения при первых сборах урожая. Таким образом, духи-предки как бы принимают участие в жизни потомков. В окинавском мировоззрении нет онтологических противопоставлений, характерных для западной культуры: человеческое – священное, живое – неживое, живущий – умерший[16].

Буцудан всегда передается по наследству старшему сыну, а в случае его отсутствия – следующему по старшинству сыну или племяннику. Считается, что буцудан был заимствован из Китая аристократией Сюри вместе с формальной патрилинейной системой поклонения предкам. До этого вознесение молитв богам и предкам осуществлялось в более свободной форме. В крестьянских домах, особенно в отдаленных районах, буддийский алтарь повсеместно стал появляться только в XVII в. Бытует мнение, что стремительному распространению этого обычая способствовали репрессии сацумских правителей против христиан. Наличие в доме буцудана свидетельствовало, что хозяева не являются христианами.

В общении с духами предков рюкюсцы остались верны своим верованиям и традициям – в качестве подношений на полках алтаря нередко появляются мясные блюда, что противоречит буддийскому ритуалу. В целом буддизм в той форме, в какой он существует на Рюкю, – это именно культ предков, его чужеродные корни едва различимы[17].

---

[16] *Sered Susan*. Women of the sacred groves. Divine priestesses of Okinawa. New York : Oxford University press, 1999. P. 56.

[17] *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Honolulu : Hawaii press, 1966. P.119–120.

Наряду с буддийским алтарем важное место в ритуальной жизни окинавской семьи занимает открытый очаг *хинукан*. Его хранительница воспринимается как женщина-божество, она считается посредницей при общении с более могущественными божествами. Хозяйка дома обращается к ней с молитвами в первый и пятнадцатый день каждого месяца лунного календаря, а также по другим особым случаям. Она просит для всех членов семьи здоровья и благополучия. Кроме сакральной в прошлом очаг выполнял вполне утилитарную функцию – на нем готовили еду.

Дом вместе с расположенными рядом хозяйственными постройками образует хозяйственно-жилищный комплекс. Пространственное расположение всех построек диктуется принципами геомантии, заимствованными из Китая. Территория комплекса представляет собой прямоугольник, длинная сторона которого проходит по оси восток – запад, а короткая – север – юг. Строго говоря, прямоугольник неправильный: переднюю часть делают более узкой, а заднюю – более широкой. Считается, что в таком случае удача не сможет покинуть усадьбу[18]. Фасад жилого дома либо вход во двор стараются ориентировать строго на юг. Жилой дом располагается всегда в северо-восточном углу, в западной части усадьбы находятся хозяйственные постройки, в северо-западном углу – туалет, в юго-западном – колодец. Пространство между домом и входом в усадьбу (двор) занимает сад. Коньковая балка дома должна быть направлена по оси восток – запад. Нельзя также располагать балки под прямым углом, поскольку такое расположение напоминает погребальный колокол. Считалось, что неправильное расположение жилища может отрицательно повлиять на благо-

[18] *Окуда Масао, Миёси Тоити.* Рю:кю: Яэяма но дэнто:тэки каоку = Традиционное жилище на о-ве Яэяма архипелага Рюкю // Миндзокугаку кэнкю. 1974. Вып.39, №2. С. 183.

получие живущих и наоборот, правильно сориентированное жилище способно помочь хозяевам сохранить здоровье и материальное благополучие[19].

Домашняя деятельность семьи проходит в основном во дворе – женщины и девочки моют посуду, готовят корм для скота, делают соевую пасту. Здесь же находится небольшой огород с овощными культурами. В хозяйственной части усадьбы размещаются курятник, свинарник или загон для коз. Еще в начале прошлого века на островах Рюкю существовал обычай совмещать отхожее место и свинарник. Об этом обычае упоминал Н.А. Невский. Писал о нем и П.Ю Шмидт: «В отличие от Японии на островах Лиу-Киу почетное место в хозяйстве населения занимает свинья. Местная порода – мелкие, черные, с невероятно отвислым, почти волочащимся по земле брюхом. Свинья играет важную роль санитара и ассенизатора. К удивлению, лиукийские земледельцы не ценят, как в Японии, самого драгоценного удобрения, и отхожие места устраиваются таким образом, чтобы свиньи могли питаться человеческими извержениями»[20].

Каждая усадьба обычно окружается высоким (2–3 м) забором из бамбука, камня или кораллов. Высокие прочные заборы защищают дом от ураганных ветров во время тихоокеанских тайфунов. Ворот или калиток в заборе не делается. Вместо них в изгороди оставляется широкий проем, а за ним на некотором расстоянии ставится *хинпун* – «заградительная» стена, размером чуть шире проема. Она закрывает вход от постороннего глаза. Ранее считалось, что кроме чисто утилитарной функции хинпун несла и сакральную нагрузку – служила щитом, защищающим дом от злых духов. Чтобы войти в дом, необходимо было обойти стену с одной либо с другой стороны. Если визит наносился официальным лицом, то посетитель огибал стену

[19] *Окуда Масао, Миёси Тоити.* Рю:кю: Яэяма но дэнто:тэки каоку. С. 182

[20] *Шмидт П.Ю.* На островах Лиу-Киу. Л. : П.П. Сойкин, 1929. С. 51.

динамичные взаимоотношения между миром природы, человеком и сверхъестественным. Для окинавцев вся Вселенная, живая и неживая, заселена мириадами божеств – *ками*. Во многом они похожи на японских ками, хотя менее персонализированы, чем божества японского пантеона. Они не имеют ярко выраженных антропоморфных черт.

Сами рюкюсцы не выделяют каких-либо категорий божеств, однако ученые, склонные к систематизации, делают попытки организовать многочисленных ками в отдельные группы. Выделяются, в частности, небесные (высшие) ками, морские, ками солнца, воды, места, очага, священной рощи, дома, колодца, поля, ками занятия (кузнецов, рыбаков, шаманок и жриц), ками, обитающие в определенных материалах (дереве, камне) и т. д.

В отдельную группу выделяются духи – предки, они обеспечивают связь между живущими потомками, миром ками и *каминтю (ками-сама)*. С одной стороны, так обозначают человека, обладающего способностью общаться с духами, с другой – в силу этой способности ему самому присуща некая святость. Каминтю называют окинавских жриц.

Ками не являются всеведущими или всемогущими, но они обладают властью, которая недоступна людям, они могут влиять на жизненные события и изменять их. По сути своей ками эмоционально нейтральны, они ни хорошие, ни плохие. Взаимоотношения людей с ками строятся на основе соблюдения ритуальных обязательств. Если ритуалы исполняются должным образом, то отношения между людьми и божествами будут гармоничными. Дисгармония приведет к несчастьям и бедам.

Религиозные системы находят свое отражение в особых институтах. Особенность Окинавы в том, что здесь параллельно существовали и до сих пор сохраняются и жреческий культ, и полноценный шаманизм. В Японии жреческие культы божеств-ками (синто) вытеснили осколки шаманизма на периферию географии и культуры (японских шаманов можно

встретить только на крайнем северо-востоке Хонсю, в префектуре Аомори).

Если говорить о соотношении между жреческим культом и шаманством, то в целом можно отметить, что жреческие культы – это «позитивные» культы общины или кровнородственной группы: они обращены к божествам-ками и связаны большей частью с процессами жизни и роста, т.е. с сельскохозяйственным циклом. Для шаманизма характерны «негативные» индивидуальные обряды: шаманки заняты лечением, изгнанием разных бед и скверны, обрядами, связанными со злыми духами и покойниками.

Одной из особенностей жриц и шаманок является *саадака-умари* – рождение с высокой духовной силой. Факт подобного рождения означает, что человеку уготована судьба, связанная со службой ками. *Саадака* (высокую духовную силу) нельзя приобрести и нельзя отвергнуть, это знак избранности. Родившаяся с саадака девочка должна стать либо жрицей, либо шаманкой. Природу саадака определяет действующая шаманка, чаще всего это происходит сразу при рождении.

Саадака-умари означает потенциальную возможность владеть *сидзи*. Понятие сидзи в целом можно определить как дух, сила, власть божества– ками. Возможность совершать определенные ритуалы и обряды для жриц и шаманок связана с их способностью обладать сидзи. У каждой шаманки и жрицы есть *тидзи* – определенное божество (категория божеств) или дух-предок, которым они служат и которые руководят ими в их обрядовой деятельности.

Большинство потенциальных шаманок и некоторые жрицы испытывают *ками-даари* (подобие шаманской болезни). Ками-даари сопровождается определенными психосоматическими расстройствами: частыми продолжительными головными болями, судорогами в конечностях, галлюцинациями, летаргическими состояниями. Нередко такое состояние длится несколько лет. Обычно это «заболевание» не поддается диагностике и лечению даже самыми современными методами медицины.

справа, и его провожали в лучшую комнату *итибандза*. Пришедшие с дружеским визитом огибали стену слева. Японские исследователи традиционного жилища на о-ве Яэяма отмечают, что во время религиозных праздников с участиемряженых справа заходят те, кто изображают божества. Остальные жители деревни, а также приезжие должны входить в дом только слева. Таким образом, выявляется значение понятий: «правый» – священный, официальный, «левый» – простой, обычный [21].

Среди хозяйственных построек самым главным является амбар, в котором хранят продукты и зерно. В прошлом главные амбары *кура*, принадлежащие нескольким хозяйствам, выносились в особую часть поселка и находились вне усадеб. Конструкция амбара своеобразна. Он стоит на четырех, шести и даже восьми массивных сваях на уровне метра от земли. Снизу сваи скреплены прочными перекладинами. На верхних концах свай настилается дощатый пол, на него опираются стропила пирамидальной крыши. Попасть в амбар можно по приставной лестнице.

Подобные амбары на высоких сваях встречаются у айнов. Внешне они очень похожи на рисунки на колоколах *дотаку* на острове Хонсю. Крыша амбара по форме напоминает индонезийскую, в частности, батакскую архитектуру, коньковая балка опирается на особые сваи, поставленные в стороне от торцовых стен дома. Такая конструкция до наших дней сохранилась в архитектуре старинных японских храмов в Идзумо и Исэ. В Индонезии она встречается по сей день[22]. Такие строения неизвестны ни в Корее, ни на Северном Кюсю, который принял первую волну массовой миграции с Корейского полуострова. Этот факт, вероятнее всего, подтверждает гипотезу о том, что в древности на всей территории японского архипелага, включая

[21] *Окуда Масао*, Миёси Тоити. Рю:кю: Яэяма но дэнто:тэки каоку. С. 184.

[22] *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1961. Т. 73. С. 154.

Хоккайдо и острова Рюкю, существовал общий культурный комплекс.

Строительство жилого дома у рюкюсцев сопровождается рядом ритуалов. Прежде всего семья должна выбрать благоприятный для постройки год, для этого следует проконсультироваться у юта (шаманки). Перед началом строительства юта совершает обряд, во время которого сообщает духам причину постройки нового дома и просит их удалиться с места строительства. На этапе возведения крыши также проводится специальный ритуал. После завершения строительства снова приглашают шаманку, которая произносит молитвы в углах дома: «Охараи кудасай! (уходите, пожалуйста). Дух дерева, дух металла, дух песка – покиньте этот дом!»[23] Спустя некоторое время, в благоприятный день шаманку приглашают, чтобы помочь перенести из старого дома в новый *хинукан* – домашний очаг. Заключительным является ритуал *янусудзи*, который проводит деревенская жрица *норо*. Если шаманка изгоняет злых духов, делает «*о-хараи*» (очищает дом от неприятностей), то норо делает «*хаитте*», т.е. наполняет новый дом добрыми духами.

В целом традиционный хозяйственно-жилой комплекс рюкюсцев отличается значительным своеобразием, сочетая в себе черты «южного» (малайско-полинезийского) происхождения, элементы японской и китайской архитектуры и значительный пласт местной культуры.

§2. Религиозные культы Окинавы

Традиционная религия рюкюсцев имеет определенное сходство с японским синто. Возникла она, как и синто, из местных культов природы, поклонения местным, родовым и племенным божествам. Традиционная окинавская религия, основанная на принципе взаимозависимости, предлагает

[23] *Sered Susan*. Women of the sacred groves... P.157.

«Выздоровление» наступает после того, как они приступают к выполнению своих жреческих обязанностей или шаманской практике.

Жреческий культ Окинавы, очевидно, имеет некоторые общие корни с традиционными японскими культами божествками, в которых, по мнению многих ученых, в древности женщины так же главенствовали. Показательно, что и Кикоэогими и жрицы норо носили ожерелье с каплевидными или комма-образными нефритовыми бусинами *магатама*, которые аналогичны священным символам синтоизма и регалиям императоров Японии. Очевидно, что божественная пара, брат и сестра рюкюского космогонического мифа, имеют определенное сходство с прародителями японцев Идзанами и Идзанаги. В храме Исэ, главном синтоистском храме Японии, тесно связанном с семейным императорским культом, верховная жрица – принцесса из императорской фамилии. Эта должность существовала с глубокой древности до упразднения в 1868 г., была восстановлена в 1946 г.[24] Однако с V–VI вв. н.э., когда императорский двор начал брать под свой контроль деятельность синтоистских храмов, наиболее важные обряды стал исполнять император, эта его функция сохраняется по сей день. В рамках японской синто–буддийской модели женщина утратила главенство в религиозной сфере.

На Окинаве буддизм не получил такого распространения, как в Японии. Здесь с глубокой древности сохраняется социальная модель, при которой мужчина стоит во главе политической, светской власти, а женщина осуществляет всю ритуальную практику. Женщина должна принадлежать к тому же роду, что и мужчина. Многие исследователи выделяли те особые отношения, которые существуют между братом и сестрой на Окинаве. Старшую сестру здесь называют не просто *унари*,

[24] *Арутюнов С.А., Светлов Г.Е.* Старые и новые боги Японии. М.: Наука, 1968. С. 17.

онари, умэнай (яп. *анэ* или *о-нэсан*), а *унари-гами* – сестра-ками, т.е. она является духом-хранителем своего брата[25].

Тесная духовная связь брата и сестры нашла отражение в фольклоре местных жителей. На эту тему существует множество сказок, песен, пословиц. Например, про счастливый брак говорят: «Они счастливы, как брат и сестра!»[26] Среди записок Н.А. Невского нам встретилась такая колыбельная:

Так как я буду лелеять [тебя], братчик [мой]
(сестричка моя), бай-бай!
Тятьку поддерживающим ребенком вырасти, баюшки-баю!
Так как я буду лелеять [тебя], братчик [мой]
(сестричка моя), бай-бай!
Мамку поддерживающим ребенком вырасти, баюшки-баю!
То, чем владеют братья – большой серп! бай-бай!
То, чем владеют сестры – сундучок [27].

На Окинаве распространен обычай, когда мужчина носит амулет, полученный от сестры. Это может быть прядь ее волос, кусок ткани, который она соткала, любая другая вещь, выбранная ею в качестве оберега. Дуглас Хэринг в своем исследовании приводит историю одного местного жителя, который был убежден, что вернулся с войны невредимым потому, что никогда не забывал надевать платок, данный ему сестрой [28].

Взаимоотношения брата и сестры перевешивают остальные человеческие узы по прочности и долговечности. Брачные узы могут распасться по многим причинам, но связь между братом и сестрой не может прерваться, поскольку они принадлежат одному роду, они – одного корня. Подобные представления, возможно, могли сложиться у рюкюсцев в эпоху, когда основу

[25] *Haring Douglas G.* Chinese and Japanese influences // Ryukyuan culture and society. Honolulu : University of Hawaii press., 1964. P. 45.
[26] Ibid.
[27] Фонд Невского Н.А. Рюкю, Мияко (разное) //Архив ИВ РАН. СПб., филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. № 223.
[28] *Haring Douglas G.* Chinese and Japanese influences. P. 45.

хозяйственного уклада составляло рыболовство в сочетании с охотой и собирательством. Охота и рыболовство, сопряженные с немалым риском, были прерогативой мужчин. Пока мужчина был на охоте или в море, за его благополучное возвращение молилась сестра – женщина, связанная с ним кровными узами.

Ответственность, которая ложилась на мужчину как главу коллектива, требовала духовной поддержки его унари-гами. В древности главой кровнородственного клана становился его основатель, рядом с ним находилась его сестра, которая молилась за весь клан. С усложнением социальной системы, появлением общин и деревень лидерство в них поддерживалось мужчинами из рода основателей деревни, а их сестры становились жрицами общины – *норо*. В руках главной жрицы, ведущей свое происхождение из рода князя адзи, находилась вся ритуальная деятельность в рамках княжества. С появлением в XV в. централизованного Королевства Рюкю был введен статус Верховной жрицы – *Кикое-оогими*. Таким образом, на архипелаге сложилась централизованная религиозная система, просуществовавшая до аннексии Королевства Японией. Верховная жрица, лишенная государственной финансовой поддержки, потеряла свою реальную власть в начале XX в., а в 1944 г. умерла последняя представительница из рода Великих жриц. В настоящее время жрицы норо продолжают выполнять религиозные церемонии на уровне общины и родственной группы.

Термин *норо* (*нуру*), применявшийся ранее для обозначения деревенских жриц, сейчас используется как собирательный термин для всех окинавских жриц, хотя сами они предпочитают называть себя ками-сама, или каминтю. По-прежнему в большинстве случаев сохраняется традиция передачи этого поста по наследству, но теперь жрицы могут передать его не только дочери старшего брата, но и своим дочерям и невесткам.

Хотя жрица рождается избранной, к началу активной самостоятельной деятельности она приступает, как правило, в достаточно зрелом возрасте. Сьюзан Сирид отмечает: «Для ка-

минтю типично быть инициированной на рубеже 30–40 лет, а начать активную практику в 50 или 60 лет»[29]. Путь становления ками-сама оказывается очень длительным, и смысл здесь не в том, чтобы совершить серию регламентированных действий или пройти этап символической «смерти» и «нового рождения». Процесс становления совершается внутри самой жрицы, естественно и постепенно, она должна сама прийти к пониманию и осознанию своей роли не только носительницы определенного статуса служительницы божества, не только посредницы между божествами и людьми. Она должна почувствовать божество внутри себя. По словам Сирид, наиболее опытные жрицы говорят, что «лучше всего понять, что ты и есть ками-сама»[30].

На этом долгом пути существуют, безусловно, этапы прохождения обрядовых действий. Как уже отмечалось, многие потенциальные жрицы испытывают симптомы ками-даари. После многолетних консультаций с шаманками они приходят к пониманию своего саадака-умари. Чтобы принять окончательное решение стать действующей жрицей, иногда требуются десятилетия. Затем ее предназначение обсуждается всем кланом или общиной. Когда все соглашаются с ее будущей ролью, она ставит в известность норо и других жриц. Норо назначает день посвящения – *анай но нэгай* (прошение об объявлении). Все время до посвящения будущая жрица навещает родственников и священные места, разговаривает с действующими жрицами, что должно придать ей духовной силы. За неделю до церемонии женщины родного клана шьют ей белое кимоно, причем оно должно быть сшито за один день, определяемый по китайскому лунному календарю, с соблюдением правил (например, женщины, начинающие кроить кимоно, должны быть рождены в год мыши). Завершает ритуальный цикл перед посвящением молитва, в которой говорится о том, что предыдущая

[29] *Sered Susan.* Women of the sacred groves. New York : Oxford University press., 1999. P. 87.

[30] Ibid. P. 173.

жрица должна подвинуться, чтобы ее место могла занять будущая каминтю.

Церемония посвящения проводится в *утаки*. На середине пути к месту посвящения будущая жрица впервые надевает белый халат. В священной роще норо объявляет претендентку каминтю. Все молятся и передают ритуальную чашечку сакэ. Будущая жрица приносит с собой в красной чашке, взятой из дома норо, взбитый яичный белок. Норо кладет каплю белка на лоб будущей жрицы, остальные жрицы напоминают ей о необходимости намазать каждую щеку, начиная с правой. Будущая жрица благодарит всех и просит учить ее. Покинув утаки, жрицы направляются в храм, во дворе которого готовится угощение, все члены клана широко празднуют это событие. Несмотря на совершенный обряд инициации, жрица не всегда сразу приступает к ритуальной деятельности.

Ритуалы, связанные с сельскохозяйственным циклом, проводятся в рамках общины и представляют собой две церемонии – просьбы богам о даровании хорошего урожая накануне посадки семян (в прошлом посадка производилась в тот день, на который указывали жрицы) и благодарственные молебны после сбора урожая. Все эти церемонии по сути своей – празднества, в них принимает участие вся община. За день до проведения ритуала жрицы посещают священные места, извещают божества о готовящейся церемонии и приглашают принять в ней участие. Священным считается место, куда спускаются божества. Кроме священной рощи утаки таким местом может быть холм, гора, пещера, дом основателя деревни (ния или мутуя), дом, где жила деревенская жрица норо, или любое другое сакрализованное пространство. В прошлом накануне церемонии жрицы уединялись в священном месте и всю ночь проводили в молитвах, очищаясь и готовясь к ритуальным действиям.

Для японцев чистота физическая и чистота духовная практически синонимичны, поэтому обычно культовая служба

включает элементы очищения. Во дворе каждого синтоистского храма стоит бадья с водой, все пришедшие в храм должны вымыть руки и прополоскать рот. Кроме того, священники *каннуси* производят массовое очищение в храме: обмахивают собравшихся бумажной махалкой *хараи-гуси*, обрызгивают соленой водой или осыпают солью. В окинавской культовой службе обряды очищения отсутствуют, здесь духовная «чистота» предполагает свободу от воздействия злых духов, хотя определенные запреты для каминтю, призванные поддержать ее «чистоту», существуют. В настоящее время они не так строги. Раньше норо жила очень уединенно, ее дом стоял обособленно, рядом с утаки. Минимальное общение с внешним миром помогало уберечься от скверны. Существовали предписания, касающиеся употребления пищи и напитков, в частности, нельзя было есть мясо накануне и в дни церемоний. Сегодня жрицы ведут жизнь, практически ничем не отличающуюся от жизни любой другой женщины, и только в дни церемоний они становятся ками-сама.

Церемония начинается с молебна в деревенском храме, раньше это был дом общинной жрицы, в настоящее время – отдельное строение. Здесь расположен алтарь и *хинукан* – главный очаг общины. На алтарь ставятся благовония, а на хинукан выливается сакэ. Жрица и ее помощницы, преклонив колени и сложив руки вместе, молятся некоторое время. После молитвы в храме жрицы отправляются в главное сакральное место деревни – священную рощу *утаки*. Это небольшой, заросший деревьями и кустарником участок с поляной посредине. Здесь стоят большой камень – алтарь, каменные скамьи и курильница благовоний. Считается, что в рощу в ритуальные дни спускаются боги, с которыми и общаются норо. Здесь нельзя шуметь, жрицы произносят свои молитвы тихим речитативом. В прошлом в священных рощах не разрешалось рубить дрова и собирать хворост в определенный период времени до и после церемоний. Сегодня этот запрет действует лишь в день церемонии. Кроме того, в утаки запрещалось заходить чужеземцам

и мужчинам. Во времена Королевства в национальных ритуалах, проводимых в утаки, могли принимать участие король и главный министр, но они должны были переодеться в женское платье. В настоящее время единственным мужчиной, которому разрешено участвовать в церемонии, является помощник норо. Он обычно несет церемониальные еду и напитки, расчищает тропинку от ползучих растений, следит, чтобы не попалась ядовитая змея хабу. До начала ритуала зажигает благовония.

Перед тем как войти в рощу, жрицы надевают традиционные белые халаты, белые повязки и венки из листьев на голову. Главная жрица носит нефритовое ожерелье, самая большая бусина которого по форме напоминает коготь. Ритуальная одежда обычно хранится вдали от чужих глаз, перед тем, как надеть ее, жрица просит у божеств извинения. К ритуальной атрибутике жриц можно также отнести большие веера, специальные ящички, в которых приносятся подношения божествам, барабаны.

Подойдя к алтарю, главная на церемонии жрица садится на корточки, коротко молится, кладет на алтарь рис и выливает сакэ. Затем она присоединяется к остальным жрицам, и они молятся все вместе. Молитвословия *оморо (умуи)* должны произноситься на местном диалекте. Как правило, древние оморо передавались устно из поколения в поколение. Язык обращения к ками изобилует использованием почтительных форм и превосходных степеней. Некоторые обычные вещи, используемые в церемонии, могут иметь особое название. Например, вода, предлагаемая божествам, обозначается совсем другим словом, нежели обычная вода. В отличие от синтоистских священников *каннуси*, которые перед началом молитвы хлопают в ладоши, а молитвы читают громко и нараспев, окинавские норо в ладоши не хлопают и молятся тихо. В целом вся церемония отличается эмоциональной сдержанностью.

После священной рощи действие церемонии переносится на деревенскую площадь в *ками-асаги* – открытый со всех

сторон навес, под ним на массивном бревне сидят жрицы. Здесь все жители едят угощение, приготовленное к празднику, пьют вино, поют и веселятся. Совместная трапеза, в которой участвуют, как считается, и божества, – очень важный момент ритуала. Совместное принятие пище укрепляет взаимоотношения между людьми, предками и божествами[31]. Каких-то специальных блюд не готовят, единственным требованием к ритуальной пище является особая тщательность ее приготовления и отменные вкусовые качества. Кроме того, если, например, чествуют морское божество, то едят много рыбы. На буцудан стараются класть те блюда, которые любил предок.

Среди подношений обязательным считается напиток, в настоящее время это чай и сакэ, в прошлом жрицы, ее помощницы или специально выбранные молодые девушки делали особое церемониальное вино – *мики*. Для его приготовления очищенный от кожуры рис размачивали в воде, после чего, удалив излишнюю влагу, толкли в ступе. Полученную муку варили до состояния клейстера, затем, очистив рот солью, хорошенько разжевывали. Полученную массу снова разбавляли водой и помещали в плотно закрытый глиняный горшок. Приблизительно на пятый день вино было готово[32]. Этот обычай был запрещен как «варварский», он исчез накануне Второй мировой войны.

Другим важным ритуалом является праздник поминовения предков – *сэймэйсай*, который отмечается в рамках общины, клана, а также в семейном кругу. В день поминовения все члены клана собираются у общей гробницы и делят трапезу с предками. Если участие в обрядах, непосредственно связанных с захоронением, для норо запрещено, то присутствие ее во время ритуала поминовения обязательно.

---

[31] *Sered Susan*. Women of the sacred groves... P. 115.

[32] Фонд *Невского Н.А.* Язык Мияко. «miki» – исследование слова // Архив ИВ РАН. СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. №165.

В рамках кровнородственной группы проводятся празднования Нового года (по лунному календарю), обряды совершеннолетия. Почти в каждой окинавской деревне имеются свои праздники, в которых принимают участие жрицы: дни весеннего и осеннего равноденствия, празднества в честь божества, которое считается покровителем деревни, ритуалы в честь предка–основателя. Обязательны чествования морских божеств, от которых зависит улов. Почти на всех церемониях присутствие жриц обязательно. Они, как воплощение божества, подобно не имеющим телесной оболочки ками, излучают положительную духовную энергию, своим присутствием поддерживают окружающий мир в состоянии естественного равновесия и гармонии.

Шаманство относится к тому религиозно-культурному явлению, которое, несмотря на вековую историю изучения, так и не получило ясного и точного определения, убедительного для большинства специалистов. В рамках данного исследования адекватным представляется определение, данное С.А. Колодезниковым: шаманство – «...социоцентрированная система религиозно-обрядовых действий, связанных с личностью шамана»[33].

Шаманство – феномен культурно-исторический, а это значит, что «...шаман проявляет свой дар только в обусловившей его культурной среде, а именно: в определенном этнической традицией пространстве и времени; в определенной аудитории, социализированной адекватно этнокультурной системе ценностных доминантных свойств группы»[34]. Иными словами, способность шамана к психоэнергетическим воздействиям проявляется в конструктивном ключе только в его этнической социокультурной среде.

[33] Шаманизм как религия: генезис, реконструкции, традиции: материалы междунар. науч. конф. Якутск, 1992 // ЭО. 1993. №5. С. 150.

[34] *Банников К.Л.* Наука и шаманство: Диалог мировоззрений // Восток 1997. №5. С. 163.

Как отмечалось выше, окинавские шаманы – преимущественно женщины, мужчины среди них встречаются редко. Иногда мужчины, исполнявшие роль шамана, описываются как «мужчины-женщины». Разумеется, речь идет не о сексуальных отклонениях, а о ритуальном трансвестизме. Нередко мужчины–шаманы имеют какие-либо физические недостатки: они могут быть слепыми, не иметь, например, руки, страдать от тяжелой болезни. Их физическая ограниченность является препятствием для выполнения ими сугубо мужских функций, поэтому они играют роль, которая ассоциируется, прежде всего, с женщиной. Отсюда и название «мужчина – женщина».

Интересные параллели с шаманством рюкюсцев прослеживаются в древнем Китае. Артур Вэйли отмечает, например, что в северном Шандуне старшей дочери в семье не разрешалось выходить замуж. Ее называли «шаманское дитя», она была ответственна за исполнение религиозных церемоний в семье, причем этот обычай фиксируется примерно с 80-х гг. н.э.[35] Не исключено, что и корни древней рюкюской традиции нужно искать в Южном Китае или Юго-Восточной Азии.

Для обозначения шамана на Окинаве наиболее широко применяется термин *юта*. По мнению У. Лебра, он произошел от глагола *ююнг,* что означает «трястись», «дрожать». «По крайней мере, в настоящее время шаманка, которая не дрожит и не трясется во время исполнения ритуала, считается слабой, мало контролирующей свою духовную силу»[36]. Сами шаманы полагают, что это слово имеет унизительный оттенок, и предпочитают более общий термин *каминтю*. В то же время каждая шаманка имеет свою «специализацию» и в зависимости от нее носит определенное название. Например, *синма* называют в основном медиумов; *юу-дати* – тех, кто обладает способностью

[35] *Waley Arthur.* The nine songs. A study of shamanism in ancient China. London George Allen and Unwin Ltd, 1955. P. 10.

[36] *Lebra William P.* The Okinawan shaman // Ryukyuan culture and society. Honolulu : University of Hawaii press, 1964. P. 94.

общаться с умершим в течение 49-ти поминальных дней и т.д. Иногда шаманок называют *канкакаря* (одержимая богом). И все-таки наиболее широко применяется термин *юта*.

Самой первой предпосылкой, чтобы стать шаманкой, является *саа-дака умари*. Иногда потенциальные шаманки не сознают свое саа-дака умари и свою судьбу как избранников божеств до определенного времени (обычно до позднего подросткового возраста). Тогда ками прибегают к *сираси* (предупреждение), которое выражается в форме неопределенного болезненного состояния, сопровождающегося слуховыми и зрительными галлюцинациями, сомнамбулизмом, отсутствием аппетита. На этой стадии потенциальная юта обращается к практикующей шаманке, которая определяет наличие у нее саа-дака умари. Но только единицы соглашаются с предназначенной судьбой и приступают к выполнению функции шаманки. Большая же часть неофитов пытается избежать своего избранничества, либо стараются оттянуть начало выполнения своих обязанностей. Тогда божества наказывают их, заставляя пройти стадию *ками-даари* (священное проклятие).

Практикующая шаманка может дать несколько советов, как надо молиться и что делать, чтобы «выздороветь», но будущая шаманка должна самостоятельно вылечить себя. Потенциальная шаманка не должна заменять или дублировать практикующую, ей нужно найти собственный путь.

После того как будущая шаманка определилась в своем намерении служить духам, ее основной задачей становится поиск и определение ее *тидзи*. Зачастую тидзи шаманки – это божество, которым стал вполне определенный предок. Обычно поиск тидзи – долгий процесс, включающий посещение наиболее почитаемых мест и консультации с множеством шаманок. Особое внимание в этот период обращается на необычные сны и галлюцинации, поскольку именно они могут помочь определить то божество или того духа-предка, которому призвана служить будущая шаманка. В течение этого периода болезненные симптомы ками-даари продолжают ее беспокоить, но ста-

новятся менее мучительными, когда она выражает намерение искать тидзи. Достижение этой цели даёт начало регулярным ритуальным контактам новой шаманки со своим персональным ками. Многие юта признаются, что на заре своей карьеры не собирались заводить клиентуру, но родственники, друзья и соседи вынудили их к этому, аргументируя тем, что если они сумели помочь себе, то теперь их долг помочь другим.

Особенностью окинавского шаманства является и то, что юта не проходят так называемый этап «ученичества», подготовки к шаманской деятельности. Это отличает их от шаманок «основной» территории, для которых важное значение имеет *сюгё* – тренировка, упражнение. Сюгё включает проживание в горах, обливание водой в холодное время года, уединение в маленькой хижине, чтение сутры «Воплощенная мудрость» дважды в день в течение трех недель. Все это не является принуждением или обязательством, важно, что будущая шаманка субъективно воспринимает *сюгё* как обряд, который она должна пройти, чтобы стать полноценной шаманкой. Многие шаманки Японии с гордостью говорят, что они с честью выдержали все трудности периода сюгё[37]. Но окинавским юта не нужно проходить через подобные испытания, поскольку они уже родились с высокой духовной силой (*саадака-умари*), для них важно лишь осознание этого факта. Своеобразной сюгё для них становится поиск божества-наставника – *тидзи*.

Первооснова шаманской деятельности – лечение или иная конкретная помощь. Например, шаманки могут толковать сны, предсказывать будущее, совместимость с супругом или супругой, разорение. Шаманки также способны общаться с душами умерших и передавать от них послания живущим родственникам. После смерти близкого человека многие люди обращаются к юта, чтобы узнать, не страдает ли его душа. Нередко

[37] *Икэгами Ёсимаса.* Миндзоку сю: кё: то сукуи — Цугару, Окинава но минкё = Народные шаманы Окинавы и Цугару в свете традиционных верований. Киото : Танкося, 1992. С. 154–155.

приглашают шаманку, чтобы выяснить, как лучше расположить свое жилище, ведь от ориентации дома в пространстве зависит здоровье и удача его обитателей. Приглашают юта и в первые дни Нового года, чтобы попросить удачи для семьи в новом году. Таким образом, роль шаманок весьма разноплановая, но их деятельность обусловлена главным образом отсутствием в традиционном мышлении окинавцев концепции безличной причинности, т.е. любое событие или несчастье имеет определенную причину. Роль юта как раз и заключается в том, чтобы обнаружить истинную причину несчастья (болезнь, неудача, экономический кризис и т.д.) и устранить ее или порекомендовать, как это сделать. На это направлен ее особый шаманский дар.

Часто причиной болезни может быть пропажа *мабуи*. Мабуи – витальная, поддерживающая жизнь человеческая душа. Локализуется она обычно в груди, внезапный испуг или шок может привести к потере мабуи и, как следствие, к заболеванию. Определив, что причиной внезапной болезни стало исчезновение мабуи, юта проводит ритуал *мабуи-гуми* – вместе с членом семьи заболевшего молит о ее возвращении. Однажды отделившись от тела, мабуи направляется к месту погребения человека, если она окажется внутри гробницы, то даже самый опытный шаман не сможет вернуть ее обратно[38]. Лишившись мабуи, человек умирает. Душа умершего человека либо пребывает в гробнице в течение 49 дней (срок траура на Окинаве), а потом отправляется в рай, либо навсегда остается в гробнице предков. Однако мабуи человека, умершего насильственной смертью, не попадает в гробницу, а становится «привидением», насылающим бедствия на живущих[39].

В основе причин несчастий лежит особый характер отношений, связывающих человека с окружающим миром, богами

[38] *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Honolulu : Hawaii press, 1966. P. 25.

[39] Ibid. P. 26.

ствами и предками. Н.А. Невский отмечает, что большей частью причиной болезни оказывается «*tatal* (яп. «*матари*» – «возмездие») того или иного божества или животного, вызванное невниманием к божеству, убийством, увечьем, побоями, причиненными какому-либо живому существу, и т.д.»[40] «Из оракула шаманок больной узнает также, когда ему суждено поправиться. При этом шаманки иногда предписывают чествовать так называемого *mar-gam*, т.е. «бога-хранителя», для которого в *nibanja* подвешивают специальную полку несколько ниже потолка, и чествуют его как своих предков, поднося вино, чай, цветы и пр. Чествование mar-gam – исключительно женская обязанность. О благотворном влиянии mar-gam на жизнь обитателей дома можно судить хотя бы по распространенному выражению – «после приглашения хранителя, как бремя спало»[41].

Причиной несчастий человека может быть его особая мистическая связь с предками. В системе традиционного мировоззрения существует концепция *мани-гуту*. Окинавцы твердо верят, что поведение человека в этом мире повлияет на жизнь его потомков, а деятельность предков отражается на живущих. Наказание за проступки предков могут обрушиться на потомков. Обычно форма наказания связана с тем проступком, который совершил предок. Особенно неприемлемыми как для ками, так и для общества являются акты насилия. Окинавцы считают, что убийца и его жертва несут наказание за своих предков, склонных к насилию[42]. Бывает и так, что у человека есть так называемые «брошенные, забытые» духи-предки. Например, человек умер далеко от дома, его дух остался в том месте, где он умер, брошенный и забытый, дух страдает, и эти страдания становятся причиной несчастий его потомка. Цепная реакция мани-гуту может быть остановлена только путем выяснения

[40] *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* Николай Александрович Невский. М.: Наука, 1978. С. 111.

[41] Фонд *Невского Н.А.* Этнография Мияко. Лечение болезней // Архив ИВ РАН. СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. №202.

[42] *Lebra William P.* Okinawan religion... P. 39.

всех обстоятельств, которые ее вызвали. Здесь необходима помощь юта. Ее задача – разорвать негативную связь между предком и потомком и завязать качественно новую.

В основе причин несчастий могут лежать также отношения человека с живыми людьми, ревность и зависть, возникающая в ходе этих отношений. Здесь мы сталкиваемся с таким понятием, как «мстительный дух живого человека». Когда шаманка узнает, что обратившегося к ней человека беспокоит мстительный дух, то она молит о «возвращении обратно» либо об «удалении, разъединении». В результате благодаря высокой духовной силе юта происходит удаление мстительного духа, ставшего причиной несчастий клиента. Некоторые шаманки считают, что нельзя насильно добиваться удаления мстительного духа, это может привести к прямо противоположному результату: дух станет сильнее. Необходимо отнестись к нему с пониманием и, сочувствуя ему, добиваться удаления[43].

Безусловно, причин, вызывающих различные болезни и несчастья у человека, очень много, задача шаманки с помощью определенных ритуальных действий их обнаружить и дать совет, который бы позволил человеку решить свои беды. Иногда к шаманке приходят всей семьей, хотя разговаривает с юта самая старшая женщина, остальные молча сидят в задней части комнаты. Как и многие другие практикующие религиозные деятели, юта работает по «закону аккумуляции» – на алтаре множество священных предметов, которые могут помочь увеличить ее силу: статуэтки, картины, кристальные шарики, горшочки с благовониями и амулеты из различных синтоистских и буддийских храмов[44]. Шаманка может быть одета в специальный (очень простой) халат. Типичный ритуал начинается с воскурения благовоний. Затем шаманка выяс-

[43] *Икэгами Ёсимаса*. Миндзоку сю: кё: то сукуи – Цугару, Окинава но минкан мико = Народные шаманы Окинавы и Цугару в свете традиционных верований. Киото : Танкося. С. 151.

[44] *Sered Susan*. Women of the sacred groves... P. 195.

няет у клиента состав семьи, включая год рождения каждого из её членов. Все это фиксируется на бумаге. Она может исключить имена тех, кто не проживает в доме или не является близким родственником. Юта очень тщательно записывает точный адрес и *кандзи* (иероглифы) фамилии семьи. Впоследствии она постоянно сверяется со своими записями. Ритуал продолжается словами шаманки «*утоото*» (так начинает любой молящийся) и повторением имен и дат. Каждая юта имеет свою «технику», но чаще всего она поет монотонным голосом. Во время пения шаманка берет щепотку риса и подсчитывает количество зерен, проверяя, получит она положительный или отрицательный ответ. Продолжая пение, считает рис до дюжины и более раз. Во время ритуала ее голос неуловимо меняется в зависимости от того, читает ли она свою молитву или рассказывает информацию, полученную от божества или предка. Она может неожиданно остановиться и задать клиенту короткий вопрос. На столе у нее лежит книга типа святец, основанная на китайском календаре. Она будет использована в конце ритуала, когда юта говорит клиенту, как и когда надо молиться, чтобы прояснить проблемы. Заканчивается прием назначением даты, когда юта вместе с клиентом посетит могилу или храм. Затем клиент вручает вознаграждение и уходит, низко кланяясь[45].

Окинавские юта лишены некоторых особенностей, которые традиционно считаются присущими шаману. В.Н. Басилов, отечественный исследователь шаманизма, пишет: «Немногие видели живого шамана, но каждый живо представляет себе картину, известную по книгам: в полутемной юрте в исступленной пляске мечется человек в причудливых одеждах. Он бьет колотушкой в большой бубен, призывая духов. Его лицо искажено, глаза закрыты. Вот удары становятся чаще и сильнее, вот он увертывается от невидимого врага. В конце сеанса шаман может и упасть без чувств. Потом он расскажет сидящим

[45] *Sered Susan*. Women of the sacred groves...P. 195–196.

в юрте людям о своей встрече с духами»[46]. Такое описание подходит шаману Сибири и европейского Севера, Дальнего Востока, Средней Азии и Америки. Юта же носит простые белые одежды, во время сеанса сидит спокойно и песнопения свои произносит тихим голосом. Юта не путешествует в экстазе по небесным или подземным мирам, ее обряд инициации не имеет ничего общего с темой ритуальной смерти и последующего «пересотворения». В отличие от шаманов других культур юта, по всей видимости, не имеет большой власти ни над людьми, ни над духами. Роль юта заключается в передаче информации, которую она узнает от своих ками-сама. Она никогда не манипулирует ни людьми, ни духами до такой степени, как это делают шаманы в других культурах.

Безусловно, с течением времени, учитывая модернизацию и технический прогресс современного общества, традиции шаманства претерпели изменения. Но и сегодня люди различных профессий, образования, социального статуса по-прежнему обращаются к юта по тем или иным причинам. И каждый получает, кто облегчение, кто совет, а кто утешение и поддержку. Таким образом, шаманство на Окинаве является этнопсихологической традицией, глубоко укоренившейся в местной культуре.

С религиозными воззрениями рюкюсцев тесно связан **традиционный погребальный обряд**. Традиционный метод погребения умерших на архипелаге Рюкю, который фиксировался в недалеком прошлом, относится к категории так называемого «вторичного захоронения». Термин «вторичное погребение» используется в широкой трактовке, предполагающей перемещение и перезахоронение человеческих останков в любом их состоянии после первичного или временного погребения. В целом вторичные погребения можно разделить на два вида: полностью экскарнированные и частично экскарнированные. В первом случае перезахоронению подлежали уже полностью

[46] *Басилов В.Н.* Избранники духов. М. : Изд-во полит. лит., 1984. С. 5.

скелетированные трупы, утратившие связки и распавшиеся на отдельные скелетные элементы. «Вторичное погребение в «классическом» понимании, принятом, прежде всего, в западной культурной антропологии, предполагает периодическое перезахоронение костей, освобожденных от плоти»[47]. Такой вторичный обряд ярко демонстрирует универсальные для традиционного сознания представления о существовании разных «фаз» смерти. «Прочитываемый «космологический подтекст» вторичного погребального обряда обыгрывает универсальную оппозицию «плоти и кости». После первичного погребения и освобождения костей от плоти, они собираются и вторично захораниваются, служа залогом постоянного обновления жизни»[48].

Возможность возникновения обряда вторичного погребения потенциально заложена в любом традиционном обществе, но необходимо выяснить причины, приводящие к реализации его в погребальной практике того или иного народа в различные исторические периоды. В Японии истоки традиции вторичного захоронения восходят к глубокой древности. По свидетельству Е.С. Бакшеева, уже «...в период дзёмон сформировался культ костей – представления о том, что духовная сущность («душа») человека после смерти заключена в наиболее трудно разрушаемых костных останках, освобожденных от мягких тканей, легко подверженных тлению»[49]. Представления о переходе от жизни к смерти, о посмертном существовании человека проявились в двустадийном погребальном обряде. Бытование обряда повторного захоронения в районе Канто и на северо-востоке Хонсю зафиксировано в период среднего

[47] *Зайцева О.В.* Погребение с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика, исследования и возможности интерпретации : автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 24.

[48] Там же. С. 25.

[49] *Бакшеев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. М. : ИВ РАН – КРАФТ, 2001. С. 20.

яёй. После того как мягкая ткань разлагалась, кости омывали и помещали в керамический сосуд. Хотя к концу яёй этот способ захоронения и был сменен на могилу, окруженную рвом с водой, сама идея повторного захоронения еще долгое время сохраняла свое значение (погребения знати в период кофун, известные как *могари*, когда между временным и постоянным захоронением могло проходить несколько лет)[50].

На архипелаг Рюкю этот обычай проник, видимо, в конце периода яёй. В 1956 г. на острове Танэгасима в местечке Хирота было обнаружено кладбище из 600 индивидуальных захоронений, как первичных, так и вторичных, со следами мойки костей. Орнаментированные прямоугольные раковинные диски располагались вокруг шеи и бедер останков в первичных захоронениях или смешивались с костями – во вторичных. Одна группа скелетов была захоронена в каменных саркофагах, окруженных пирамидами из грубых коралловых кусков. Все скелеты, за одним исключением, были женскими. Методом углеродного анализа возраст захоронений определен в 1470±80 лет[51].

Церемонии, связанные с погребением покойного, начинались, как правило, с омовения тела. Тело обмывалось женщинами-родственницами умершего, после чего на него надевалась лучшая одежда. Мужчины делали простой деревянный гроб. О смерти человека сообщалось всем жителям деревни. «Раньше при известии о смерти все жители тушили огонь в очагах и выбрасывали пищу, приготовленную на нем»[52]. После омовения и одевания покойного укладывали в гроб, закрывая ему лицо. В зависимости от местных обычаев в гроб клали кисет с табаком, обрезанные ногти (их копи-

[50] *Мещеряков А.Н., Грачев М.В.* История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. С. 75.

[51] *Pearson Richard J.* Archaeology of the Ryukyu islands. Honolulu : University of Hawaii press, 1969. P. 44–45.

[52] *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Honolulu : Hawaii press, 1966. P. 196.

ли всю жизнь), высушенную пуповину, окинавскую водку «авамори», чашечки для чая и водки. В некоторых районах считалось, что похороны должны проводиться во время первого отлива после того, как тело подготовят к погребению. Похоронная процессия из родственников, жителей округи, плакальщиц (их число зависело от социального положения умершего) несла открытый гроб к семейному склепу. Гроб помещали в склеп, рядом ставили деревянные сандалии, носками в противоположную от входа сторону, чтобы покойник не мог выйти. Перед тем как покинуть гробницу участники церемонии получали по чашечке сакэ, чтобы очиститься от скверны смерти. Домой возвращались окольными путями с целью запутать дух умершего и не дать ему последовать за живыми.

Поминки проводились в доме покойного каждый седьмой день, начиная со дня смерти. Поминальный цикл завершался на 49-й день, когда проводилась более сложная церемония. В качестве подношения ставился не белый, а красный рис, символизирующий конец периода оплакивания. На домашний алтарь помещалась табличка с именем покойного. После этого в семье поминались первая, третья, седьмая, тринадцатая, двадцать пятая и тридцать третья годовщины смерти.

Австрийская исследовательница Эрика Канэко, анализируя особенности рюкюского традиционного погребального обряда, сделала интересное наблюдение. Она полагает, что с глубокой древности и до недавнего времени существовал обычай, когда в течение недели после помещения гроба в склеп родственники усопшего приходили на место захоронения, здесь они ели, пили, пели песни, стараясь таким образом «утешить» покойного. Кроме того, существовал обычай посещать усопшего 16 января, в этот день поминали всех умерших за истекший год[53].

[53] *Kaneko Erika.* The death ritual // Ryukyuan culture and society. Honolulu : Hawaii press, 1964. P. 26.

Таким образом, жители архипелага Рюкю предполагали, что после смерти душа человека не отлетает вместе с последним вздохом, а еще долго живет в теле до его разложения, т.е. человек «остается живым» и после физической смерти. Отсюда – посещение гробницы, принятие «совместной» с покойным трапезы.

В зависимости от местных и семейных традиций тело оставалось в склепе от года до трех лет (минимум сто дней). Чаще всего вторая стадия погребения проводилась через три года. За это время тело разлагалось окончательно. Обряд очищения костей, как правило, проходил на берегу моря, так как считалось, что морская вода имеет особые «очистительные» свойства. Если погребение располагалось вдали от моря, вместо воды использовали авамори. Процедуру омовения костей проводили женщины, считалось, что у женщин больше шансов изгнать злых духов[54]. Вымытые кости укладывали в погребальную урну в определенном порядке: кости ступней, ног, таза и т.п. Последним укладывали череп таким образом, чтобы глазницы «смотрели» на заднюю стенку урны[55]. Урну помещали в склеп. Останки предыдущего погребения вместе с гробом сжигались. Таким образом, процесс омовения костей понимался как «дефикация» умершего, в ходе которой его дух, очистившись от «грязной» плоти, мог уйти в иной мир.

Профессор Канэко полагает, что в рамках традиционного похоронного обряда на Окинаве помимо общеизвестных двух стадий существовала и третья: по прошествии 33 лет кости умершего извлекались из урны и рассыпались на общей платформе вместе с костями предков. В качестве доказательства этой гипотезы она приводит внутреннее устройство семейной усыпальницы, которая состоит из трех уровней. На самой нижней платформе гробницы ставили гроб, на средней, бо-

[54] *Maretski T. & H. Taira*: an Okinawan village. New York, London, Sidney : John Willy and sons, inc., 1966. P.70.

[55] *Lebra William P.* Okinawan religion... P. 199.

лее высокой, хранились урны с костями умерших и, наконец, третья, самая высокая платформа, служила общим оссуарием. По мнению Канэко, третья стадия означала потерю усопшим своей индивидуальной идентичности как в физическом плане (высыпание костей на общую платформу), так и в духовном – душа покойного присоединялась к многочисленному сонму предков-божеств[56]. Дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы может служить то, что тридцать третья годовщина смерти была последней, которую отмечает семья умершего. После тридцати трех лет его уже никак не выделяют среди других погребенных родственников.

Традиционный погребальный обряд *сэнкоцу* (омовение костей) просуществовал на островах Рюкю до середины XX в. На о-ве Кумэ последний обряд сэнкоцу зафиксирован около 40 лет назад. Не исключено, что и в настоящее время он негласно практикуется в отдаленных уголках префектуры. Но в целом его повсеместно заменил японский обряд кремации.

Как уже упоминалось выше, последним пристанищем большинству окинавцев служат каменные или бетонные склепы. Данный обычай, по всей вероятности, попал на Рюкю с северного Кюсю, куда он был занесен переселенцами из Кореи. Профессор Ё. Каганэи, описывая особенности людей яёй, раскопки останков которых он проводил в префектурах Ямагути и Сага, отмечает, что «их гробы были в виде черепахи или каменного склепа. Видимо, они были связаны с переселенцами с материка»[57].

В прошлом подобные усыпальницы могли позволить себе достаточно обеспеченные слои населения. Крестьяне ставили урны с останками умерших, как правило, в пещерах. Капитан Холл, один из первых англичан, посетивших острова Рюкю в начале XIX в., так описал одно из местных крестьянских

[56] *Kaneko Erika*. The death ritual // Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 25.

[57] *Кожевников В.В.* Откуда пришли японцы? Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та , 2001. С. 94.

кладбищ: «В центре деревни стояло здание, похожее на храм, окруженное каменной стеной. Оно было заполнено элегантными вазами различных форм и размеров, закрытых, стоящих рядами на полу; веранда, окружающая здание, была также заполнена вазами. Согласно объяснениям местных жителей в этих вазах находились останки умерших»[58].

В XX в. фамильные склепы на Окинаве стали повсеместным явлением, их можно встретить практически в каждом населенном пункте, иногда в самом центре поселка. Они представляют собой родовые могильники, в них хоронят членов рода на протяжении нескольких поколений. Склепы бывают двух видов. Одни носят название *кикобо* – «панцирь черепахи» (от «ки» – черепаха, «ко» – панцирь и «бо» – могила). Кикобо имеют три стены, четвертой стеной служит склон холма. Крыша либо выгнута, как спина черепахи, либо ее единственный скат напоминает гигантскую подкову, внешняя сторона которой упирается в землю. Чаще встречается другой вид – с двухскатными крышами. Размеры их – от небольших продолговатых склепов величиной с крестьянскую хижину до мавзолеев аристократов и членов королевской семьи. Многие склепы имеют две камеры: в правой находится гроб с телом до следующей стадии погребального обряда. После обработки останков урну с костями ставят в левую камеру, в которую всегда хоронят жриц рода, им полагается специальный каменный гроб или саркофаг, кроме того, они не проходят обряд «очищения», поскольку считается, что жрицы – посредницы между миром божеств и людей, не могут быть затронуты скверной. При захоронении на них надевают подвески в форме дракона и специальные бусы, которые носят только жрицы.

Особого внимания заслуживает королевский мавзолей Тама-у-дун, расположенный в двухстах метрах западнее церемониальной арки Сюрэй-мон королевского дворца Сюри в Наха – столице Окинавы. Усыпальница была построена в 1501

[58] *Basil Hall.* Account of a voyage of discovery to the west coast of Corea and the Great Loo-Choo island. London, 1818. P. 142.

по приказу короля Сё Сина, чтобы перезахоронить останки его отца короля Сё Эна, и стала королевским мавзолеем второй династии Сё. Мавзолей занимает площадь около 2,5 кв. м и окружен двумя линиями каменных стен высотой 2 м, образующих внешний и внутренний двор с коралловым песком.

Гробница состоит из трех комнат, из них центральная предназначена для хранения останков до церемонии очищения костей, восточная – для королей и королев, западная – для членов королевской семьи. На крыше гробницы находятся скульптуры льва и львицы для защиты от злых духов, сделанные из китайского диорита. Они считаются примером замечательного мастерства древних рюкюских скульпторов. Во внешнем дворе Мавзолея установлена каменная стела, на которой вырезаны имена короля Сё Сина и еще восьми членов королевской семьи, которые могут быть здесь похоронены. Надпись может служить историческим материалом для изучения порядка наследования трона.

Мавзолей представляет собой образец архитектурного стиля того времени, демонстрируя мастерство зодчих и напоминая нам о «золотом веке» Рюкюского королевства, его богатстве и процветании. Мавзолей в настоящее время объявлен Национальной культурной собственностью. В 1992 г. он был передан в префектуральное управление потомками королевской фамилии Сё.

Хотелось бы отметить, что традиционная окинавская религиозная организация включена в контекст социальных институтов, таких как семья, кровнородственная группа, община, а в прошлом и государство. Она не существует как отдельная организация, но является неотъемлемым компонентом социальных институтов, поэтому членство в ней приобретается по праву рождения, а не в результате обращения или акта веры. Базовой идеей традиционной окинавской религии служит имманентность божеств-ками и духов-предков окружающему человека миру. Отсюда следует, что индивидуальная судьба определяется, с одной стороны, гармоничными взаимоотношениями с ками и предками, соблюдением ритуальных

обязанностей и уважением базовых социальных ценностей. Но вместе с тем она – результат наследственности, т.е. поведение человека повлияет в будущем на жизнь его потомков, а деятельность предков может отразиться на живущих.

В этой связи представляется справедливым замечание британского социолога религии Майкла Йорка, что модернизация вовсе не требует отказа от прежних богов. Ведь «...содержание святилищ духов домашнего очага и природы является естественным, а разрыв с этой традицией искусственен и опасен»[59].

Как неотъемлемая часть общественной жизни религия выполняет ряд важных функций: компенсаторную – религия «восполняет» невозможность человека реализовать свои желания и надежды в реальной жизни; регулятивно-воспитательную – провозглашая те или иные нормы, все религиозные системы предлагают определенные образцы социального поведения; мировоззренческую – посредством интерпретаций явлений природы и общества религия формирует у человека соответствующее мировоззрение; наконец, интегрирующую – на основе культа и социальной доктрины возникает возможность сплачивать этническую группу.

§3. Традиционные искусства и ремёсла

Ничто не выражает дух народа лучше,
чем его ремесла...
Джоан Стэнли-Бейкер
«Искусство Японии»

Производство **керамических изделий** – один из самых древних видов ремесел Рюкю. Первое появление керамики на архипелаге отмечено около 6600 лет назад. Однако основные традиционные техники, присущие рюкюской керамике, складывались в период XIII–XVII вв. Традиционно рюкюскую керамику принято делить на *араяки* (неглазурованная керамика) и *дзёяки* (глазурованная керамика).

Стиль араяки возник и получил свое развитие в XV–XVI вв., в период интенсивной торговли со странами Юго-Восточной Азии. Большие керамические сосуды использовались для перевозки авамори. Тибана и Кина – первые печи для производства керамики.

В 1616 г. на Окинаву были приглашены три корейских мастера-керамиста. Один из них – Тё Итироку (яп. Накати Рэйсин) не вернулся обратно в Корею, а обосновался в Наха, в районе Вакута[60]. Изделия вакута-яки стали первыми изделиями, в производстве которых применялась глазурь.

Дальнейшее развитие техники дзёяки связано с именем мастера Хирата Тэнсу. В конце XVII в. его послали учиться в Китай. По возвращении мастер сделал черепичную крышу с фигурой льва на главном зале Сэйдэн королевского дворца Сюри. Он также являлся автором техники глазурования Акаэ. Изделия, выполненные в этой технике, считались самыми высококачественными в окинавском гончарном искусстве. В начале XVIII в. для обучения особенностям местного производства керамики в Сацума был отправлен мастер Накандакари Тигэн. Таким образом, гончарство, как и другие традиционные виды рюкюского искусства, складывалось под влиянием техник, заимствованных у мастеров стран Юго-Восточной Азии, Китая, Японии, Кореи. В сплаве с местными традициями родилась оригинальная эстетика окинавской керамики.

Во второй половине XVII в. правительство взяло производство керамики под свой контроль. В 1682 г. гончарные цеха Тибана, Такарагути и Вакута были соединены в один цех Цубоя (г. Наха), в котором был налажен массовый выпуск гончарных

[59] Цит. по: *Шнирельман В.А.* Рец. на кн.: Michael York. Pagan Theology: Paganism as a World Religion. – N.Y.: New York University Press. 2005 // ЭО. 2007. №2. С. 182.

[60] Ceramics Okinawa's Tableware. [Электронный ресурс] : Uchina Series: Colors and Forms of Okinawa, 2004. URL : http://www.pref.okinawa.jp

изделий не только для внутреннего потребления, но и на экспорт. С того времени Цубоя превратился в целый квартал, где жили и работали мастера – гончары, а само название стало синонимом окинавской керамики в целом. После Второй мировой войны восстановление столицы Окинавы Наха началось именно с Цубоя – местным жителям требовалась черепица для крыш, а также домашняя утварь и посуда. Со временем использование традиционных печей Ноборигама в Цубоя было запрещено, так как они сильно загрязняли воздух, поэтому мастера, придерживавшиеся традиционных методов обжига, нашли другое пристанище, например, в деревне Ёмитан. С 1970-х гг. стали применяться газовые печи. В настоящее время около 15 гончарных мастерских располагаются в Цубоя и более сотни разбросаны по всей префектуре. Существуют целые династии мастеров, сохраняющих традиции гончарного искусства Окинавы. Некоторые мастера продолжают использовать старинные обжиговые печи Ноборигама.

Состав сырья зависит от назначения изделия: для изделий *араяки* чаще всего используются два сорта глины, которые смешиваются в определенной пропорции. Сегодня смешивание, измельчение, просеивание, вымешивание глины производятся в основном машинным способом. После вымешивания глина должна некоторое время «вылежаться», чтобы увеличилась ее вязкость.

Изделия араяки формуют при помощи гончарного круга. Техника формовки зависит от величины изделия. Например, чтобы получить маленькие чайные чашки, на круг кладется большой конусообразный кусок глины, мастер, вращая колесо, делает чашку и готовый сосуд отрезает ниткой. Особый интерес, на наш взгляд, представляет формование изделий больших размеров. Сначала техникой налепных валиков формуется нижняя часть изделия, после чего она высушивается, внутрь помещаются горящие угли или дрова. Затем формуется верхняя часть. Чтобы глина хорошо затвердела, мастер, прикладывая изнутри специальный мастерок, снаружи поко-

чивает сосуд, вращая гончарный круг. В последнюю очередь делается устье.

Араяки – уникальный стиль в мире керамического искусства, где красота изделия обеспечивается за счет своеобразия декора. Сосуды араяки украшают объемными аппликациями: мастер отдельно вылепливает фигурки драконов, горы, волны, цветы и др. и приклеивает их на сосуд. Используется и гравировка, когда узоры наносятся специальным шпателем.

После формования и украшения изделие медленно сушится в специальной комнате, а затем подвергается обжигу. Обжиговая печь большая, в форме гребня, внутри нет никаких отделов. На дне располагается очаг, справа от которого – дверцы, вверху дымоход. Печь разогревается в течение 11 часов, при этом температура постоянно повышается. Температура обжига араяки 1120 градусов. Спустя 55 часов с момента розжига печи огонь гасится и 4 дня печь остывает[61]. Изделия араяки подвергаются обжигу только один раз.

Для изготовления керамики *дзёяки* используется смесь из трех и более сортов глины. Изделия формуются на гончарном круге, который окинавские мастера в отличие от японских крутят против часовой стрелки. Техника формовки определяется величиной и назначением изделия. Например, при производстве больших тарелок используется техника налепных валиков. Дати-бин (фляжка для авамори) и сиса (фигурка льва, помещаемая на крышу дома для защиты от злых духов) делаются при помощи форм. Технология изготовления погребальных урн следующая: берется ящик нужной формы, изнутри обмазывается глиной слоем 3 см, когда глина наполовину высохнет, ящик разбивается.

Приемы декора изделий дзёяки самые разнообразные. Рисунок может наноситься кистью, при помощи трафаретов или специальным шпателем на быстро вращающемся гончарном

[61] Okinawan pottery. [Электронный ресурс] : Wonder Okinawa 2003. URL : http://www.wonder-okinawa.jp

круге. Применяется и гравировка: узор вырезается металлическим карандашом после предварительного покрытия, затем бороздки заливаются глазурью, поверхность сосуда полируется, за исключением той части, где нанесен узор.

Как уже отмечалось выше, отличительной чертой керамики дзёяки является глазурование. Специалисты считают, что «появление глазурованной керамики является важной эпохой в керамическом производстве. Глазурование гончарных изделий тугоплавкими глазурями при высоком температурном режиме придало изделиям прочность, полную водонепроницаемость»[62]. Традиционные окинавские глазури включают пепельную, желто-коричневую (*амэ-гусури*), голубую, кобальтовую *Госу*, зеленую.

Существуют несколько способов глазурования. Маленькие и средних размеров сосуды полностью опускают в глазурь; сосуды больших размеров ставят на гончарный круг и, вращая его, поливают из ковшика. Также изделия покрывают тканью, пропитанной глазурью. Этот процесс повторяют последовательно трижды, с каждым разом увеличивая толщину покрытия. Чтобы покрыть глазурью тарелку или чашку изнутри, нужное её количество наливается в сосуд, излишки убираются на вращающемся гончарном круге. На большие и нестандартные по форме изделия эмаль наносится кисточкой, нарочитая небрежность мазков придает им дополнительное очарование. Чтобы создать различные оттенки, эмаль разных цветов накладывается одна на другую[63].

Основной обжиг производится в обжиговой печи, имеющей множество камер. Большие изделия устанавливаются в камеру, которая находится близко от очага. На полках верхних камер к краю ставят более жаропрочные изделия, позади них – менее

[62] *Деревянко Е.И.* К вопросу о состоянии исследований керамики в дальневосточном регионе // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С. 45.

[63] Okinawan pottery. [Электронный ресурс] : Wonder Okinawa, 2003. URL: http://www.wonder-okinawa.jp

жаропрочные. После разжигания огня требуется 18 часов, чтобы обеспечить нужную температуру в печи. Температура обжига изделий дзёяки 1100 градусов. В настоящее время кроме традиционных обжиговых печей применяются электрические и газовые.

Горшки для хранения соевой пасты *мисо*, чашки и церемониальные бутылочки для *сакэ*, чайники, фляжки для *авамори* (лати-бин), погребальные урны – эти и другие изделия окинавских мастеров-керамистов пользуются спросом не только у местных жителей, но и многочисленных туристов.

Наряду с керамикой Окинава славится и своими **лаковыми изделиями**. Сама природа помогает местным мастерам лаковых изделий: высокая влажность (более 80%), среднегодовая температура около 22 градусов и большое количество ультрафиолета необходимы для процессов окисления и сушки лака. В районе Куросио обитает моллюск *якогай*, северный ареал распространения которого ограничивается районом Окинавы. Раковины этого моллюска широко применяются при работе в технике *радэн* (перламутр). Использование в качестве исходного материала местных пород деревьев *дэйго* и *ситамаги* обуславливает особую прочность изделий, поскольку древесина этих деревьев устойчива к растрескиванию и рассыханию, что позволяет изделиям сохранять требуемое качество независимо от условий хранения.

До недавнего времени сохранялась и уникальная техника предварительного покрытия изделий с применением свиной крови. Поскольку древесина *дэйго* пористая и грубая, для предварительной грунтовки изделий из нее требуется большое количество материала, а свиная кровь, являясь мощным коагулянтом, была в то же время дешевым и доступным материалом. Кровь смешивали с тунговым маслом и особой глиной, этот состав наносили на изделие, придавая ему тем самым дополнительную прочность. Сегодня в массовом лаковом производстве используется синтетическая смола.

После нанесения предварительного покрытия изделие высушивается и шлифуется, а затем наносится лак. Лак, добываемый из сока дерева *уруси*, является довольно специфическим материалом. Дело в том, что особый фермент, способствующий сушке лака, «работает» только при температуре около 22 градусов и влажности 80%. Именно климатические условия Окинавы позволяют процесс сушки лака проводить в естественных условиях, добиваясь того неповторимого оттенка, который присущ окинавским лаковым изделиям. От природы молочно-белый лак уруси в процессе окисления приобретает темно-коричневый оттенок, а под воздействием интенсивного ультрафиолета становится прозрачным. Если к нему добавить киноварь, то получается уникальный ярко-красный цвет, насыщенный и чистый, которым славятся лаковые изделия Окинавы. К уруси также добавляется тунговое масло, что придает дополнительный глянец конечному изделию – еще одно уникальное свойство лакового искусства Рюкю.

В период Королевства Рюкю лаковые изделия являлись важным экспортным товаром, поэтому было создано правительственное ведомство *кайдзури бугёсё,* в ведении которого и находилось их производство. Ведомство контролировало работу мастерских: заказ в них делался только после того, как была утверждена каждая деталь изделия на основе эскиза, выполненного художником кайдзури бугёсё[64].

Известно несколько техник декора рюкюских лаковых изделий. В основе своей они – китайские, завезены на Рюкю в период XV – XVI вв. Однако рюкюские мастера внесли немало нововведений в китайские техники, и со временем сложился отличительный окинавский стиль лака.

Одна из уникальных техник рюкюского лакового искусства – *цуйкин*. Особенность ее в том, что покрытая несколькими слоями лака поверхность изделия сначала гравировалась, а

[64] Рюкю но такарамоно = Сокровища Рюкю // Нихон кэйдзай симбун. 2004. 18 янв. С. 22.

затем узоры окрашивались смесью различных пигментов и сырого лака. Многие узоры, свойственные этой технике, были в виде идиллических пейзажей, цветов и птиц. В периоды Тайсё и Сёва популярны узоры из банановых листьев, листьев папайя и арабески.

Необычайно красивы и эффектны изделия, выполненные в технике *радэн*. Для декора использовались раковины *якогай* и *аваби*. Плоскую часть раковин вытягивали в очень тонкие пластинки (толщиной с бумагу), из них вырезали узоры, которые крепились на изделие, тем самым создавался прекрасный разноцветный дизайн, подчеркиваемый натуральными красными и зелеными оттенками раковин. Красные части раковин использовались для красных цветов, а голубые и голубовато-зеленые оттенки – для зеленых листьев. Утонченная техника радэн, заимствованная из Китая, на Рюкю получила новое развитие. Однако спрос на роскошные высококачественные лаковые изделия упал после эпохи Мэйдзи. Техника изготовления тонких полос из раковин очень сложная, а процесс создания изделия трудоемкий. По этим причинам такая техника практически исчезла.

Особенность техники декорирования *тинкин* состояла в том, что узоры вырезались специальным ножом на полированной лаковой поверхности, а лак заливался в образовавшиеся канавки. Затем канавки с непросохшим лаком заполнялись золотыми листьями или золотой пылью. Комбинация чистого ярко-красного цвета с золотом придавала рюкюским изделиям необычайную пышность в отличие от подобного рода японских изделий, отличавшихся темно-красным цветом.

Простая, но очень эффективная техника *хакуэ*, применявшаяся в лаковом производстве Рюкю, широко использовалась для изготовления как маленьких, так и больших изделий. Сначала рисунок наносился лаком, затем поверх него накладывались золотые листы. После полного высыхания лака лишние золотые листы удалялись, а по внешнему контуру рисунка наносился черный лак.

Техника *макиэ* была известна в Японии с раннего средневековья. Исследовательница японского искусства Джоан Стэнли-Бейкер пишет: «И хотя исследователи так и не пришли к единому мнению относительно происхождения техники (макиэ), при которой цветная, золотая и серебряная пыль или частички распылялись поверх еще липкого лака, ее использование в период Фудзивара свидетельствует о том, что она, бесспорно, соединилась с японским вкусом. Тонкие оттенки пыли создают нюансы, прежде невиданные в лаковых вещах. На ранней стадии технологии покрывался лаком только рисунок. Позже и в более сложных формах рельефные узоры и вся поверхность предмета покрывались несколькими слоями лака и краски или металлической пыли. Каждый слой лака тщательно чистился до основной поверхности и полировался до блеска так, чтобы основной узор немного выступал»[65]. Техника макиэ была менее развита на Окинаве по сравнению с остальными регионами Японии, тем не менее она использовалась для создания традиционных коробочек для еды и емкостей для горячих напитков.

Техника *урусиэ* (когда рисунок наносится цветным лаком) стала популярной на Окинаве после эры Сёва. Использовалась в производстве изделий для туристов. Часто комбинировалась с другими техниками, например с такими, как тинкин.

В различные периоды истории Рюкю преимущество получали те или иные техники и дизайн лаковых изделий. В период Королевства Рюкю до захвата его кланом Сацума наиболее распространенной была техника *тинкин*, которая в это время достигла своего совершенства. На ярко-красной поверхности наносился узор в виде облаков, фениксов, арабесок. Лаковые изделия были важной составляющей внешней торговли Королевства.

В период с 1609 по 1879 г. мастера лаковых изделий производили в основном изделия черного цвета в китайском стиле по заказу сацумских князей. Рюкюские изделия выдавались за

[65] *Стэнли-Бейкер Джоан.* Искусство Японии. М.: Слово/Slovo, 2002. С. 114.

сделанные в Китае и преподносились сёгуну и членам его семьи в качестве подарков. Многие рюкюские лаковые изделия, такие как чаши и подносы, исполненные в технике *радэн* на черном фоне, с узорами в виде облаков и драконов, использовались как предметы дани, выплачиваемой Китаю. Поскольку деятельность в кайдзури бугёсё активизировалась, мастера лакового производства посылались в Китай для обучения новым техникам. Именно в этот период появилась техника *цуйкин*.

После аннексии Королевства Рюкю в 1879 г. кайдзури бугёсё было расформировано и мастера лаковых изделий перешли на работу в частные мастерские, находившиеся в районе Вакаса в г. Наха и в так называемом «квартале художников». Производство лаковых изделий было превращено в индустрию, которая оказалась в руках японцев из Осака и Кагосима. Рюкюские лаковые изделия в этот период представлены преимущественно дешевыми предметами повседневного быта, китайский дизайн сменился на японский, основу которого составляли сосна, бамбук, журавль или окинавские пейзажи. Большое количество изделий отправлялось в район Кансай и на Кюсю. Рюкюские лаковые изделия ярко-красных оттенков и в стиле цуйкин имели наибольший спрос на японском рынке.

В 1927 г. в целях стимулирования экономики Окинавы, которая пребывала в состоянии депрессии после Первой мировой войны, был построен Окинавский промышленный учебный центр для обучения рюкюскому лаковому производству. Основную часть изделий, выполненных мастерами лакового искусства, составляли чашки, блюда для фруктов, подставки под электрические приборы, подносы, разного рода канцелярские товары. Многие из них экспортировались в США, Великобританию, Южную Америку, Китай, Индию, Гонгконг, Голландию. В годы войны в связи с переводом всех отраслей промышленности на военные нужды, массированными бомбардировками Наха в числе традиционных ремесленных искусств практически исчезло и лаковое производство.

Восстановление производства рюкюских лаковых изделий началось в послевоенный период. В 1947 г. была основана Окинавская лаковая компания. Предметы рюкюского искусства в качестве сувениров приобрели особую популярность среди американских военных. Учитывая пожелания американцев, изготавливались кофейные чашки, столики, тарелки, подставки под электроприборы, шахматные доски. Большинство изделий раскрашивались в черный цвет, известный как «тайна Востока», украшались яркими цветами гибискуса с применением техники цуйкин. Делались и дощечки с именем в технике радэн. Несмотря на сугубо утилитарную направленность традиционного искусства в данный период времени, обсуждалось и возобновление производства классических изделий. В 1967 г. молодые мастера основали Окинавскую ассоциацию лаковых изделий Уруси, которая занималась изготовлением изделий в классических рафинированных техниках, образцы выставлялись на самой известной окинавской выставке искусств – Окитэн. В конце 1960-х гг. началась новая волна возрождения рюкюского лакового искусства Уруси.

В настоящее время рюкюское лаковое искусство получило поддержку в связи со спросом на традиционные предметы быта и развитием туризма. Техника цуйкин используется при производстве большинства работ в современном массовом лаковом производстве. Многие предметы домашнего обихода просто красятся в красный или черный цвета без дополнительного узора.

В 1974 г. администрацией префектуры Окинава были учреждены Центр по производству изделий традиционных искусств и ремесел, а также Институт по их изучению.

В честь пятилетней годовщины возвращения Окинавы в состав Японии в 1977 г. издан сборник «Лаковые изделия Рюкю». В 1978 г. организована выставка лаковых изделий, спонсором которой выступили Музей искусств Токугава и Музей Нэдзу. Недавние исследования подтвердили, что многие лаковые изделия, которые, как полагали, были сделаны в Китае, в действительности же сделаны на Рюкю. История рюкюского лакового искусства была переписана, а само искусство получило признание по всей стране.

В 1990 г. был открыт Музей искусств Урасоэ, основной задачей которого является изучение, собрание и экспозиция предметов рюкюского лакового искусства. В 1991 г. рюкюское лаковое искусство было объявлено Национальным культурным достоянием наряду с именами признанных мастеров Хёю Кадэна, Ики Киндзё и Коин Маэда.

Одним из сохранившихся на Окинаве традиционных ремесел является **ткачество и искусство окрашивания тканей**. Присущий островам субтропический климат, обилие солнечного света, прекрасные пейзажи, множество растений создают уникальные условия для развития культуры ткачества и крашения. То, что это не просто ремесла, а именно искусство, свидетельствует признание некоторых техник и стилей производства тканей Национальным достоянием.

В числе самых известных окинавских стилей ткачества – *касури* (от слова «касуру» – «покрываться дымкой»). Это ткань с яркими красочными пятнами (разводами). Родина касури – Индия, откуда она распространилась по многим районам мира. На Окинаву касури, вероятно, попала из Юго-Восточной Азии и получила здесь дальнейшее развитие. Профессор Ясуэ Такаси отмечает, что окинавская касури отличается по структуре рисунка и форме. У касури стран ЮВА рисунок конкретен, на ткани нет пустого места, все заполнено рисунком. Касури Окинавы – это пространства между темно-синим и белым полем, в которые вписаны овальные и геометрические линии, все гармонично и утонченно [66].

Техника изготовления касури выглядела следующим образом: нити основы и утка (уток – поперечные нити ткани,

[66] *Ясуэ Такаси.* Один из пластов культуры Окинавы: О культурном ареале Окинавы и окинавской касури //Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур», 16–17 сент., 2003 г., Ю.-Сахалинск. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2003. С. 97.

пересекающиеся с продольными, составляющими основу), туго связывались через определенные интервалы и определяли форму узора. Затем нити окрашивались. Касури ткали женщины в домашних условиях. Одежду из касури носили большей частью простолюдины.

Для производства тканей на Рюкю в качестве основного сырья использовались конопля, китайская крапива, банановое дерево. Использование конопли в ткацком деле известно с древнейших времен. Согласно «Хроникам Рюкю» (643 г.) на Окинаве из нитей белой конопли делали также доспехи и шлемы[67]. Из тонкой конопляной нити и сегодня ткут великолепную *дзёфу* – гладкую, красивую, легкую ткань, которая по прочности в семь раз превосходит шелк. Для дзёфу характерен узор в виде белых капель, брызгами разлетающихся по полю глубокого синего цвета. На каждом из островов Рюкю существуют свои ткацкие традиции. Самыми знаменитыми являются мияко-дзёфу и яэяма-дзёфу. Мияко-дзёфу за свое превосходное качество объявлено Национальным достоянием.

Нити для этой ткани получают из *тёма* (Boehmeria nivea – род крапивы) – многолетнего растения высотой до 1,5 м. Стебель режут на куски, снимают с них верхний слой, а из волокна получают пряжу. Историки Мияко утверждают, что впервые мияко-дзёфу было соткано женой одного из чиновников в начале XVI в. Чиновник отличился в спасении посольского корабля во время шторма. Желая поспособствовать мужу в продвижении по службе, женщина преподнесла рулон сотканной ею ткани регенту в Сюри. Королевский двор был поражен красотой ткани, и женщина решила делать подобные подарки каждый год. Вскоре мияко-дзёфу стала взиматься королевским двором в качестве подушного налога, а с начала XVII в. тканью стали выплачивать подати сацумским князьям.

[67] *Хокама Сюдзэн.* Окинава-но рэкиси то бунка = История и культура Окинавы. Токио: Дайитисё:бо, 1986. С. 194.

Еще одним ярким образцом рюкюского ткацкого искусства является *басёфу* – «банановая ткань». Родина банановой пальмы – Филиппины и Индонезия, но Окинава – единственное место в мире, где растение используется для ткачества. Ранее банановую ткань делали повсеместно, после Второй мировой войны технология ее изготовления почти исчезла из-за сложности и отсутствия сырья. Женщины деревни Кидзёка в северной части о-ва Окинавы, желая сохранить древнюю традицию, начали посадки *басё* (род пальмы, волокна которой используют в качестве исходного материала) и возродили старое мастерство. Технология изготовления состоит в следующем: ствол мужской пальмы режут на куски длиной чуть более метра, снимают с них кору и отделяют волокнистый слой. Каждый слой разрезают на ленточки шириной около3 см, моют и кипятят несколько часов. Острыми бамбуковыми скребками удаляют пульпу, затем волокна отделяют друг от друга и связывают в одну длинную нить. Ее сушат и красят. Участки пряжи, которые должны остаться белыми, обвязываются необработанными банановыми волокнами. Когда пряжу вынимают из сосуда с красителем, нити получаются окрашенными через определенные интервалы. Затем каждую нить расчесывают и наматывают на деревянный барабан ткацкого станка. Процесс очень трудоемкий и долгий: от момента рубки басё до получения готовой ткани проходит около двух месяцев. В одежде из такой ткани хорошо переносится жаркое и влажное окинавское лето.

В качестве красителей с древнейших времен использовали природные материалы: экстракты из дерева *фукуи* и *куркумы* дают желтый цвет, ягоды лаврового дерева – коричневый, из *Рюкю индиго* получается синий цвет. Он гораздо глубже привычного синего цвета, разработка его – уникальное достижение рюкюских мастеров. Ткани такого оттенка были известны в Японии как «рюкюские ткани», они высокого ценились за неброскую красоту и изысканность. Писатель Илья Фоняков, побывавший в начале 70-х гг. XX в. на островах Амами, так описывает свое впечатление от местных тканей: «...видел я

полуразвернутые рулоны знаменитых здешних тканей, неожиданно суровых, темноватых, даже несколько сумрачных расцветок, с плавными, нерезкими переходами тонов, особенно ценимыми знатоками»[68].

Традиция использования в красильном деле природных материалов развивается и в настоящее время. Новым популярным продуктом стали изделия из материалов, окрашенных экстрактами листьев сахарного тростника, которые дают чудесные оттенки желтого и зеленого. Многие растения, используемые для получения красителей, входят в состав лекарственных препаратов. Поэтому ткани, сотканные вручную и окрашенные с помощью растительных компонентов, обладают еще и целительными свойствами. Из таких тканей шьют кимоно, палантины, европейскую одежду, делают ширмы. Они считаются экологически чистыми и все более ценятся в современном мире.

Широко известное искусство окрашивания тканей на Окинаве называется *бингата* (от «бин» – «цвет» и «ката» – «трафарет, шаблон»). Полагают, что название дал Иха Фую, до этого использовали выражения *ката-тити* (накладывать трафарет) и *хана-нуну* (цветочная ткань). Технология бингата насчитывает более 500 лет. Исследователи еще не пришли к единому мнению, как появилось это искусство, ставшее традиционным на Окинаве. Вероятнее всего, оно было завезено с Явы и Индонезии, славящихся изготовлением набивных ситцев и батиков.

Узоры бингато составляли композицию из растений (сосна, бамбук, цветущая слива, хризантема), животных (драконы, черепахи), птиц (лебеди, дикие гуси, журавли), а также рыб, раковин, кораблей, барабанов, дворцов. Главной была их смысловая сочетаемость. Чем выше ранг человека, тем сложнее и крупнее узор. Женщины из знатных семейств хранили свои шаблоны дома, чтобы никто не мог скопировать их узор. Каждый узор бингата имел свое значение. Например, веер –

[68] *Фоняков И.О.* Восточней Востока. Новосибирск, 1971. С. 171.

это символ счастья, птицы символизировали свободу и сбывшиеся мечты.

Основными цветами в технологии бингата, являются киноварь, индиго, желтый, фиолетовый, зеленый. Трафарет накладывают на ткань, после чего места, оставшиеся незакрытыми, покрывают специальной непроницаемой для краски пастой, приготовленной из рисовых отрубей, рисовой муки и соли. Трафарет перемещают вдоль всего холста и каждый раз пустоты заполняют пастой. Затем холст выносят на солнце, чтобы паста просохла. Следующая операция – нанесение краски на не защищенные пастой места и закрепление ее соевым соусом. Каждый раз наносится только одна краска, часть красок добавляется маленькими жесткими кисточками. Последняя операция – смывание пасты. Для бингаты подходят шелк, дзёфу, банановая ткань басёфу.

Первоначально технология бингата использовалась лишь при изготовлении кимоно для членов королевской семьи и знати. Двор Сюри даровал специальные привилегии трем фамилиям: Такуси, Тинен, Гусукума (Сирома), которые стали официальными производителями бингата, передавая секреты мастерства из поколения в поколение на протяжении веков. Как и многим другим ремеслам, война нанесла значительный ущерб технологии бингата, оказались утерянными большинство из оригинальных трафаретов. Мастер Эйки Сирома внес огромный вклад в возрождение древних традиций. Он собрал трафареты, сохраненные японскими мастерами и коллекционерами. Впоследствии технология бингата была официально признана Национальным достоянием. В настоящее время костюмы, исполненные в технике бингата, можно увидеть на артистах традиционных рюкюских танцевальных представлений, интерес к которым чрезвычайно возрос в конце прошлого века. Сегодня на Окинаве работают около 20 компаний по производству бингата и 10 мастеров государственного уровня.

Технологии старинного искусства находят широкое применение в современной жизни, например, техники касури и

бингата – при изготовлении кошельков, визитниц, кашне. Традиционное ткацкое искусство Окинавы, насчитывающее не одну сотню лет, помогает по достоинству оценить стремление местных жителей к сохранению собственной культурной самобытности.

Танцевально-театральное искусство Окинавы. История классического рюкюского танца берет свое начало в средневековье. В эпоху Королевства закладывалась его эстетика, утонченность и изящество. В XVII – нач. XVIII в. при королевском дворе был широко известен танец *укансин-одори*, созданный специально для развлечения посланников из Китая. Укансин – название корабля, на котором на Окинаву прибывала китайская миссия. Существовало два типа этого придворного танца: *куми-одори* и *ха-одори*. Куми-одори представлял собой музыкально-драматическую пьесу, в которой несколько песен и танцев были объединены одним сюжетом. Как правило, исполнение танцев типа куми-одори длилось в течение нескольких часов.

Другим видом классического танца был танец *ха-одори*. Наиболее известными танцами этого типа остаются *родзин-одори* («танец пожилых»), *вакасю-одори* («танец юношей»), *онна-одори* («танец девушек»), *нисай-одори* («танец молодых мужчин»). «Танец пожилых» – неторопливый и размеренный, полон достоинства, его основной темой является прославление долгой жизни, которая прожита не зря, если ты окружен детьми и внуками. Вакасю-одори исполняется юношами 14–15 лет накануне церемонии празднования совершеннолетия. Особенность онна-одори в том, что все эмоциональные нюансы страстной женской натуры показаны через пластику рук и ног. Каждый жест наполнен смыслом и может выражать счастье и горе, любовь и ненависть, долгое ожидание и радостную встречу. Нисэй-одори, исполняемый молодыми мужчинами, очень энергичный и мужественный танец, движения имитируют жесты окинавского каратэ. Большое влияние на

него оказали японские танцы. В состав миссий, направляемых двором Сюри в Кагосима и Эдо, входили артисты, которые таким образом имели возможность познакомиться с японским исполнительским искусством и адаптировать его к окинавским традициям.

Адекватное восприятие традиционного рюкюского танца невозможно без музыкального сопровождения. Основной музыкальный инструмент в театрально-танцевальных постановках – *сансин* заимствован из Китая. Сансин – трехструнный инструмент, дэка которого покрывалась змеиной кожей. В Японии он известен как сямисэн, был завезен с Окинавы в конце XVII в. Исполняемые под аккомпанемент сансина стихи *рюка* стали основой окинавской классической музыки. Появление такого специфического жанра стихосложения классической рюкюсской поэзии относится к XVI в. Рюка – небольшие стихи размером 8-8-8-6. В XVII в. музыканты, обучавшиеся в Японии, скомпилировали нотную запись и создали собственную – *кун-кун-си*.

Кроме сансина для исполнения классической музыки используют такие музыкальные инструменты, как *цуона* (род флейты), барабаны, кастаньеты. Каждый танец сопровождается мелодией, которая неизменно вызывает у зрителя особые ассоциации. Авторы книги «Окинава» отмечают: «Для женских танцев существует множество мелодий – это и музыка речных порогов, и мелодия ветра, гуляющего по черепичной крыше...»[69]

В эпоху королевства исполнителями классических танцев были представители дворянства. Искусство классического танца передавалось из поколения в поколение. После аннексии королевства хранителями традиций классического танца стали драматические артисты и танцовщики. Лишившись своего

[69] *Хига Сюнтё, Симода Сэйдзи, Синдза Токэйдзи.* Окинава. Токио: Иваба сётэн, 1997. С. 205.

статуса и финансовой поддержки, часть придворных танцоров и музыкантов переехала в сельскую местность, некоторые стали демонстрировать свое искусство в коммерческих театрах, появившихся в конце XIX в.

Торжественные танцы, исполняемые при королевском дворе, оказались слишком рафинированными и трудными для восприятия обычной публикой. Поэтому были созданы новые танцы, в которых приемы и принципы классического танца обогатились народными фольклорными элементами. Вновь созданные танцы получили название *дзо-одори* – популярные танцы. Сюжеты дзо-одори взяты из жизни простых людей – фермеров, рыбаков. В дзо-одори были включены техники японских театров Но, Кёгэн и Кабуки, адаптированные к окинавской традиции, а также *какэута* (песни, исполняемые мужчиной и женщиной), *утикумиодори* (парный танец), народные песни.

Каждому из танцев присуща своя хореография, костюм, музыка и аксессуары. Шляпы, прически, веера – не только элементы танцевального костюма, они несут и смысловую нагрузку. Например, на головных уборах танцоров можно увидеть изображения журавля и черепахи, которые символизируют долголетие. Кимоно из ткани в стиле касури (темно-синее с белыми вкраплениями или черное с белой узкой полосой) символизируют мудрость и естественную эстетику. Особую красочность и выразительность танцу придают яркие кимоно в стиле бингата. Интенсивность эмоциональной атмосферы танца подчеркивается экспрессией основных цветов костюма – красного, голубого, желтого.

Особо обращает на себя внимание такая деталь женского костюма, как большая шляпа, имитирующая гигантские распустившиеся цветы. По свидетельству Р.Ш. Джарылгасиновой, она напоминает деталь наряда *саотомэ* («майских девушек»). На юге о-ва Хонсю во время пересадки рисовых ростков в грунт исполнялся ритуальный танец. На головах его исполнитель

была *ханагаса* – «цветочная шляпа» с широкими полями, украшенная бумажными цветами, которые, по-видимому, заменяли бывшие в прошлом в обиходе живые цветы, считавшиеся эмблемой плодородия[70].

В последнее время ханагаса воспринимается как символ Окинавы. В праздничном женском танце *Ёсутакэ* она символизирует радостное веселое настроение, в классическом танце – другие эмоции. В первой части танцовщица держит шляпу в правой руке – это сосуд, в который проливаются чувства любовной тоски, внутренние переживания передаются выразительными жестами руки. Во второй части танца она надевает ханагаса на голову, демонстрируя тем самым развитие романтической драмы. Таким образом, костюмы и аксессуары подчеркивают тематику рюкюского танца и усиливают эстетический эффект.

В 1882 г. на Окинаве был создан театр под открытым небом «*Камадзи сибай*» (сибай – театральное представление), в котором стали ставить пьесы на окинавском диалекте *Утинагути сибай*. На территории «основной» Японии также можно встретить представления, в которых используется местный диалект, но Окинава – единственная префектура, где пьесы на диалекте исполняются в расчете на широкую публику.

Существует два вида Окинава сибай: *Сэрифу-гэки* (пьеса в классическом понимании) и *Кагэки* (окинавская опера). Сэрифу-гэки на основе танца куми-одори появилась первой. Затем для развлечения широкой публики была создана Кагэки, сочетавшая тематику народных песен с элементами классической музыки и танца. Для передачи сценической традиции следующим поколениям применяется метод *кутитатэ* («из уст в уста»), т.е. слова и техника исполнения передаются от одного актера другому в устной форме. В условиях, когда использование окинавского диалекта японскими властями строго запрещалось,

[70] *Джарылгасинова Р.Ш.* Танцы Окинавы и...происхождение рюкюсцев // СЭ. 1971. №5. С. 146.

такая тактика оказалась весьма эффективной и помогла Окинава сибай сохранить свою самобытность[71]. Окинава сибай постоянно совершенствовался, адаптируясь к иным формам культуры. Создавались новые жанры: мелодрамы, трагедии, военные, самурайские драмы, комедии, пьесы одного актера, сюжеты из легендарного прошлого Королевства Рюкю.

В целом окинавскому традиционному театрально-танцевальному искусству удалось выдержать натиск видов развлечений, пришедших из Японии, а также пережить трудные времена, связанные с процветанием киноиндустрии.

Безусловно, «пески времени», равно как и внешние факторы – японская ассимиляционная политика, война, послевоенная американская оккупация, современные глобализационные процессы – обусловили определенные изменения в традиционной культуре Окинавы. Но в то же время мы можем говорить и о сохранении ее самобытности. «Действительно, культуры не только различны и в определенной степени устойчивы; они также адаптивны, изменчивы и функциональны...люди вовсе не обречены быть пожизненно связаны с одной и только одной культурой...сегодня культура нередко служит им прежде всего важным символическим ресурсом. Глобализация размывает прежние культурные барьеры, ведет к гибридизации и креолизации культур, предоставляя человеку невероятную свободу выбора. Вместе с тем ничто не мешает человеку воспринимать культуру в своем сознании как по-прежнему нечто компактное, как гомогенное целое со строгими границами («самобытная культура»)»[72].

Для окинавцев сегодня сохранение традиционного культурного наследия имеет большое значение как связь со своим прошлым и одновременно как важный фактор самоидентификации.

[71] The modern entertainment play in Okinawa (Okinawa shibai) [Электронный ресурс] : Wonder Okinawa, 2003. URL : http://www.wonder-okinawa.jp

[72] *Шнирельман В.А.* Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // ЭО. 2006. №3. С. 16.

Заключение

Рюкюсцы в антропологическом, лингвистическом и культурном отношениях являются наиболее близкой к японцам этнической общностью.

В настоящее время проблема происхождения рюкюсцев представляется достаточно сложной и оставляет широкое поле для дальнейшего исследования. Территория формирования и развития рюкюсцев издавна была своеобразной контактной зоной между материком, Японией и островным миром Юго-Восточной Азии. На данном этапе исследования проблемы выделяются две версии. Согласно одной из них рюкюсцы – потомки дзёмонцев, населявших Японский архипелаг в неолитическую эпоху на всем протяжении от Хоккайдо до Окинавы. Дзёмонцы – племена аустронезийского происхождения, родиной которых являются районы Юго-Восточной Азии. Другие исследователи отстаивают версию о том, что современные окинавцы – это потомки рюкюсцев периода гусуку, на которых, в свою очередь, оказали влияние мигранты с территории Японии. Таким образом, они полагают, что в формировании рюкюского этноса переселенцы с Японии сыграли не менее важную роль, чем корейская иммиграция в этногенезе «собственно» японцев в периоды яёй– кофун.

Доисторическая культура на архипелаге получила название «культуры раковинных куч». Археологические находки на островах Амами– Окинава обнаруживают сходство культуры раковинных куч с культурой дзёмон. В то же время на островах Сакисима выявлено значительное влияние культур Тайваня, Филиппин, Индонезии.

Неолитический хозяйственно-культурный комплекс прибрежных рыболовов и собирателей, сложившийся в период дзёмон, продолжает господствовать на Рюкю и в период яёй

(III в. до н.э. – III в. н.э.). На «основной» территории Японии в это время под воздействием массовой миграции переселенцев с материка происходят кардинальные перемены в хозяйственно-социальной жизни, приведшие к формированию раннего государства Ямато.

Новый этап этногенеза рюкюсцев приходится на период между VI–VIII и VIII–X веками, когда на территории Окинавы внезапно возникают очаги земледелия, что может быть объяснено миграцией земледельцев с Кюсю. В X–XII вв. Рюкю оказался втянутым в зону восточноазиатской торговли. Вслед за купцами на архипелаге появились гончары, кузнецы, политические лидеры, численность населения в этот период на островах значительно выросла.

Социально-политическая ситуация в Японии в это время способствовала переселению части ее жителей в другие районы. Начался распад централизованного государства. Борьба крупных кланов за новые земли шла по всей территории Японии, страну сотрясали междоусобицы, голод и эпидемии. В поисках мирной жизни многие японцы переселялись на юг Кюсю, а оттуда на Рюкю. Здесь находили себе убежище и опальные политические деятели Японии.

В период *гусуку* (XII–XV вв.) на архипелаге Рюкю, включая острова Сакисима, происходит образование единого экономического, культурного и политического пространства, а вместе с ним завершается и этногенез рюкюсцев. Разнообразные контакты как с материком, так и с Японией не могли не повлиять на интенсификацию всех внутренних процессов рюкюского общества. С переходом к производящему хозяйству (земледелию) возникают общины, главы которых обладали правом на монополию внешнеторгового обмена. Неравномерный доступ к экономическим ресурсам приводит к разрушению социальной гомогенности, появлению политических лидеров – князей адзи. К 1187 г. относится создание на Окинаве первого протогосударственного образования во главе с «королем» Сюнтэном. В начале XIV в. оно оказалось раздробленным на три княжества, которые после столетия междоусобиц в 1429 г.

были объединены в единое централизованное государство, известное как Королевство Рюкю.

Важнейшее событие в этнической истории Рюкю произошло в 1372 г. – Окинава вступила в систему вассально-даннических отношений с Китаем, получив в его лице культурного донора, чье влияние с этого времени обнаруживается во многих областях рюкюской культуры. Наибольшего расцвета Королевство достигает в XV–XVI вв., развиваясь как морская торговая держава. На основе собственной культурной самобытности и достижений соседних стран сложилась оригинальная традиция культуры, во многом отличавшаяся от собственно японской. С конца XII в. до реставрации Мэйдзи Японией управляли наследственные династии военных диктаторов. Королевство Рюкю с момента образования централизованного государства развивалось как мирная торговая страна. К периоду XV–XVI вв. относится создание централизованной политико-административной системы, введение сословной и ранговой системы, формирование национального религиозного культа.

Привычное течение политической и культурной жизни Рюкю было нарушено в начале XVII в., когда королевство захватил японский клан Сацума. Сацумские князья установили контроль над торговлей Рюкю с Китаем, королевским двором и верховной администрацией. Сохранялись и вассально-даннические отношения Рюкю с Китаем. К этому времени экономическая база королевства, основанная на посреднической торговле, оказалась подорванной вследствие захвата важнейших торговых путей в Юго-Восточной Азии европейскими купцами. Рюкюскому правительству пришлось обратить внимание на внутренние ресурсы государства. Реформы, проведенные в начале XVIII в., привели к новому экономическому и социальному подъёму. Двойной вассалитет подразумевал и двойную аккультурацию, что отразилось на развитии различных сфер культуры – танцевально-театрального искусства, кухни, гончарства, живописи и др.

В 1879 г. Королевство было окончательно аннексировано Японской империей и вошло в ее состав как префектура Окинава. С этого момента в этнической и этносоциальной истории рюкюсцев отмечаются значительные перемены. Население архипелага оказалось втянутым в процесс японского нациестроительства. В решении задач по скорейшей модернизации Японское государство основывалось на принципе – национальное единообразие служит залогом национального единства. Итогом претворения данного принципа в жизнь стала жесткая ассимилятивная политика на островах Рюкю, в рамках которой потребовалось японизировать все стороны жизни островитян: язык, экономику, политику, образование, мораль, этику. Накопленный за время существования Королевства опыт взаимодействия с азиатскими странами оказался невостребованным в новой прозападной ориентации Японии. Окинаве пришлось довольствоваться ролью отсталой, неразвитой окраины. Оказавшись на периферии Японской империи не только в географическом, но и экономическом, политическом, социальном плане, рюкюсцы видели выход из создавшегося положения в быстрейшей ассимиляции с японцами, этим объяснялась их лояльность к проводимым японскими властями реформам. В то же время идеология, в рамках которой осуществлялась ассимилятивная политика, стала основой для формирования двойственности окинавской идентичности. Позиционируя Окинаву как «родную» префектуру, а ее жителей как бесспорно японцев, токийские власти в то же время постоянно подчеркивали их «окинавскость», необходимость поскорее стать «настоящими» японцами.

Идея японской гражданской идентичности была вновь востребована окинавцами в борьбе с американскими оккупационными властями в 1945–1972 гг. В стремлении удержать под контролем Окинаву как важный стратегический пункт в АТР американцы прибегли к политике «деассимиляции», конечный смысл которой сводился к мобилизации этнического самосознания рюкюсцев. На помощь была призвана различ-

ного рода аргументация: исследования ученых об отличающейся от японской природе окинавской идентичности, возвращение прежнего названия островов – Рюкю, обращение к независимому прошлому Королевства. В реальности Окинава заняла положение фактической колонии США. Все ключевые рычаги политико-административного управления контролировались американскими властями, значительная часть сельскохозяйственных земель оказалась под военными базами, право экстерриториальности оставляло безнаказанными самые тяжкие преступления американцев против местных жителей. Именно здесь кроются причины провала американской политики «деассимиляции» рюкюсцев. Жители Окинавы почти единым фронтом выступали за воссоединение с Японией. В своем неприятии американской оккупации они искренне верили, что, только вновь став неотъемлемой частью японской нации, они смогут избавиться от оккупационного диктата. Отсюда настойчивое подчеркивание своей принадлежности к японскому народу. Демонстративно идентифицируя себя с японцами, окинавцы стремились тем самым обрести свободу и гражданские права, которыми обладали жители «основной» территории.

Обладая уникальными историческими и культурными традициями, Окинава в настоящее время является самым своеобразным регионом Японии. Здесь все еще не решены проблемы экономического развития, серьезный раздражитель – американское военное присутствие. Единство с Японией по-прежнему рассматривается как средство решения всех этих проблем. Вместе с тем нарастает стремление позиционировать свою культурную и этническую отличительность. Основными компонентами традиционной культуры, в которых особенно отчетливо отражается долгий путь этнической истории рюкюсцев, являются их своеобразная религия, пищевые пристрастия, различные виды искусства и ремесел. На Рюкю продолжают сохраняться древние религиозные культы. Как и много веков назад, островитяне оказывают дань уважения предкам, обращают благодарственные молитвы своим богам за хороший урожай,

долгую жизнь и отсутствие бед. Продолжает функционировать институт жриц норо и шаманок юта.

Избежать болезней и прожить долгую жизнь, по убеждению окинавцев, помогает правильное питание, которое соответствует традиционным блюдам окинавской кухни. Предпочтение традиционной модели питания оправдывается наличием большого количества долгожителей.

Сохраняют популярность окинавские народные песни, положенные на музыку с использованием пентатонного звукоряда. Молодежные группы исполняют рок на окинавском диалекте под аккомпанемент сансина. Большой интерес в Японии вызывают классические рюкюские танцы и театральные представления. Своей эмоциональностью, мелодичностью и глубиной выражаемых чувств танец Рюкю ни в чем не уступает ни Кабуки, ни Но. Дополнительное очарование придают танцу костюмы из тканей в стиле «бингата» или «касури». Рюкюские традиционные ткани нашли широкое применение при изготовлении современных вещей: кошельков, визитниц, сумочек, платьев, которые носят в особо торжественных случаях. Отрез такой ткани стоит немалых денег и передается в наследство. Лаковые и керамические изделия находят свое применение не только в хозяйстве островитян, но и являются непременным сувениром, который увозят на память об Окинаве многочисленные туристы.

Культурному ренессансу рюкюсцев в немалой степени способствуют изменения в самой Японии. Разделяя общемировые демократические ценности, в настоящее время здесь все отчетливее проявляется стремление перейти от официальной доктрины гомогенности и культурной унификации японского общества к мультикультурному проекту. С этой целью в Японии открываются центры по изучению Окинавы, уделяется серьезное внимание сохранению культурного наследия Рюкю, его история и культура рассматриваются как часть общеяпонского наследия. Признанием достойного места Окинавы в общеяпонском контексте можно считать проведение здесь Саммита Большой восьмерки в 2000 г.

На формирование этнического самосознания рюкюсцев в современных условиях воздействуют разные факторы: историческая память о собственном независимом государстве, дискриминационная политика ассимиляции Японского государства, трагедия Битвы за Окинаву, опыт американской оккупации, взаимоотношения с Японией после возвращения в ее состав в 1972 г., отношение к американскому военному присутствию на острове. С другой стороны, окинавцы – граждане одной из самых развитых стран мира, сегодня они интегрированы в японское общество лучше, чем когда-либо в прошлом. Думается, что закономерным выходом из такой ситуации было бы признание Японией двойной идентичности рюкюсцев. Пока японское общество не готово к подобному радикальному шагу, но определенные перемены в этом отношении наблюдаются.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

1. Фонд Н.А. Невского. Этнография и мифология Рюкю // Архив ИВ РАН, СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 264.

2. Фонд Н.А. Невского. Заметки по грамматике, этнографии о-вов Мияко. Смесь // Архив ИВ РАН, СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 260.

3. Фонд Н.А. Невского. Язык Мияко. «miki» – исследование слова // Архив ИВ РАН, СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 165.

4. Фонд Н.А. Невского. Мияко (разное). Дневник поездки на острова Мияко с записями фольклорно-этнографического характера // Архив ИВ РАН, СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 206.

5. Фонд Н.А. Невского. Смесь. Диалект Яэяма. Айнский язык. Разные заметки // Архив ИВ РАН, СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 265.

6. Фонд Н.А. Невского. Этнография Мияко: Сведения по этнографии Мияко. Выписки из книг, записи со слов местных жителей // Архив ИВ РАН, СПб. филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 201.

Опубликованные

7. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. В 2 т. – М.: Сов. Россия, 1976. – 608 с.

8. *Горбатов Б.М.* Человек из сословия «эта». – М. : Воен. изд-во, 1953. – 67с.

9. *Невский Н.А.* Фольклор островов Мияко /сост., коммент. Л.Л. Громковской. – М.: Наука, 1978. – 192 с.

10. Сказки и легенды островов Рюкю : пер. с яп., сост. и коммент. А. Р. Садоковой // Знакомьтесь – Япония. – 1997. – № 17. – С. 121–133.

11. *Шмидт П.Ю.* На островах Лиу-Киу. – Л.: П.П. Сойкин, 1929. – 63 с.

12. *Basil Hall.* Account of a voyage of discovery to the west coast of Corea and the Great Loo-Choo island, with an appendix, containing charts, and various hydrographical and scientific notices and a vocabulary of the Loo-Choo language by H.J. Clifford. – London, 1818. – 223 p.

13. *Fisch Arnold G.* Military government in the Ryukyu islands 1945–1950. Washington. D.C. : Center of military history United States Army, 1988. – 353 p.

14. Folktales of Okinawa. Japanese version by Shoji Endo. English translation by Terunobu Tamamori and Jayne A. Hitchcock. – Naha: Bank of the Ryukyuan International Foundation, 1995. – 193 p.

Литература на русском языке

15. *Алексеев В.П.* Этногенез. – М. : Высшая школа, 1986. – 176 с.

16. *Анисимов А.Л.* Дальневосточная политика США в 30–60 гг. XIX в. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2002. – 368 с.

17. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М. : Наука, 1989. – 246 с.

18. *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1961. – Т. 73. – С. 137–175.

19. *Арутюнов С.А., Светлов Г.Е.* Старые и новые боги Японии. – М.: Наука, 1968. – 200 с.

20. *Бакшеев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии : сб. ст. – М. : ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 7–25.

21. *Банников К.Л.* Наука и шаманство: Диалог мировоззрений // Восток. –1997. – №5. – С. 158–164.

22. *Басилов В.Н.* Избранники духов. – М. : Изд-во полит. лит., 1984. – 208 с.

23. *Басилов В.Н., Романова Е.Н., Слепцов Е.Н.* Шаманизм как религия: генезис, реконструкции, традиции // ЭО. – 1993. – №5. – С. 150–157.

24. *Бикс Герберт.* Хирохито и создание современной Японии. – М. : ООО Изд-во АСТ, 2002. – 576 с.

25. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 412 с.

26. *Быкова С.А.* Диалекты и их место в современной Японии // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 13, Востоковедение. – 2000. – №1. – С. 64–68.

27. *Быкова С.А.* Окинаваго: диалект или язык? // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 13, Востоковедение. – 2002. – №3. – С. 56–60.

28. *Власов В.Г.* Раннее земледелие: сельскохозяйственные растения и пищевые традиции // ЭО. – 1997. – №5. – С. 65–76.

29. *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М. : Прогресс, 1991. – 185 с.

30. *Георгиев Ю.М.* Особые экономические зоны Окинавы // Япония сегодня. – 2004. – №2. – С. 8–9.

31. *Горбылев А.М.* «Ката» в практике японских воинских « искусств» XVI–XIX вв. // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 13, Востоковедение. – 2001. – №4. – С. 50–64.

32. *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* Николай Александрович Невский. – М. : Наука, 1978. – 216 с.

33. *Деревянко Е.И.* К вопросу о состоянии исследований керамики в дальневосточном регионе // Керамика как исторический источник. – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 43–54.

34. *Джарылгасинова Р.Ш.* Танцы Окинавы и...происхождение рюкюсцев // СЭ. – 1971. – №5. – С. 136–149.

35. *Долин А.А, Попов Г.В.* Кэмпо – традиция воинских искусств. – М.: Наука, 1991. – 430 с.

36. *Зайцева О.В.* Погребение с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика, исследования и возможности интерпретации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: НГУ, 2005. – 28 с.

37. *Зотов О.В.* Китай как «универсальная» монархия и псевдоданничество «варваров» // Восток. – 1994. – №2. – С. 16–25.

38. *Ионова Ю.В.* Народы зарубежной Азии // СЭ. – 1959. – №5. – С.190–194. – Рец. на кн.: C.J.Glaken. The Great Loochoo. A study of Okinawan village life. – Honolulu: University of Hawaii press, 1955.

39. *Карлов В.В.* Заметки на «мосту между прошлым и будущим», или историческое сознание этноса как феномен и объект изучения // ЭО. – 2004. – №2. – С. 3–20.

40. *Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В.* Китай – Япония: любовь или ненависть? – М. : ИВ РАН, Крафт+, 2001. – 376 с.

41. *Классен Х.* ДЖ. М. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 37–52.

42. *Кожевников В.В.* Откуда пришли японцы? – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 180 с.

43. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология: учеб. пособие. – М. : Ладомир, 2001. – 213 с.

44. *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: сб.ст. /отв. ред. В.А. Попов – М. : Вост. лит. РАН, 1995. – С. 11–61.

45. *Красиков С.А.* Политические риски детрадиционализации // Полис. – 2008. – №5. – С. 180–186.

46. *Крюкюв М.В.*, Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. – М. : Наука, 1978. – 342 с.

47. *Левин М.Г.* Этническая антропология Японии. – М. : Наука, 1971. – 235 с.

48. *Мендрин В.М.* История сёгуната в Японии. Кн. 2: Минамото I. – Владивосток : Изд-во Вост. ин-та, 1911. – 102 с.

49. *Мещеряков А.Н., Грачев М.В.* История древней Японии: 2-е изд. – СПб. : Гиперион, 2003. – 512 с.

50. *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии. – М. : Вост. лит. РАН, 1999. – 319 с.

51. *Поливанов Е.Д.* Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. – СПб., 1914. – 18 с.

52. *Прасол А.Ф.* Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). – Владивосток : Дальнаука, 2002. – 358 с.

53. Рюкюсцы // Народы Восточной Азии / ред. Н.Н. Чебоксаров. – М.; Л. : Наука, 1965. – С. 936 – 941.

54. *Сашин Л. П.* Остров «на игле» // Япония сегодня. – 2000. – №8. – С. 10–11.

55. *Сапронов В.А.* Остров, куда не вернулся мир: Очерки об Окинаве. – М. : Наука, 1981. – 150 с.

56. *Стэнли-Бейкер Джоан.* Искусство Японии. – М. : Слово/Slovo, 2002. – 240 с.

57. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

58. *Томилов Н.А.* К проблемам методологии некоторых частных исторических и смежных с ними наук // V конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. 9–12 июня, 2003 г. – Омск; М., 2003. – С. 25–30.

59. *Фоняков И.О.* Восточней Востока. – Новосибирск, 1971. – 183 с.

60. *Фукуёси Сёдзи.* Окинава – «остров - база» // Азия и Африка сегодня. –2000. – №10. – С. 50–54.

61. *Чигринский М.Ф.* О татуировке аборигенов Тайваня // Народы бассейна Тихого океана: общество, история, культура : Маклаевские чтения, 1993–1994. – СПб., 1994. – С. 138–143.

62. *Шнирельман В.А.* Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // ЭО. – 2006. – №3. – С. 8–21.

63. *Шнирельман В.А.* [Рецензия] // ЭО. – 2007. – №2. – С. 182. – Рец. на кн.: Michael York. Pagan Theology: Paganism as a World Religion. – N.Y.: New York University Press, 2005.

64. *Эгами Намио.* Японская нация и культура Японии // Япония о себе и о мире. Дайджест. – 1994. – №10. – С. 41–68.

65. Япония от А до Я: Энциклопедия. – М. : Япония сегодня, 2001. – 640 с.

66. *Ясуэ Такаси.* Один из пластов культуры Окинавы: О культурном ареале Окинавы и окинавской касури // Материалы международной научно-практической конференции «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур», 16–17 сентября, 2003 г., Ю.-Сахалинск. – Южно-Сахалинск: СахГу, 2003. – С. 96–97.

На английском языке

67. *Allen Matthew.* Identity and resistance in Okinawa. – Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. – 267 p.

68. *Asato Eiko.* Okinawan identity and resistance to militarization and maldevelopment // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Laura Hein & Mark Selden – Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. – P. 228–242.

69. Cultural properties of Okinawa. Part I. Historic sites and places of scenic beauty. – Naha : Okinawa prefectural board of education , 1997. – 154 p.

70. Cultural properties of Okinawa. Part III. – Naha : Okinawa prefectural board of education., 2000. – 178 p.

71. *Hanihara Tsunehiko.* Dental anthropological evidence of affinities among the Oceania and the Pan-Pacific population: The basic populations in East Asia, II //Journal of the Anthropological Society of Nippon. – July 1990. – Vol. 98, № 3. – P. 233–246.

72. *Hanihara Tsunehiko.* Dentition of Nansei islanders and peopling of the Japanese archipelago: The basic population in East Asia // Journal of the Anthropological Society of Nippon. – October 1991. – Vol. 99, № 4. – P. 399–409.

73. *Hanihara Tsunehiko.* The origin and microevolution of Ainu as viewed from dentition: The basic populations in East Asia, VIII // Journal of the Anthropological Society of Nippon. – July 1991. – Vol. 99, № 3. – P. 345– 361.

74. *Hanihara Kazuro.* Dual structure model for the formation of the Japanese population // International symposium: «Japanese as a member of the Asian and Pacific populations», September 25–29, 1990, Kyoto. – Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 1992. – P. 245– 251.

75. *Haring Douglas G.* Chinese and Japanese influences // Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. – Honolulu: University of Hawaii press, 1964. – P. 39–52.

76. *Hein Laura, Selden Mark.* Culture, power and identity in contemporary Okinawa // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Laura Hein & Mark Selden – Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. – P. 1–35.

77. *Hiroto Takamiya.* Okinawa hunter-gatherers: the examination of hunter-gatherer mobility in an island context // Hunter-gatherers of the North Pacific rim. Senri Ethnological Studies 63, 2003. – P. 153–169.

78. *Hiroto Takamiya.* Population dynamic in the Prehistory of Okinawa // Voyages of discovery, the archaeology of islands / ed. by Scott M. Fitzpatric. – Connecticut: Praeger publishers, 2004. – P. 111–128.

79. *Hiroto Takamiya.* The transition from foragers to farmers on the island of Okinawa // Indo-Pacific Prehistory Association bulletin 21, 2004. Melaka Papers. –Vol. 5. – P. 60– 65.

80. *Hudson Mark J.* Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands. – Honolulu: University of Hawaii press, 1999. – 323 p.

81. *Ikegami Yoshimasa.* Local newspaper coverage of folk shamans in Aomori Prefecture // Folk beliefs in modern Japan. – Tokyo : Kokugakuin University, 1994. – P. 9–91.

82. *Inoue Fumio.* Isolated dialectal forms and language substratum in Japan // International Symposium «Interdisciplinary perspectives on the origions of the Japanese». September 25–28, 1996, Kyoto. – Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 1996. – P. 293–307.

83. *Kakazu Hirosi.* Towards the Pacific century: the role of Okinawa and Hawaii. // Development and conservation in the Asia-Pacific region. Regional conference of East-West century «Think globally, act locally», November 5–6, 1993, Naha. – Naha, 1993. – P. 9–19.

84. *Kaneko Erika.* The death ritual // Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. – Honolulu: University of Hawaii press, 1964. – P. 25–29.

85. *Kerr George H.* Okinawa. The history of an island people. – 2nd edition. – Boston, Rutland, Vermont, Tokyo : Tuttle publishing, 2000. – 573 p.

86. *Kozinisev Alexander.* Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: cranioscopic data // Journal of the Anthropological society of Nippon. – July 1990. – Vol. 98, № 3. – P. 247–267.

87. *Lebra William P.* Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. – Honolulu : Hawaii press, 1966. – 196 p.

88. *Lebra William P.* The Okinawan shaman // Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. – Honolulu: University of Hawaii press, 1964. – P. 93–98.

89. *Maretski T. & H.* Taira: an Okinawan village. – New York – London – Sydney: John Willy and sons, Inc., 1966. – 176 p.

90. *Matsumura Hirofumi.* A microevolutional history of the Japanese people from a dental characteristics perspective // Journal of the Anthropological society of Nippon. – April 1994. – Vol. 10, № 2. – P. 93–118.

116. *Митани Масао*. Харан но Рю:кю: О:тё: = Величие и падение королевской династии Рюкю. – Токио : Ко:сайдо сюппан, 1992. – 249 с.

117. *Ода Сидзуо*. Рю:кю: рэтто кю:сэкки бунка но вакугуми ни цуйтэ = Зона палеолитической культуры архипелага Рюкю // Сэнси дзидай но сэйкацу то бунка = Жизнь и культура в доисторический период. – Тиба : Ватанабэ инсю:, 2001. – С. 7–23.

118. *Окуда Масао, Миёси Тоити*. Рю:кю: Яэяма но дэнто:тэки каоку = Традиционное жилище на о-ве Яэяма архипелага Рюкю // Миндзокугаку кэнкю:, 1974. – Вып. 39, № 2. – С. 176–190.

119. *Ота Масахидэ*. Нингэн га нингэн дэ наку нару токи. Genocide. =Время, когда люди уничтожают людей. Геноцид. – Наха : Окинава таймуся, 1991. –290 с.

120. *Охама Икуко*. Нихон но «нансин» то кё:ику сэйсаку но хэнъё: – Окинава, Тайван, Индонэсиа ни окэру сёто:кё:ику но хикаку ситэки ко:сацу = «Продвижение на юг» Японии и изменения в системе образования: Сравнительно-историческое изучение начального образования на Окинаве, в Тайване и Индонезии // Рю:кю: рэтто. Сякайтэки бунка-тэки кэнкю: = Архипелаг Рюкю: Общественно-культурное сетевое исследование. – Токио : Хосэй дайгаку Окинава бунка кэнкю:дзё, 2003. – С. 75–82.

121. *Такара Кураёси, Дана Кисаюки*. Рю:кю: О:коку = Королевство Рюкю. – Токио : Кавада сёбо: синся, 2002. – 127 с.

122. *Ханихара Кадзуро*. Утинантю ва доко кара кита ка? = Откуда пришли «утинантю»? // Рюкю симбун. – 1993. – 7 янв. – 4 февр. – 16 с.

123. *Хига Сюнтё, Симода Сэйдзи, Синдза Токэйдзи*. Окинава. – Токио : Иваба сётэн, 1997. – 222 с.

124. *Хирото Такамия*. Юрё сайсю: кара но:ко: э Окинава дэ кэ:су = Переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству на примере Окинавы // Сэнси ю:рё: сайсю: бунка кэнкю: но атарасий сия = Новый взгляд на проблему изучения доисторической культуры охотников-собирателей. – Осака : Кокурицу миндзокугаку хакубуцукан, 2002. – С. 257–273.

125. *Хироэ Такамия*. Окинава но сэнси исэки то бунка = Доисторические памятники и культура на Окинаве. – Токио : Дайитисё:бо, 1994. – 414 с.

126. *Хокама Сюдзэн*. Иха Фую но какумон то сисо: = Учение и концепции Иха Фую. Иха Фую Дзэнсю: // Полн. собр. соч. Иха Фую. Т.11. – Токио : То:ё:инсацу кабусики кайся, 1976. – С. 474–563.

127. *Хокама Сюдзэн*. Окинава-но рэкиси то бунка = История и культура Окинавы. – Токио : Тю:о:ко:ронся, 1986. – 248 с.

Электронные ресурсы

128. *Бакшеев Е.С.* Острова в Великом океане: Окно на Окинаву. – 2004 – Вып. 1. – URL : http://www.russia-japan.nm.ru

129. *Бакшеев Е.С.* Краткий очерк истории изучения этнографии Окинавы в Японии и вклада российских ученых: Окно на Окинаву. – 2006. – Вып. 7. – URL : http://www.russia-japan.nm.ru

130. *Такара Кураёси*. Окинава как фактор многообразия Японии: историко-культурные аспекты, 2000. – URL : http://www.japantoday.ru

131. *Amemia Kozy K.* Being "japanese" in Brazil and Okinawa: JPRI Occasional paper. May 1998. – № 13. – URL : http://www.jpri.org

132. *Applegate Ben*. Tyranny of the Mainland: the relationship between central and local governments in Okinawa prefecture, 2003. – URL : http://tfarrm.sdfl.org

133. Ceramics Okinawa's Tableware. Uchina Series: Colors and Forms of Okinawa, 2004. – URL : http://www.pref.okinawa.jp

134. Okinawan cuisine: Wonder Okinawa, 2003. – URL : http://www.wonder-okinawa.jp

135. Okinawan pottery : Wonder Okinawa, 2003. – URL : http://www.wonder-okinawa.jp

136. *Purves John*. Managing a wild horse with a rotten rope: a contemporary history of Okinawa, 2001. – URL : http://www.niraikanai.wwma.net

137. *Rabson Steve*. Assimilation policy in Okinawa: promotion, resistance, and "reconstruction". JPRI Occasional paper, 1996. – № 8. – URL : http://www.jpri.org

138. *Tanji Miyume*. The second – wave "Okinawan struggle": towards reversion, 2003. – URL : http://www.lib.murdoch.edu.au

139. The modern entertainment play in Okinawa (Okinawa shibai). Wonder Okinawa, 2003. – URL : http://www.wonder-okinawa.jp

140. *Travis John*. Jomon genes : Using DNA, researchers probe the genetic origins of modern Japanese: Science News, Feb. 15, 1997. – URL : http://www.findarticles.com

141. *Wiseman Paul*. Fabric of a long life : USA Today, 2002. – URL : http://www.usatoday.com

91. *Nakachi Kiyoshi.* Ryukyu – U.S. – Japan Relations 1945–1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). – Philippines, Quezon-city: Abiva Publishing House, inc., 1989. – 228 p.

92. *Narita Yoshimitsu.* Dialect areas. // Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. – Honolulu: University of Hawaii press, 1964. – P. 31–33.

93. *Pearson Richard J.* Ancient Japan. Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institute, Washington D.C., Agency for Cultural Affairs, Government of Japan. – Tokyo, 1992. – 324 c.

94. *Pearson Richard G.* Archaeology of the Ryukyu islands. – Honolulu: University of Hawaii press, 1969. – 210 p.

95. *Pearson Richard G.* Archaeological Perspectives on the Rise of the Okinawan State // Journal of Archaeological Research. – 2001. – Vol. 9, № 3. – P. 243–285.

96. *Pietrusewsky Michael.* Multivariate craniometric investigations of Japanese, Asians, and Pacific Islanders // International symposium «Interdisciplinary perspectives on the origins of the Japanese». September 25–28, 1996, Kyoto. –Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 1996. – P. 65– 81.

97. *Serafim Leon A.* When and from where did the Japonic language enter the Ryukyus? – A critical comparison of language, archaeology, and history // Perspectives on the origins of the Japanese language / ed. by Osada Toshiki and Alexander Vovin. – Kyoto : International Research Center for Japanese Studies, 2003. – P. 463–475.

98. *Sered Susan.* Women of the sacred groves. Divine Priestesses of Okinawa. – New York, Oxford : Oxford University press, 1999. – 298 p.

99. *Smits Gregory.* Visions of Ryukyu: Identity and Ideology in Early-Modern Thoughts and Politics. – Honolulu : University of Hawaii press, 1999. – 214 p.

100. *Suttles Wayne.* Problems of cultural history // Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. – Honolulu: University of Hawaii press, 1964. – P. 57–75.

101. *Taira Koji.* A new approach to Japanese studies at Hosei University: Kokusai Nihongaku (International Japan-Studies) // The Ryukyuanist. A Newsletter on Ryukyu/Okinawa studies. Autumn 2004. – № 65. – P. 1–2.

102. *Taira Koji.* Troubled national identity // Japan minorities: the illusion of homogeneity / ed. by Michael Weiner. – London and New York: Routledge, 1997. – P. 140–177.

103. *Takayuki Shinzato.* Distribution networks in the Okinawa islands in the period parallel with the Yayoi (300 BC to 300 AD) // Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin 23, 2003 (Taipei Papers, Volume 1). – P. 73–82.

104. *Teruya Yoshihiko.* Okinawan history and culture // Development and conservation in the Asia-Pacific region. Regional conference of East-West century «Think globally, act locally», November 5–6, 1993, Naha. – Naha, 1993. – P. 20–27.

105. The demise of the Ryukyu Kingdom / ed. with notes by Eitetsu Yamaguchi and Yuko Arakawa. – Japan, Okinawa, Ginowan-city: Yojushorin, 2002. – 269 p.

106. *Uemura Yukio.* Ryukyuan and Japanese dialects // Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. – Honolulu: University of Hawaii press, 1964. – P. 35–38.

107. *Yonetani Julia.* Future "assets", but at what price? The Okinawa initiative debate // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Laura Hein & Mark Selden – Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. – P. 243–272.

108. *Waley Arthur.* The nine songs. A study of shamanism in ancient China. – London : George Allen and Unwin Ltd, 1955. – 64 p.

На японском языке

109. *Арасиро Тосиаки.* Рюкю – Окинава-си = История Рюкю, Окинавы. – Наха : То:ё: кикаку инсацу, 2002. – 311с.

110. *Асато Сусуми.* О:гата гусуку сюцюгэн дзэнъя но Рю:кю: рэтто = Архипелаг Рюкю накануне появления больших гусуку // Сэнси дзидай- но сэйкацу то бунка = Жизнь и культура в доисторический период. – Тиба : Ватанабэ инсю, 2001. – С. 377–396.

111. *Асато Сусуми, Дои Наоми.* Окинавадзин ва доко кара кита ка? = Откуда пришли окинавцы? – Наха : Бо:та:инку, 1999. – 198 с.

112. *Габэ Масао.* Нихон но нака но Окинава, Окинава но нака но Нихон = Окинава в Японии, Япония на Окинаве // Рю:кю: рэтто. Сякайтэки бункатэки кэнкю: = Архипелаг Рюкю: Общественно-культурное сетевое исследование. – Токио : Хосэй дайгаку Окинава бунка кэнкю:дзё, 2003. – С. 5–13.

113. *Дои Наоми.* Нансэй сё:то:-ни окэру дзинкоцу кэнкю: но гэндзё: = Современное состояние в исследовании костных останков человека на островах Нансэй // Сэнси дзидай но сэйкацу то бунка = Жизнь и культура в доисторический период. – Тиба : Ватанабэ инсю:, 2001. – С. 469.

114. *Икэгами Ёсимаса.* Миндзоку сю: кё: то сукуи – цугару, Окинава но минкан мико = Народные шаманы Окинавы и Цугару в свете традиционных верований. – Киото : Танко:ся, 1992. – 176 с.

115. *Иха Фую.* Рю:кю:дзин сюрон = Теория о предках рюкюсцев : 2-е изд. – Окинава, Гиннован : Ако Сёрин, 1997. – 40 с.

Терминологический словарь

Аваби – моллюск, раковины которого использовались для декора изделий, выполненных в технике радэн.

Авамори – традиционный рюкюский спиртной напиток. Изготавливается путем дистилляции из зерен риса.

Агари маи – досл. «тур на восток», религиозный ритуал в Королевстве Рюкю, во время которого королевский двор и жрицы совершали путешествие на полуостров Тинэн, где происходил молебен.

Адзи (андзи) – княжеский титул в Королевстве Рюкю. Первоначально старейшина в кровнородственной или соседской общине. С усложнением социальной организации объединял под своей властью несколько соседних поселений.

Амамикё – богиня – прародительница в рюкюской мифологии.

Араяки – неглазурованная керамика. Стиль окинавского керамического искусства, характеризующийся отсутствием глазурованного покрытия.

Аса – прозрачная морская водоросль, произрастающая у берегов Окинавы. Входит в состав некоторых блюд окинавской кухни.

Аси тэбити – суп из свиных ножек. Популярное блюдо традиционной окинавской кухни.

Бансё – орган районного управления в Королевстве Рюкю.

Басёфу – «банановая» ткань. Исходным материалом служит волокно пальмы *басё*.

Бингата – от *бин* – цвет, *ката* – трафарет, шаблон. Традиционное рюкюское искусство окрашивания тканей.

Буцудан (камтана) – домашний буддийский алтарь в *нибандза* с курильницей для фимиама, светильниками и табличками с именами предков. ***Вакасю-одори*** – см. *ха-одори*.

Вакута-яки – от района Вакута в г. Наха. Первые керамические изделия (начало XVII в.), в производстве которых стала применяться глазурь.

Ганко-то – «партия стойких». Политическое объединение чиновников Королевского Совета Сюри. Выступало за сохранение двойного вассалитета и старых традиций королевства.

Гяй – горькая окинавская дыня, по виду напоминает большой огурец.

Гохора – название моллюска, обитающего у побережья Рюкю, украшения из его раковин высоко ценились на Кюсю в период *яёй*.

Гун – округ, японская административная единица.

Гусуку – досл. замок, цитадель. Политико-административный центр, сочетавший властные функции с военными, экономическими, религиозными и культурными. Появление гусуку на архипелаге Рюкю относится к XII–XV вв., отсюда название этого периода в истории Рюкю – *эпоха гусуку*.

Дати-бин – фляжка для авамори. Носилась на бедре, для чего по бокам делались специальные петли, в которые протягивалась веревка.

Дзёмон – 1. Неолитическая культура в Японии. Свое название получила от специфического вида керамики, характеризующейся «веревочным орнаментом». Была распространена практически на всей территории современной Японии – от Хоккайдо до Рюкю (о-ва Амами – Окинава). 2. Название археологического периода, соответствующего неолиту (12 тыс. лет – III в. до н.э.).

Дзёфу – легкая, прочная ткань. Изготавливалась из *тёма* (Boehmeria nivea) – многолетнего растения рода крапивы.

Дзёяки – глазурованная керамика. Стиль окинавской керамики, характерный для изделий, покрытых глазурью.

Дзитодай – чиновники, назначаемые правительством Королевства Рюкю для надзора над княжескими управляющими.

Дзифу (кандзаси) – декоративная шпилька (заколка) для поддержания мужских и женских причесок.

Дзо-одори – популярные танцы. Созданы на Окинаве в конце XIX в. на основе классического танца, обогащенного фольклорными элементами.

Догу – зооморфные и антропоморфные глиняные статуэтки высотой от 3 до 30 см. Имели культовый характер. Среди антропоморфных изображений часто встречаются стилизованные женские фигурки с утрированными формами – принадлежность к культу плодородия. Культура дзёмон Японии.

Дотаку – бронзовые колокола размером от 20 до 130 см. Основа ритуального комплекса района Кинки на о-ве Хонсю в период яёй.

Дэйго – особый род деревьев, произрастающих на Окинаве. Древесина отличается особой прочностью, используется в производстве лаковых изделий.

Имогай – съедобный морской моллюск, украшения из его раковин высоко ценились на Кюсю в период яёй.

Исинабэ – каменные котлы. Изготовлялись из особого камня стеарита. Высоко ценились за способность долго сохранять тепло.

Итибандза – главная гостиная в рюкюском доме. В ней обычно принимают важных гостей.

Иха – тип керамики раннего периода Кайдзука (4000 – 1000 л. до н.э.). Характерной чертой является наличие четырех выступов на венчике сосуда. Венчики слегка расширены, наибольший диаметр сосуда в горловине. Сосуды украшены в верхней части простым резным узором, нанесенным заостренной палочкой.

Ихай – таблички с именами предков. Располагаются на буцудане.

Кагэки – вид театрального искусства на Окинаве. Окинавская опера, сочетающая тематику народных песен с элементами классической музыки и танца.

Кайдзука – раковинная куча. Отсюда название археологического периода на островах Рюкю – период кайдзука.

Кайдзури бугёсё – правительственное ведомство в эпоху Королевства Рюкю, в ведении которого находилось производство лаковых изделий.

Кайка-то – «партия просвещения», оппозиционная *ганка-то*. Сторонники модернизации и сотрудничества с японскими властями.

Камабоко – рыбные сосиски. Блюдо традиционной рюкюской кухни.

Ками – божества в традиционной религии Японии и Рюкю.

Ками-асаги – сакральное место в центре поселка, открытый навес, под которым жрицы сидят во время празднеств.

Ками-даари (яп. ками-дарэ) – досл. «навешивание», т.е. схождение духа божества на жрицу или шаманку. Подобие шаманской болезни – психосоматические расстройства организма, не поддающиеся лечению.

Камин-тю (ками-сама) – человек-божество. Обозначения жриц всех рангов. Имеет двойственное значение: человек, который служит богам; человек, обладающий способностью общаться с божествами, которому в силу этой способности присуща некая святость.

Камуияки – керамические сосуды зеленовато-серого цвета, изготовлявшиеся путем обратного обжига. Начало повсеместного распространения на Рюкю относится к концу XI – началу XII в.

Камэ – кувшин.

Каннуси – синтоистские священники в Японии.

Каратэ – вид традиционного японского искусства рукопашного боя. В Японию попало с Окинавы. «Кара» первоначально имело значение «Китай», затем «пустота», «тэ» – «рука».

Касури – один из самых известных традиционных рюкюских стилей ткачества. Название ткани.

Катэмэси – блюдо рюкюской кухни, готовится из равных частей батата и ячменя.

Кидзоку – аристократическое сословие в Королевстве Рюкю (семья и родственники короля).

Кикобо – от «ки» – «черепаха», «ко» – «панцирь», «бо» – «могила» – форма погребального склепа на Окинаве.

Кикоэ-оогими (Чифи-уфудзин) – Внимающая и Ведающая Великая Госпожа. Верховная жрица. Стояла во главе рюкюского религиозного культа. По традиции принадлежала к роду короля по мужской линии.

Комбу – морская капуста. Важный компонент традиционной рюкюской и японской модели питания.

Корэгусу (корай куса) – корейская трава, вид перца. Завезена из Кореи в Японию, а оттуда на Окинаву.

Кофун – курган, масштабное погребальное сооружение, характерное для Японии III–VII вв. Название исторического периода (соответствует железному веку в общеархеологической типологии).

Куми-одори – вид танца *укансин-одори*. Музыкальное представление из песен и танцев, объединенных единым сюжетом.

Кун-кун-си – классическая нотная запись на Рюкю.

Кюкан ондзон дзидай – «период, когда сохранялись старые обычаи». Начальный этап (1879–1895) аннексии островов Рюкю, когда японское правительство воздерживалось от активной ассимиляционной политики.

Маасу – название соли на Окинаве, отличается от обычной столовой более твердыми крупицами и слегка влажным вкусом.

Мабуи – в традиционном рюкюском мировоззрении представление о душе, поддерживающей жизнь человека.

Магири (мадзири) – район, административная единица в Королевстве Рюкю.

Магэ – мужская традиционная прическа на Рюкю. Волосы смазывались маслом, укладывались на затылке в узел и фиксировались особой шпилькой.

Макиэ – техника, использовавшаяся в производстве лаковых изделий. Широко применялась на территории «основной» Японии (конец периода Хэйан – XI – XII вв.), на Окинаве была менее развита. Особенность: цветная, золотая или серебряная пыль или частички распылялись поверх еще липкого лака.

Мани-гуту – этическая концепция в традиционном рюкюском мировоззрении. Вера в то, что поведение человека в этом мире повлияет на жизнь его потомков, а деятельность предков отражается на живущих.

Мики – церемониальное вино для подношения богам во время ритуалов. Делалось путем брожения пережеванного риса. Известно также в древней Японии, на Тайване, в Полинезии.

Минатогавадзин – человек Минатогава. Палеолитический человек Японии. Возраст 18250±650 – 16600±300 лет. Останки обнаружены в 1967 г. в местечке Минатогава у южного побережья о-ва Окинава.

Мисо – густая паста из перебродивших соевых бобов, входит в состав многих блюд японской и окинавской кухни.

Модзуку – волокнистая, хрустящая морская водоросль. Входит в состав некоторых блюд рюкюской кухни.

Мои – колючая морская водоросль, произрастающая у берегов Окинавы. Входит в состав некоторых блюд рюкюской кухни.

Моцу – блюдо традиционной окинавской кухни из свиной печени, сердца и овощей.

Мурокава – тип керамики раннего периода Кайдзука (4000–1000 л. до н.э.). Сосуды: кувшины с широким устьем и плоским основанием. Характерные черты: расширяющиеся края венчика, желтовато-коричневый или светло-коричневый цвет поверхности сосудов (встречались и темно-коричневые).

Наками – суп из внутренностей и желудка свиньи. Популярное блюдо традиционной окинавской кухни.

Нибандза – вторая гостиная в рюкюском доме.

Ниган – сестра основателя рода. Исполняла религиозные церемонии.

Нисай-одори – см. *ха-одори*.

Нитирюдосорон – концепция об общих для Японии и Рюкю предках. Ее создание связывают с известным ученым, выходцем с Окинавы – Иха Фую (1876–1947).

Ниттю – от «ни» – корень, «тю» – человек. Основатель рода в кровнородственном поселении на Рюкю.

Ния (мутуя) – первый, первоначальный дом. Жилище основателя рода, служил также как храм.

Норо(нуру) – деревенская жрица на Окинаве.

Окинава сибай – театральное представление на Окинаве.

Окинава-тэ – традиционное окинавское искусство рукопашного боя.

Огидо – тип керамики раннего периода Кайдзука (4000–1000 л. до н.э.). Имеет общие черты с керамикой типа *иха* (наличие четырех выступов на венчике), но огидо имеет наибольший диаметр в верхней части тулова. Узор в верхней части сосуда: точечные линии перемежаются зигзагообразным узором.

Онна-одори – см. *ха-одори*.

Ояма – тип керамики раннего периода Кайдзука (4000–1000 л. до н.э.). Выпуклые венчики отсутствуют. Сосуды имеют форму кувшина с широким устьем. Украшена только шейка: доминирует резной узор, сделанный палочкой, заостренной с одной стороны.

Перец – вьющееся растение семейства перцовых, произрастающее в Юго-Восточной Азии. Выращивается на Рюкю. Используется как специя.

Радэн – инкрустация перламутром. Техника изготовления окинавских лаковых изделий. Появилась на Рюкю в XVI в.

Рафутэ – блюдо из свинины в традиционной окинавской кухне.

Родзин-одори – см. *ха-одори*.

Рюка – жанр классической рюкюской поэзии, небольшие стихи размером 8–8–8–6. Появление на Рюкю относится к XVI в.

Рюкю сёбун – меры в отношении Рюкю. Так в Японии называли комплекс мер, предпринимаемых токийским правительством в ходе ассимиляционной политики на территории Рюкю.

Саадака-умари – рождение с высокой духовной силой. Свойство потенциальной шаманки или жрицы.

Сансин (сямисэн) – трехструнный щипковый музыкальный инструмент. Дэка обтянута змеиной кожей. Завезен из Китая во второй пол. XIV– нач. XV в. В Японию попал с Окинавы в XVII в.

Сидзи – дух, сила, власть божества. Способностью обладать сидзи наделены шаманки и жрицы.

Сидзоку – дворянское сословие в Королевстве Рюкю.

Сима – крестьянская община на Рюкю.

Си-но-ко-сё – сословная группа (воины, земледельцы, ремесленники, торговцы) в Японии.

Синэрикю – божество-прародитель в рюкюской мифологии.

Сиса – глиняная фигурка льва, помещаемая на крышу дома для защиты от злых духов.

Ситамаги – особый род деревьев, произрастающих на Окинаве. Древесина отличается особой прочностью, используется в производстве лаковых изделий.

Соба – лапша из гречневой муки. Популярное блюдо традиционной японской и окинавской кухни. На Окинаве делают также из пшеничной муки.

Собата – тип керамики с неправильным геометрическим узором. В качестве оттощающего материала использовался тальк. Появление на Окинаве датируется 4880±130 лет.

Сотэцу дзигоку – букв. «пальмовый ад», период (1923–1930) массовых голодовок в префектуре Окинава, когда единственным продуктом питания были плоды саговой пальмы.

Сэймэйсай – праздник поминовения предков на Рюкю, когда все члены клана собираются у семейной гробницы и делят трапезу с предками.

Сэкибо – каменные жезлы от 30 см до 2 м. Назначение неизвестно. По одной из версий являются фаллическими символами и связаны с культом плодородия. Культура дзёмон в Японии.

Сэнкоцусо – традиционный рюкюский двустадийный погребальный обряд. Погребению подлежали тщательно отмытые костные останки.

Сэрифу-гэки – вид театрального искусства на Окинаве, пьеса в классическом понимании.

Сээфа Утаки – главная национальная святыня Королевства Рюкю. По легенде здесь поселились первые предки рюкюсцев.

Сюгё – тренировка, упражнение. Обряды (обливание холодной водой, уединение, обет молчания и др.), проводимые японскими шаманками на этапе «ученичества». Окинавские шаманки через подобные испытания не проходят.

Татари – проклятие, возмездие за непочитание божества, убийство, причинение вреда любому живому существу.

Татэана – полуподземная землянка, тип жилища периодов дзёмон и начального яёй.

Тё-сон – города и сёла, система административного деления в Японии.

Тидзи – конкретное божество или дух-предок, которым служат шаманки, жрицы и которые руководят ими в их обрядовой деятельности.

Тикиагэ – разновидность рыбных сосисок. Блюдо традиционной рюкюской кухни.

Тинкин – техника декорирования традиционных рюкюских лаковых изделий. Узоры вырезаются специальным ножом, в образовавшиеся канавки заливается лак. Канавки с непросохшим лаком заполняются золотыми листьями или золотой пылью.

Тофу – соевый творог. Традиционное блюдо японской и рюкюской кухни.

Тофуё – деликатесное блюдо окинавской кухни. Готовится путем ферментации из тофу с добавлением дрожжей и авамори.

Тяпуру – самое популярное блюдо на Окинаве, состоящее из смеси тофу, сезонных овощей, свинины, приправ.

Укансин-одори – танец, исполнялся при королевском дворе для развлечения китайских посланников.

Уруси – 1. Название породы деревьев. 2. Лак, добываемый из сока дерева уруси, используется в производстве лаковых изделий на Окинаве.

Урусиэ – техника декорирования традиционных лаковых изделий Рюкю. Рисунок наносится цветным лаком.

Утаки – святилище в жреческом культе. Священное место, куда спускаются или где обитают божества, и где происходит взаимодействие между мирами людей и божеств-духов.

Утинагути сибай – театральные представления на рюкюском диалекте.

Утти – управляющие во владениях князей *адзи*.

Утуку (токонома) – декоративная ниша в *итибандза* для картин-свитков, талисманов, ваз с цветами.

Фукабати – глубокий сосуд с широкой горловиной и плоским основанием.

Хакуэ – техника, применяющаяся в традиционном лаковом производстве Рюкю. Рисунок наносится лаком, сверху накладываются золотые листы. После полного высыхания лака лишние листы удаляются, по внешнему контуру рисунка наносится черный лак.

Ханагаса – большая шляпа в виде распустившегося цветка. Деталь женского танцевального костюма.

Ха-одори – разновидность танца *укансин-одори*. Наиболее известны ***родзин-одори*** («танец пожилых»), ***вакасю-одори*** («танец юношей»), ***нисай-одори*** («танец молодых мужчин»), ***онна-одори*** («танец женщин»).

Хатимати – мужской головной убор в Королевстве Рюкю, напоминал небольшой тюрбан. Представители разных сословий носили хатимати определенного цвета.

Хёдзюнго – нормативный («стандартный») японский язык. В его качестве выбран токийский диалект.

Хинпун – деталь рюкюского домостроения, стена, закрывающая вход во двор. Кроме утилитарной функции несет сакральную нагрузку.

Хинукан – 1. Открытый очаг в виде трех больших камней; 2. Женское божество домашнего очага.

Хогэн фуда – от «хогэн» – «диалект», «фуда» – «бирка, ярлык». Табличка, которую вешали на грудь рюкюским школьникам, замеченным в употреблении родного языка.

Хэймин – простолюдины, сословие в Королевстве Рюкю.

Цубоя-яки – происходит от названия квартала Цубоя в Наха, где сосредоточено производство и продажа традиционных лаковых изделий Рюкю. В настоящее время применяется для названия предметов лакового искусства.

Цуйкин – техника рюкюского лакового искусства. Покрытая несколькими слоями лака поверхность изделия сначала гравировалась, затем узоры окрашивались смесью различных пигментов и сырого лака.

Цумэгатамон – от «цумэ» – «ногти», «ката» – «тип, модель», «мон» – «вещь, предмет». Тип сосудов с узорами, нанесенными кончиками пальцев либо заостренной палочкой. Появление на Окинаве датируется 6670±140 лет.

Чифидзин Удун – храм Верховной Жрицы. Располагался в районе, противоположном дворцу Сюри.

Ю-ну-нуси – правитель, суверен, название правителей Рюкю в Японии.

Юта – окинавская шаманка.

Яёй – 1. Энеолитическая культура Японии, пришедшая на смену культуре дзёмон. 2. Археологический период, соответствующий III в. до н.э. – III в. н.э.

Якогай – моллюск, раковины которого использовались для декора изделий, выполненных в технике радэн.

Оглавление

Введение 5

Глава 1. АРХАИЧНЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ РЮКЮ: ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

§ 1. Основные концепции этногенеза и этапы ранней этнической истории рюкюсцев 15
§ 2. Образование Королевства Рюкю и формирование средневекового рюкюского этноса 39
§ 3. Этнополитическая история Рюкю в XV – XIX вв. 54

Глава 2. РЮКЮ В СОСТАВЕ ЯПОНСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Особенности этнических процессов на Окинаве в 1879–1945 гг. 72
§ 2. Американская политика «деассимиляции» и «Движение за возвращение» на Окинаве (1945 – 1972) 93
§ 3. Современные проблемы Рюкю: этносоциальное развитие и идентичность 110

Глава 3. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РЮКЮСЦЕВ

§ 1. Модель питания и жилище 129
§ 2. Религиозные культы Окинавы 147
§ 3. Традиционные искусства и ремёсла 174

Заключение 195
Список источников и литературы 202
Терминологический словарь 212

Contents

Introduction 5

Chapter 1. ARCHAIC CULTURES OF THE RYUKYUS: PROBLEMS OF THE ORIGIN AND ETHNOCULTURAL CONNECTIONS

§1. The main ethnogenesis conceptions in the Ryukyu Islands, major stages of an early ethnic history 15
§2. The process of the formation of the Ryukyu Kingdom and medieval Ryukyuan ethnos 39
§3. Ethnopolitical history of the Ryukyus in XV - XIX centuries 54

Chapter 2. THE RYUKYU ISLANDS AS THE JAPANESE STATE PROVINCE

§1. The peculiarities of ethnic processes in Okinawa in 1879 – 1945 72
§2. American "deassimilation" policy and "Revision movement" in Okinawa (1945 – 1972) 93
§3. The modern Ryukyus: identity and ethnological development 110

Chapter 3. THE CONTEMPORARY CULTURAL TRADITIONS IN THE RYUKYU ISLANDS

§1. Cuisine and dwelling 129
§2. Religious cults 147
§3. Arts and crafts 174

Conclusion 195
Bibliography 202
Glossary 212

Научное издание

Жанна Михайловна Баженова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РЮКЮСЦЕВ

Редактор-корректор *Г.И. Суббот*
Художник *Г.П. Писарева*
Технический редактор *В.М. Мошкина*
Оператор верстки *С.С. Евсюкова*

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 24.11.2009 г.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x90/16.
Усл. п. л. 15,5 с цв. вкл. Уч.-изд.л. 14,38. Тираж 300 экз. Заказ 70

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

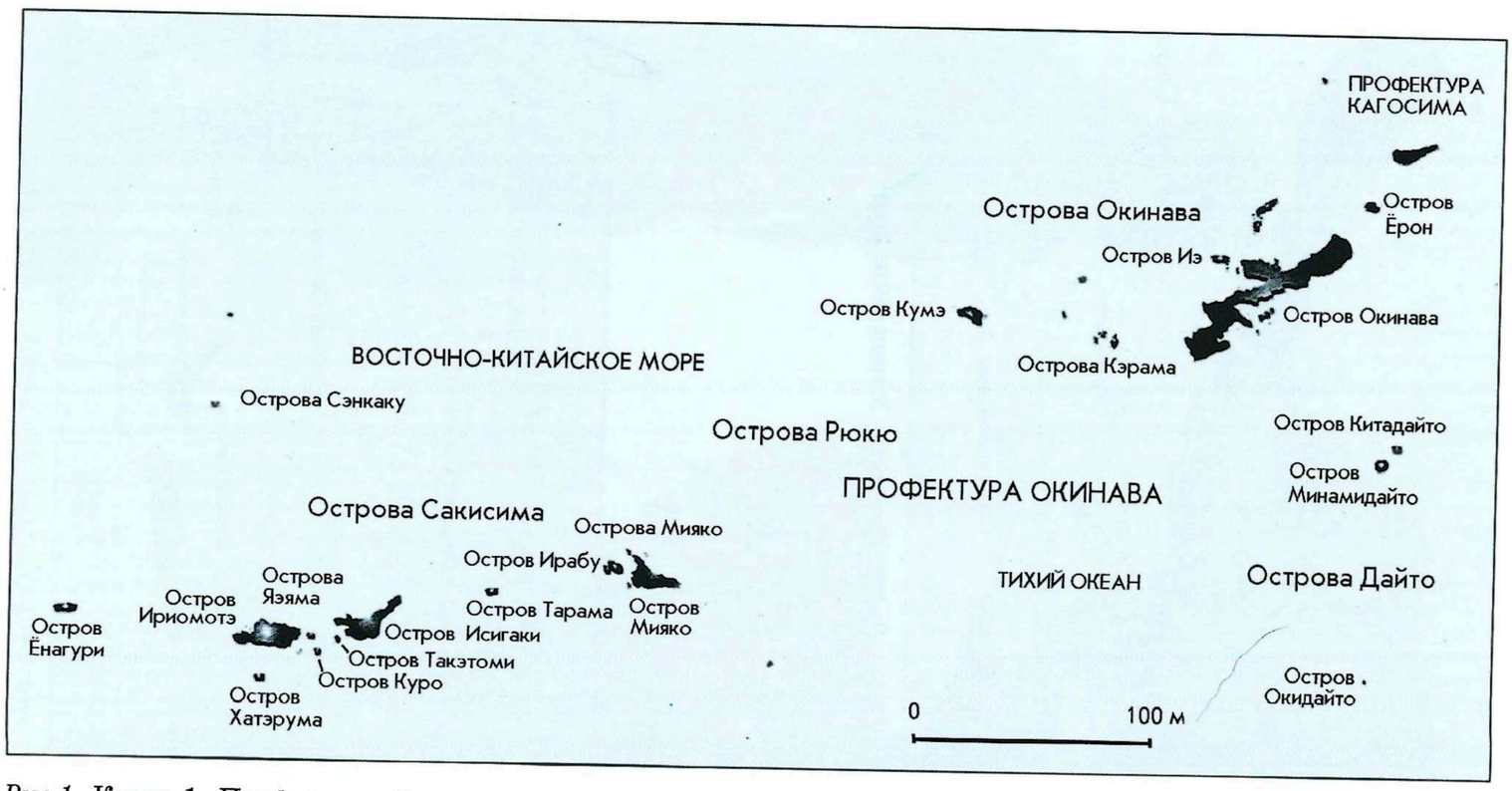

Рис.1. Карта 1. Профектура Окинава

Рис.2. Карта 2. Остров Окинава

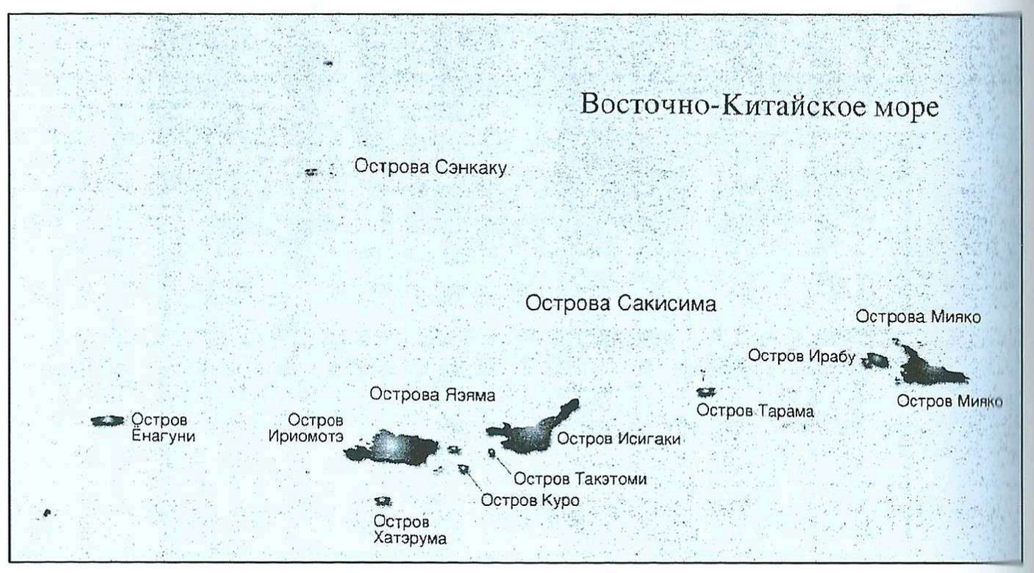

Рис.3. Карта 3. Острова Сакисима

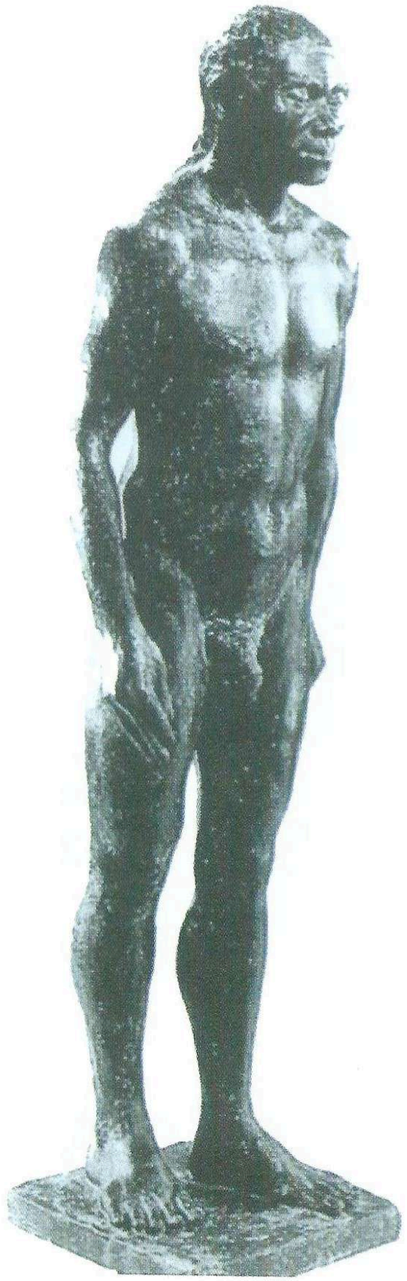

Рис. 4. Человек Минатогава

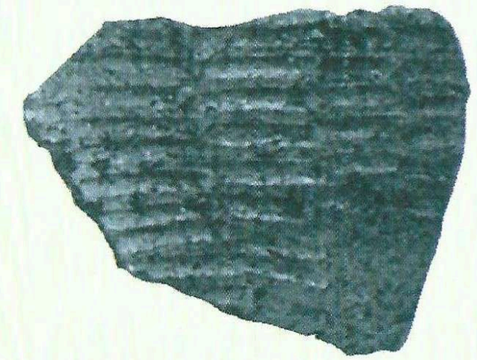

Рис. 5. Образец керамики «собата» (4880±130 лет)

Рис. 6. Образец керамики «цумэгата-мон», тип Агарибару (6450±140 лет)

Рис. 12. Дом семьи Синмори. О-в Ириомотэ (Яэяма). Самый старый из существующих домов

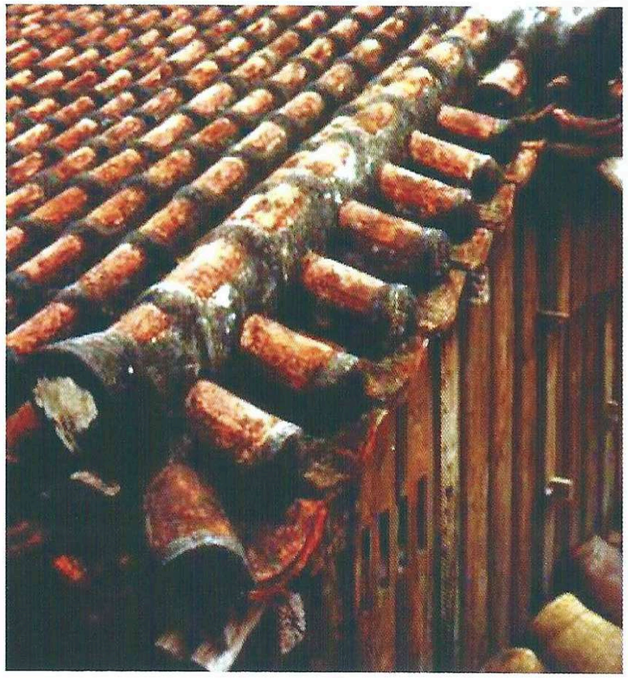

Рис. 13. Традиционное рюкюское жилище: крыша

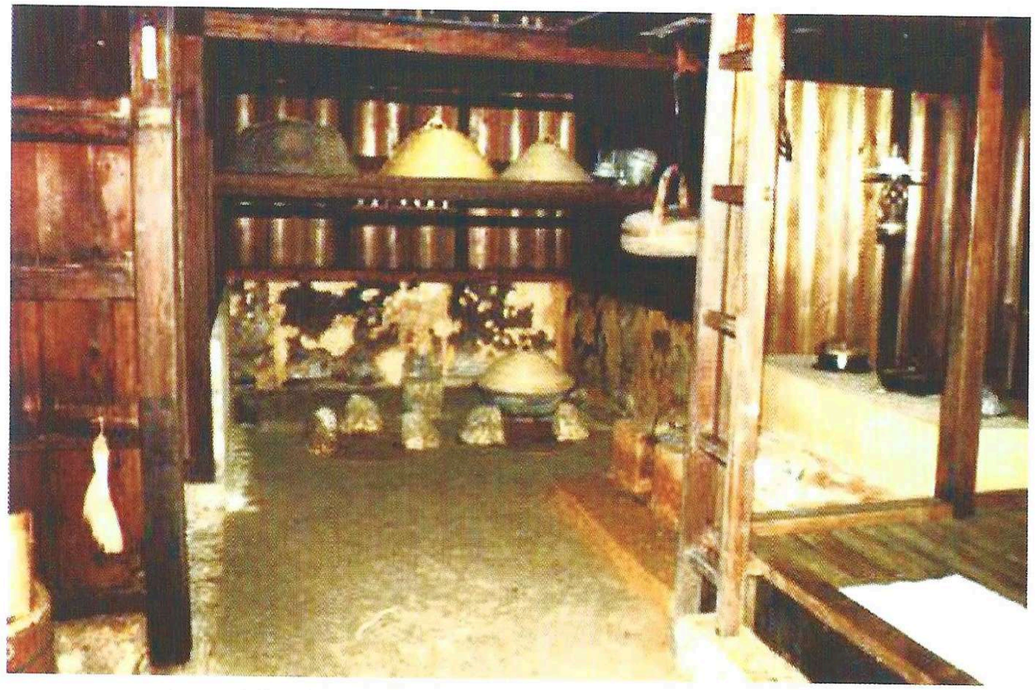

Рис. 14. Традиционное рюкюское жилище: кухня

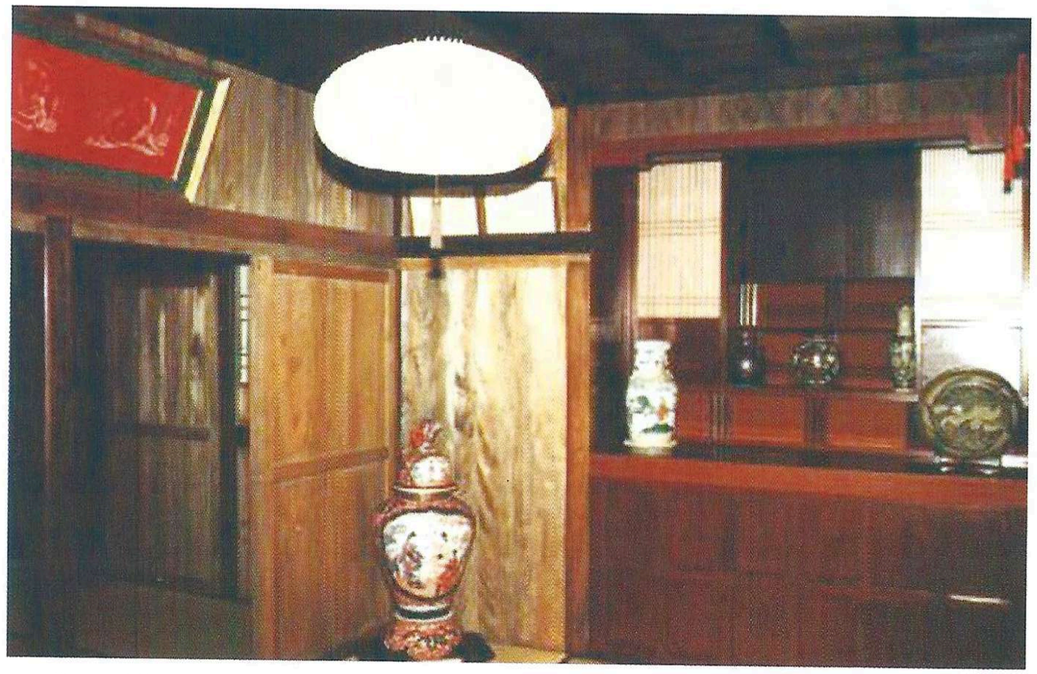

Рис. 15. Традиционное рюкюское жилище: ниша утуку (токонома)

Рис. 7. Керамика раннего периода Кайдзука: тип иха

Рис. 8. Керамика раннего периода Кайдзука: тип огидо

Рис. 9. Керамика раннего периода Кайдзука: тип ояма

Рис. 10. Тагэна

Рис. 11. Руины замка Дзакими. Начало XV в.

Рис. 16. Традиционный рюкюский хозяйственно-жилой комплекс: сарай – слева, жилой дом – справа

Рис. 17. Традиционный рюкюский хозяйственно-жилой комплекс: свинарник

Рис. 18. Королевский дворец Сюри. Главный зал

Рис.19. Королевский дворец Сюри. Внешние ворота

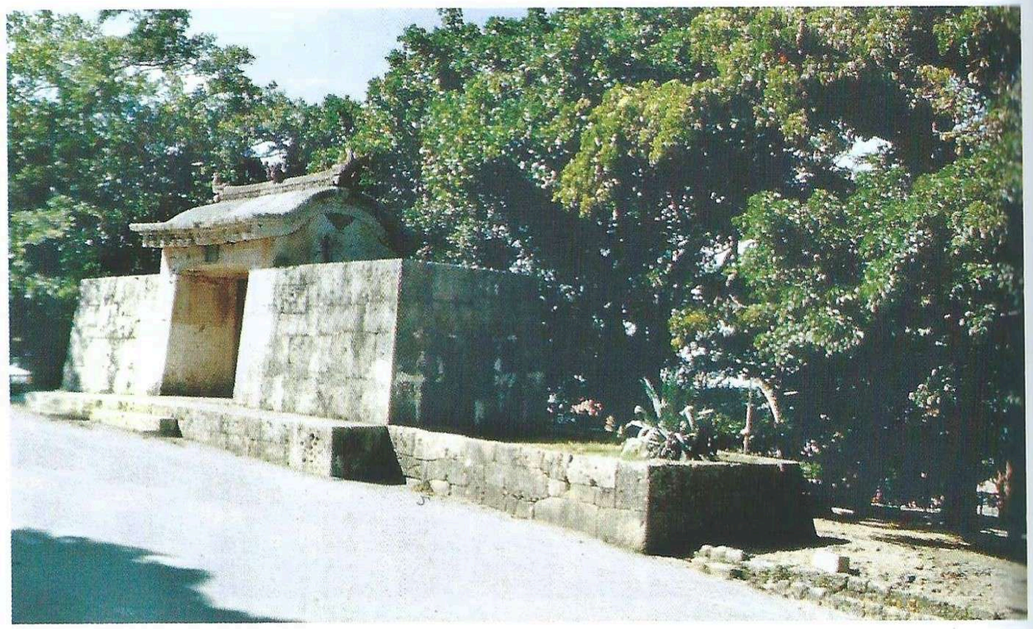

Рис. 20. Королевское утаки – священное место (роща), где молились рюкюские монархи. Слева и позади ворот Сюрэй-мон, Сюри. Построен в 1591 г.

Рис. 21. Деревня. О-в Такэтоми

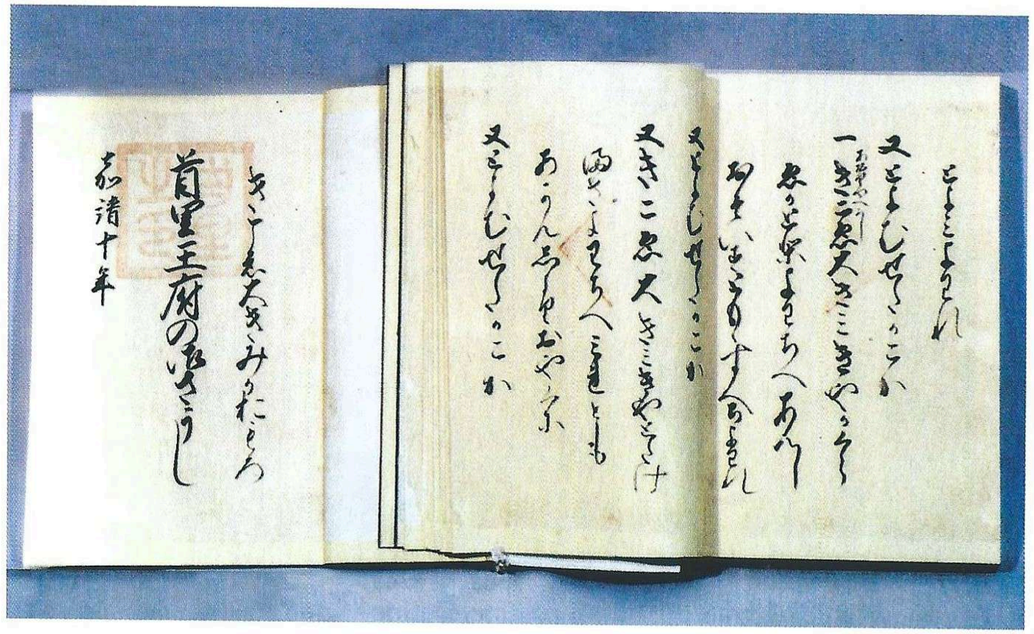

Рис. 22. Антология Оморо-соси

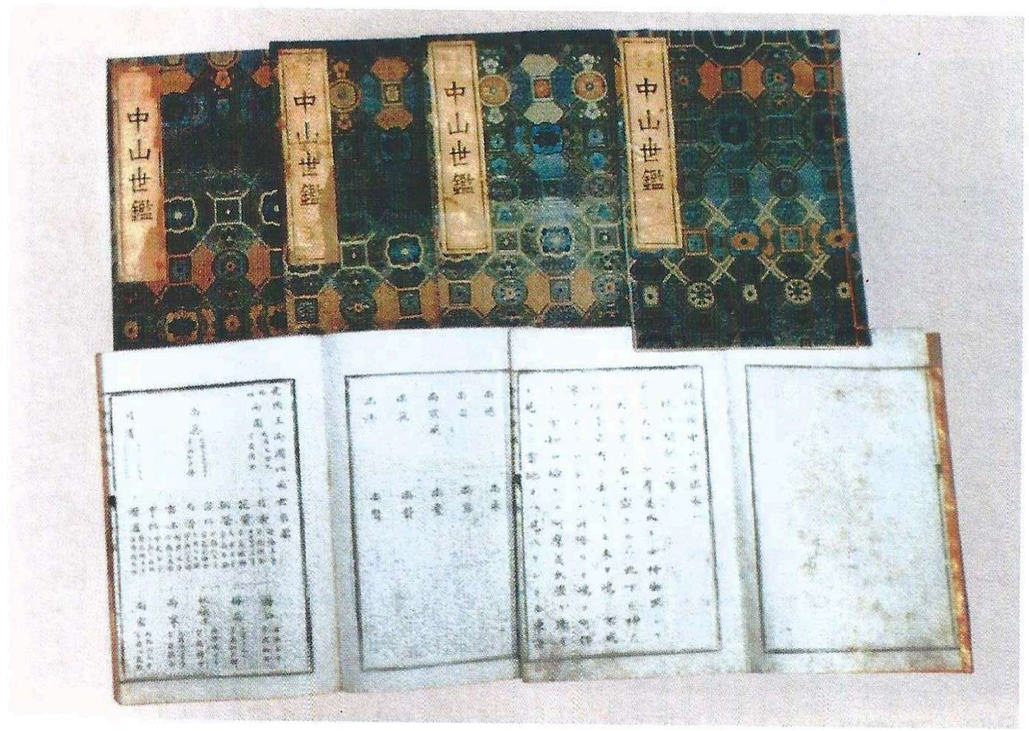

Рис. 23. Тюдзан Сэйкан (Хроники Тюдзан, 1650 г.)

Рис. 24. Шпилька. Золото. Носила Кикоэ-огими. Длина – 27,5 см, диаметр – 10,7 см, вес – 203 г.

Рис. 25. Коробки для священных бус.
Принадлежали одной из высокоранговых жриц о –ва Кумэдзима

Рис. 26. Гробница цилиндрическая – XIV в.

Рис. 27. Кувшины с костными останками. О-в Кумэ
(*Фото Е.В. Пустовойт*)

Рис. 28. Гробница Мияги-бака – сер. XVII в.

Рис.29. Королевский мавзолей Тама-удун

Рис. 30. Колокол. Бронза.
Высота – 87,3 см, диаметр – 63,9 см.
Отлит в 1457 г.
Установлен в храме Рэйондзи

Рис. 31. Коробка хигай-дукури. Высота – 11,3 см, длина – 12,6 см. XVIII в.

Рис. 32. Поднос.
Выполнен в технике радэн. XVIII–XIX вв.

Рис. 33. Столик.
Дерево. XVII в.

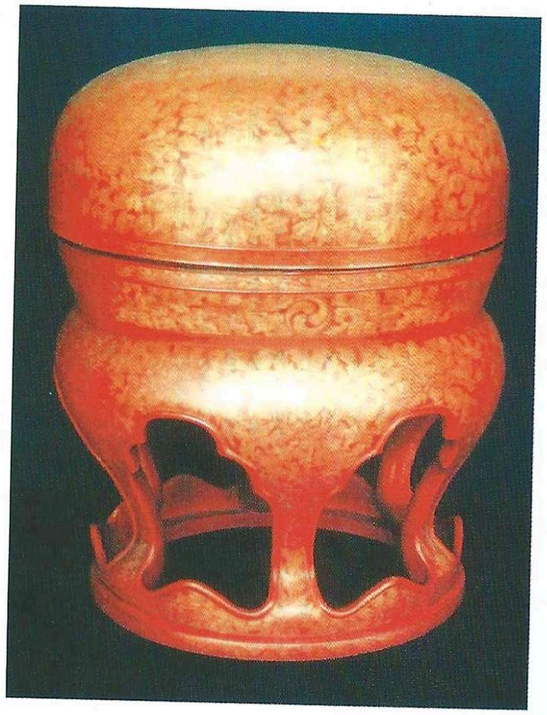

Рис. 34. Поднос укуфан.
Для подношения еды и напитков божествам. Вероятно, принадлежал королевской семье, поскольку на крышке имеется герб.
Высота – 60 см,
диаметр – 48 см. XVI–XVII вв.

Рис. 35. Поднос.
Длина – 33,5 см, ширина – 33,5 см, высота – 4,5 см. XVIII в.

Рис. 36. Столик. Дерево.
Углы закругленные. Покрыт черным лаком.
Края украшены золотыми листьями. XVIII в.

Рис. 37. Столик.
Дерево. Ножки в виде лепестков хризантемы.
Покрыт красным лаком.
Перламутровые вставки, края облицованы золотым листом. XVIII в.

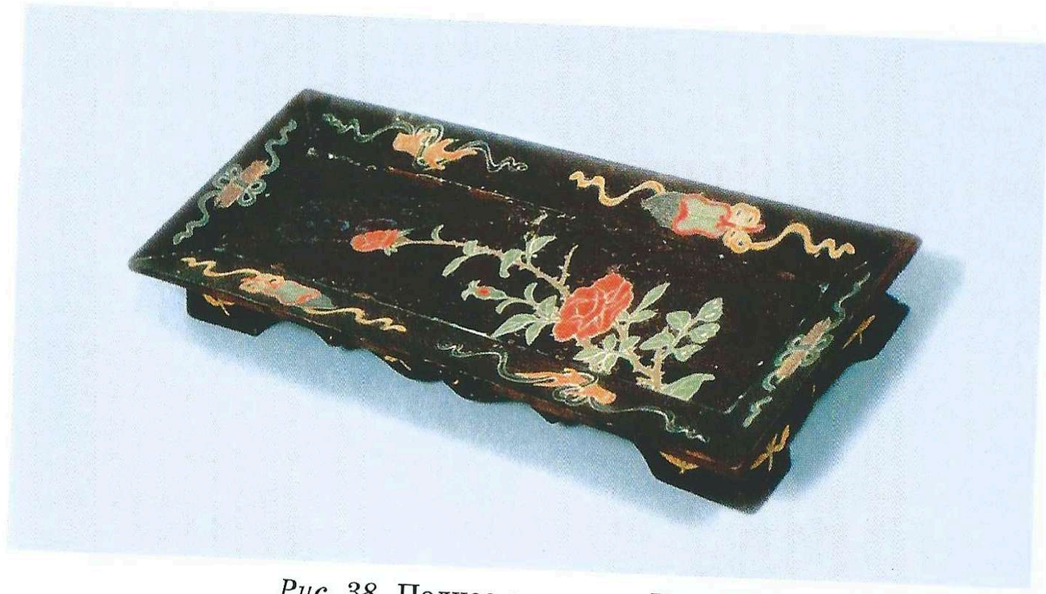

Рис. 38. Поднос с розами. Дерево.
Один из немногих примеров украшения узором в виде розы.
Использовался для поднесения свитков. XVIII в.

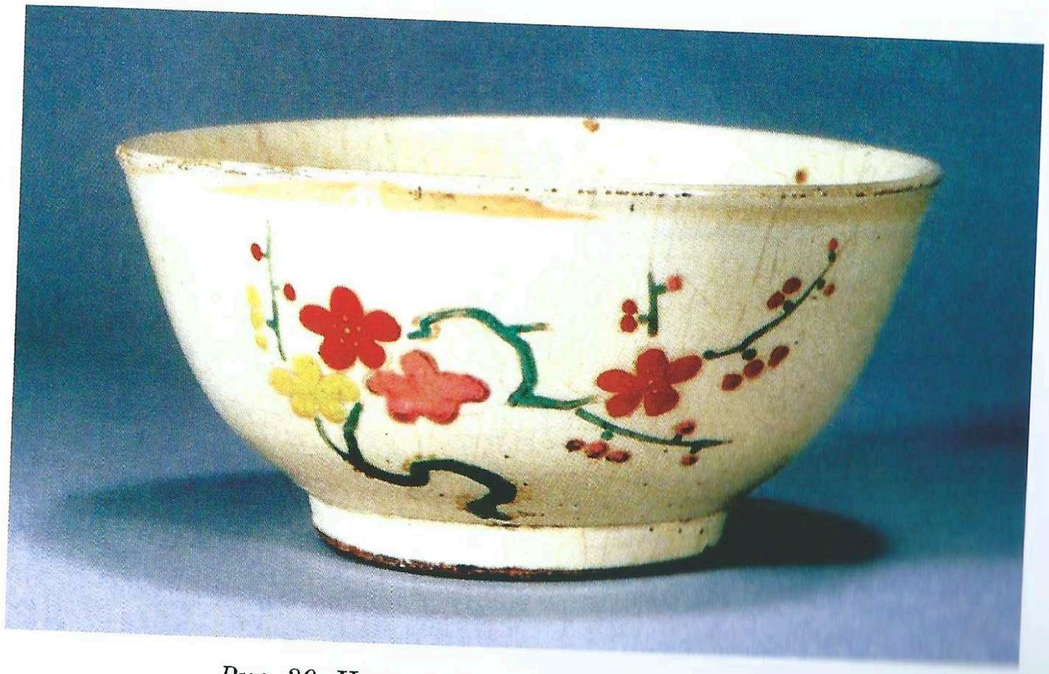

Рис. 39. Чаша для супа. Стиль Цубоя-яки

Рис. 40. Тарелка. Керамика. Стиль Вакута-яки.
Изготов. Накандакари Тигэн (1696–1754)

Рис. 41. Дати-бин (фляжка для авамори). Стиль Цубоя-яки.
По бокам – специальные петли, в которые вставлялась веревка, чтобы можно было носить на бедре. Сверху – отверстие для наполнения фляжки и носик. Боковые грани украшены узором в виде листьев бамбука

Рис. 42. Львы. Диорит. Мавзолей Тама – удун

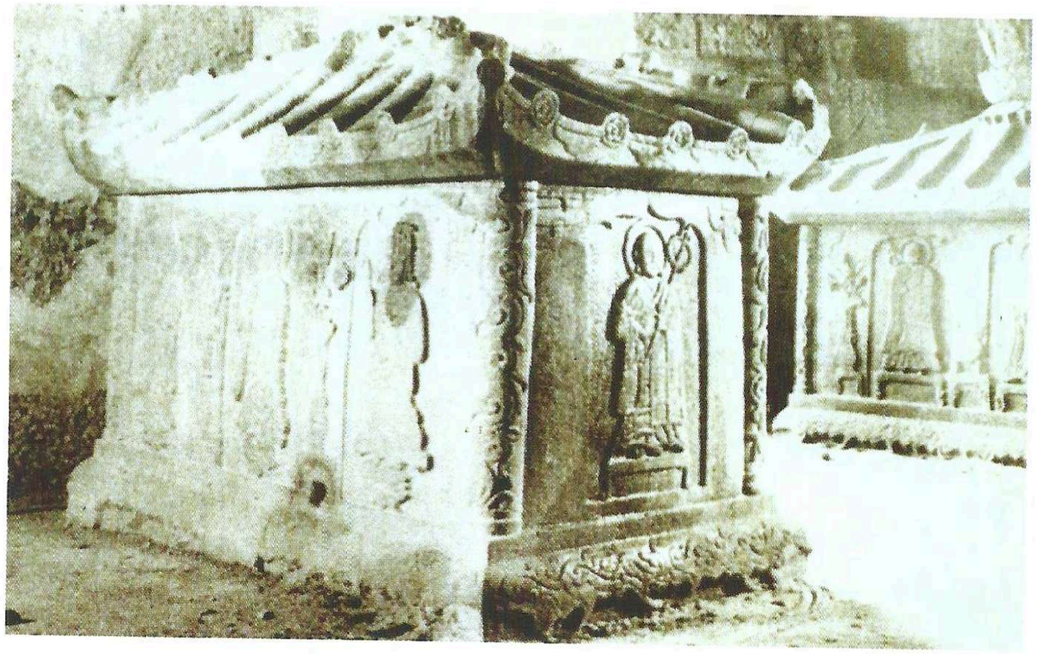

Рис. 43. Каменные саркофаги.
Диабаз. Мавзолей Урасоэ Одорэ

Рис. 44. Магатама – бусы.
Принадлежность ритуального костюма жриц норо

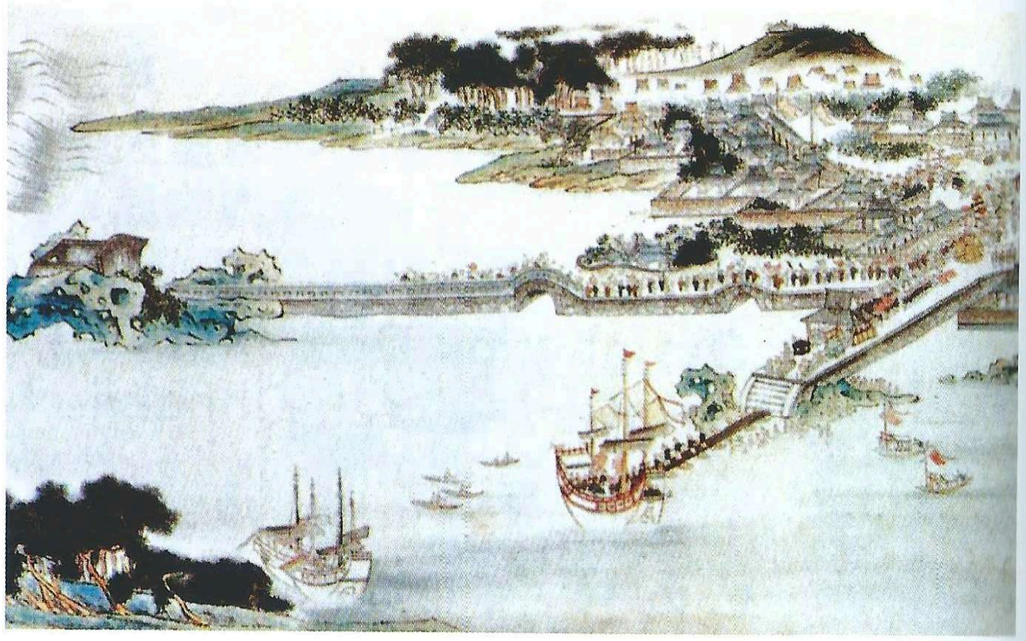

Рис. 45. Свиток с изображением саппоси

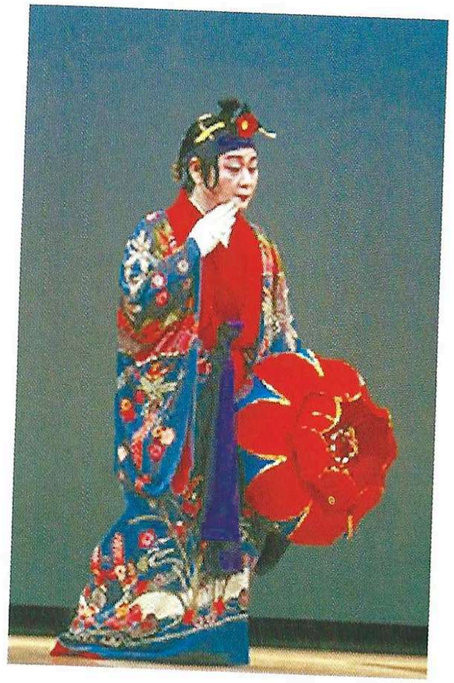

Рис. 46. Онна-дори –
танец женщин

Рис. 47. Родзин-одори –
танец пожилых

Рис. 48. Сямися (сямисэн)

Рис. 49. Последний рюкюский король Сё Тай.
Годы правления: 1848–1879 гг.

Рис. 50. Мемориальный комплекс «Краеугольный камень мира»